

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ.
СЕРИЯ: ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА**

Том 15 № 1 (2018)

DOI: 10.22363/2313-1683-2018-15-1

<http://journals.rudn.ru/psychology-pedagogics>

Научный журнал

Издается с 2003 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61178 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

СОДЕРЖАНИЕ

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЭТИКА

Gauthier J. References to Human Rights in Codes of Ethics for Psychologists: Critical Issues and Recommendations. Part I (Отражение прав человека в этических кодексах психологов: критические замечания и рекомендации. Часть I)..... 7

ПСИХОДИАГНОСТИКА

Ершова Р.В., Ярмоц Е.В., Корягина Т.М., Шляхта Д.А., Тарноу Ю. Операционализация шкалы чувствительности (Highly Sensitive Person Scale) на российской выборке 22

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ И СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Кудинов С.И., Кудинов С.С., Хо Во Куе Ти. Ценностно-смысловые предпосылки адаптивности вьетнамских студентов..... 38

Сычев О.А., Трофимова Е.М. Ценностные и моральные основы отношения студентов к лицам с умственной отсталостью 53

Кузнецова С.А. Временные перспективы и миграционные установки магаданских студентов на разных этапах обучения..... 67

Борисова И.В., Гулакова Е.С. Совладающее и защитное поведение жителей радиоактивно загрязненных территорий в зависимости от возраста и пола..... 79

Чкивадзе Т.В., Беяева Е.Н. Особенности копинга и механизмов психологической защиты у лиц с алкогольной зависимостью 94

КОНФЕРЕНЦИИ

Будинайте Г.Л., Варга А.Я., Чеботарева Е.Ю. Научно-практическая конференция «Современное поле семейной психотерапии» 109

Такоошьян Н., Congress E.P., McKnight M.J. 29th Greater New York Conference on Behavioral Research (XXIX Большая Нью-Йоркская конференция по поведенческим исследованиям) 117

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Кудинов Сергей Иванович, доктор психологических наук, профессор, действительный член МАНПО, заведующий кафедрой социальной и дифференциальной психологии филологического факультета РУДН (Москва, Россия)

Заместитель главного редактора

Крупнов Александр Иванович, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры социальной и дифференциальной психологии филологического факультета РУДН, Заслуженный работник высшей школы РФ, действительный член МАНПО (Москва, Россия)

Ответственный секретарь

Новикова Ирина Александровна, кандидат психологических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой социальной и дифференциальной психологии РУДН, член-корреспондент МАНПО (Москва, Россия)

Члены редакционной коллегии

Барбот Баптисте, Ph.D., профессор психологии Пэйс Университета (Нью-Йорк, США)

Бовина Инна Борисовна, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры клинической и юридической психологии Московского государственного психолого-педагогического университета (Москва, Россия)

Григоренко Елена Леонидовна, доктор психологических наук, Ph.D., профессор Хьюстонского университета (Хьюстон, США)

Джарвин Линда, Ph.D., профессор психологии Парижского колледжа искусств (Париж, Франция)

Кючуков Христо, Ph.D., профессор Университета Силезии (Катовице, Польша)

Рич Грант, Ph.D., профессор психологии Университета Уолден (Джунго, Аляска, США)

Стошич Лазар, Ph.D., профессор Колледжа дошкольного образования (Алексинач, Сербия)

Такушьян Гарольд, Ph.D., профессор психологии и руководитель программы по организационной психологии Университета Фордхем (Нью-Йорк, США)

Тарноу Юджин, Ph.D., научный сотрудник Авалон Бизнес Систем (Фэйр Лоун, Нью-Джерси, США)

Хархурин Анатолий Владимирович, Ph.D., профессор психологии Американского университета Шарджи (Шарджа, Объединенные Арабские Эмираты)

Шейнов Виктор Павлович, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры психологии и педагогического мастерства Республиканского института высшей школы (Минск, Беларусь)

Редактор *М.П. Малахов*

Компьютерная верстка: *О.Г. Горюнова*

Адрес редакции:

ул. Орджоникидзе, д. 3, Москва, Россия, 115419

Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: ipk@rudn.university

Адрес редакционной коллегии серии «Психология и педагогика»:

ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2, Москва, Россия, 117198

Тел.: (495) 778-38-07, доб. 12-67;

e-mail: psyjournalrudn@rudn.university

Подписано в печать 14.03.2018. Выход в свет 28.03.2018. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «NewtonС».

Усл. печ. л. 9,99. Тираж 500 экз. Заказ № 27. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3, тел. (495) 952-04-41; ipk@rudn.university

RUDN JOURNAL OF PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICS

VOLUME 15 NUMBER 1 (2018)

<http://journals.rudn.ru/psychology-pedagogics>

DOI: 10.22363/2313-1683-2018-15-1

Founded in 2003

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

CONTENTS

PSYCHOLOGICAL ETHICS

- Gauthier J.** References to Human Rights in Codes of Ethics for Psychologists: Critical Issues and Recommendations. Part I 7

PSYCHODIAGNOSTICS

- Ershova R.V., Yarmotz E.V., Koryagina T.M., Shlyakhta D.A., Tarnow E.** Operationalization of the Russian Version of Highly Sensitive Person Scale..... 22

PERSONALITY AND SOCIAL PSYCHOLOGY

- Kudinov S.I., Kudinov S.S., Ho Vo Que Chi.** Axiological Background of Vietnamese Students Adaptability .. 38
- Sychev O.A., Trofimova E.M.** Values and Moral Foundations as a Basis for Attitude toward Mentally Retarded People in Students 53
- Kuznetsova S.A.** Time Prospects and Migratory Attitudes of Magadan Students at Different Stages of Education..... 67
- Borisova I.V., Gulakova E.S.** Coping and Protective Behavior of Residents of Radioactive Contaminated Territories Depending on Age and Gender 79
- Chkhikvadze T.V., Beliaeva E.N.** Peculiarities of Coping and Mechanisms of Psychological Defense in Persons with Alcohol Dependence..... 94

CONFERENCES

- Budinayte G.L., Varga A.Y., Chebotareva E.Y.** The Applied and Scientific Conference "The Contemporary Field of Family Psychotherapy" 109
- Takooshian H., Congress E.P., McKnight M.J.** 29th Greater New York Conference on Behavioral Research 117

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Sergey I. Kudinov, D.Sc. in Psychology (doctor of psychological sciences), Professor, Head of the Social and Differential Psychology Chair (*Peoples' Friendship University of Russia*)

Associate Editor-in-Chief

Alexander I. Krupnov, D.Sc. in Psychology (doctor of psychological sciences), Professor, Professor of the Social and Differential Psychology Chair (*Peoples' Friendship University of Russia*)

Assistant to the Editor-in-Chief

Irina A. Novikova, Ph.D. in Psychology (candidate of psychological sciences), Associate Professor, Associate Professor of the Social and Differential Psychology Chair (*Peoples' Friendship University of Russia*)

Members of the Editorial Board

Baptiste Barbot, Ph.D. in Psychology, Assistant Professor of Department of Psychology (*Pace University, New York, USA*)

Inna B. Bovina, D.Sc. in Psychology (doctor of psychological sciences), Professor of Department of Clinical and Legal Psychology (*Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia*)

Elena L. Grigorenko, Ph.D. in Psychology, D.Sc. in Psychology, Hugh Roy and Lillie Cranz Cullen Distinguished Professor of Psychology, Developmental Cognitive Neuroscience & Clinical Psychology Department (*University of Houston, Houston, USA*)

Linda Jarvin, Ph.D. in Psychology, Dean of Paris College of Art (*Paris College of Art, Paris, France*)

Anatoliy V. Kharkhurin, Ph.D. in Psychology, Professor of Psychology (*American University of Sharjah, Sharjah, UAE*)

Hristo Kyuchukov, Ph.D. in Education, Professor of Intercultural Education (*Silesian University in Katowice, Poland*)

Grant J. Rich, Ph.D. in Psychology, Fellow, American Psychological Association (*Juneau, Alaska, USA*)

Harold Takooshian, Ph.D. in Psychology, Professor of Psychology & Urban Studies at Fordham University, and Director of the Fordham Program in Organizational Leadership, Past-President, and Representative to APA Council (*Fordham University, New York, USA*)

Eugen Tarnow, Ph.D. in Physics, researcher (*Avalon Business Systems, Inc., Fair Lawn, NJ, USA*)

Viktor P. Sheinov, D.Sc. in Sociology (doctor of sociological sciences), Professor, Professor of the Psychology and Pedagogical mastery Chair (*Republican Institute of Higher Education, Minsk, Belarus*)

Lazar Stosic, Ph.D. in Computer science, Professor (*College for Preschool Teachers, Aleksinac, Serbia*)

Editor *M.P. Malakhov*

Computer design: *O.G. Gorunova*

Address of the editorial board:

Ordzhonikidze str., 3, Moscow, Russia, 115419

Ph. +7 (495) 955-07-16; e-mail: ipk@rudn.university

Address of the editorial board Series «Psychology and pedagogics»:

Miklukho-Maklaya str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

Tel. +7 (495) 778-38-07 (12-67);

e-mail: psyjournalrudn@rudn.university

Printing run 500 copies. Open price.

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Peoples' Friendship University of Russia"
6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia,

Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: ipk@rudn.university

О ЖУРНАЛЕ

Ежеквартальный научно-практический рецензируемый журнал по проблемам психологии, педагогики и образования «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика» издается Российским университетом дружбы народов с 2003 года. Редколлегия журнала строго придерживается международных стандартов публикационной этики, сформулированных в документе COPE (Committee on Publication Ethics): <http://publicationethics.org>

Цель журнала — публикация результатов фундаментальных и прикладных научных исследований российских и зарубежных ученых по актуальным проблемам современной психологии и педагогики в виде научных статей, научных обзоров, исторических справок, посвященных деятелям российской и зарубежной науки, научно-информационных сообщений.

Журнал адресован научным работникам, исследователям, преподавателям в сфере психологии и педагогики, практическим психологам, педагогам и учителям, а также аспирантам.

Журнал издается на русском, английском, французском, немецком, испанском языках.

Научный журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика» входит в список периодических изданий, публикации в которых принимаются к рассмотрению ВАК РФ при защите кандидатских докторских диссертаций (№ 318 в обновленном Перечне ВАК от 27.01.2016) по научным специальностям:

19.00.00 — психологические науки;

13.00.00 — педагогические науки.

С 2017 года журнал включен для индексации в базу данных PsycINFO (Американская психологическая ассоциация): <http://www.apa.org/pubs/databases/psycinfo/coverage.aspx>

Основные тематические рубрики журнала:

Теоретические, методологические и дискуссионные проблемы современной психологии и педагогики;

Актуальные проблемы психологии личности и индивидуальности;

Современные социально-психологические и этнопсихологические исследования;

Проблемы межкультурной адаптации и коммуникации в образовательном пространстве;

Психодиагностика и тестология;

Актуальные направления психологии здоровья и психофизиологии;

Психолого-педагогические проблемы образования;

Психолого-педагогические исследования высшего и среднего образования;

Международные конференции по психологии и педагогике и др.

Рубрики журнала постоянно обновляются и отражают наиболее актуальные направления развития современной психологии и педагогики.

Функционирует электронный сайт журнала на Портале научных журналов РУДН: <http://journals.rudn.ru/psychology-pedagogics>, который содержит полные сведения о журнале, редакционной политике и этике, требованиях к подготовке и публикации статей, полнотекстовые выпуски журнала с 2008 г. и другую информацию.

В базе данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) на платформе Научной электронной библиотеки (НЭБ) представлены полнотекстовые версии статей с 2003 г.: <http://elibrary.ru/contents.asp?titleid=25721>.

Полнотекстовые версии статей журнала представлены в базе данных Cyberleninka: <http://cyberleninka.ru/journal/n/vestnik-rossiyskogo-universiteta-druzhy-narodov-seriya-psiholgiya-i-pedagogika>.

По всем вопросам, связанным с публикацией статей в журнале, можно связаться с редакцией по электронному адресу: psyj@rudn.university.

ABOUT OUR JOURNAL

“RUDN Journal of Psychology and Pedagogics” is a quarterly scientific peer-reviewed journal on the current problems of psychology, pedagogy and education. The journal has been issued since 2003. Until December 2016 the Journal was titled “**Bulletin of the Peoples’ Friendship University of Russia. Series: Psychology and Pedagogics**”.

The founder and publisher of the Journal is Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN University). Editorial Board strictly adheres to the international standards of publication ethics of the COPE: <http://publicationethics.org>

The purpose of the Journal is publishing the results of the fundamental and applied scientific research of the Russian and foreign scientists on the current trends of psychology and pedagogy in the form of the scientific articles, scientific survey materials, scientific reports, reviews, historical background information devoted to the prominent figures of the Russian and foreign science. The articles will be published in Russian, English, French, German and Spanish.

Journal is addressed to scientists, researchers, teachers in the field of psychology and pedagogy, practical psychologists, educators and teachers, as well as graduate students.

The Journal publishes papers on a wide range of issues of psychology and education, and the results of interdisciplinary research.

Since 2017 the Journal has been officially accepted for coverage in PsycINFO (American Psychological Association): <http://www.apa.org/pubs/databases/psycinfo/coverage.aspx>

The main thematic rubrics of the Journal is:

Theoretical, Methodological and Polemic Problems of Modern Psychology and Pedagogy;

Current Problems of Personality Psychology;

Contemporary Social Psychological Research;

Cross-Cultural and Ethnopsychological Research;

Current Trends of Modern Health Psychology and Psychophysiology;

Theoretical and Methodological Problems of Modern Education;

Psychological and Pedagogical Research of higher and Secondary Education;

Cross-National Scientific Cooperation;

International Conferences on Psychology and Education.

Rubrics are constantly updated and reflect the current trends in the development of modern psychology and education.

The Journal website operates on the Portal of RUDN University scientific journals: <http://journals.rudn.ru/psychology-pedagogics>. The website contains full information about the Journal, editorial policy and ethics, requirements for the preparation and publication of the articles, etc, as well as full-text issues of the Journal since 2008.

The database of the Russian Science Citation Index on the platform of the Scientific Electronic Library provides full-text versions of the Journal articles published since 2003: <http://elibrary.ru/contents.asp?titleid=25721>.

Full-text versions of the articles are presented in the Cyberleninka database: <http://cyberleninka.ru/journal/n/vestnik-rossiyskogo-universiteta-druzhby-narodov-seriya-psihologiya-i-pedagogika>.

For all matters relating to the publication of articles in the Journal you can contact with the Editorial board by e-mail: psyj@rudn.university.

DOI: 10.22363/2313-1683-2018-15-1-7-21

UDK 159.99

REFERENCES TO HUMAN RIGHTS IN CODES OF ETHICS FOR PSYCHOLOGISTS: CRITICAL ISSUES AND RECOMMENDATIONS. PART 1¹

Janel Gauthier

School of Psychology
Laval University

2325, rue des Bibliothèques, Quebec City, Quebec, G1V 0A6, Canada

Abstract. There are codes of ethics in psychology that explicitly refer to human rights. There are also psychologists interested in the protection and promotion of human rights who are calling for the explicit inclusion of references to human rights in all psychology ethics codes. Yet, references to human rights in ethics documents have rarely been the focus of attention in psychological ethics. This article represents the first part of a two-part article series focusing on critical issues associated with the inclusion of references to human rights in the ethical codes of psychologists, and recommendations about how psychological ethics and the human rights movement can work together in serving humanity. The first part of the article series examines issues pertaining to the interpretation of references to human rights in codes of ethics for psychologists, and the justifications for including these references in psychological ethics codes. The second part of the article series examines how the *Universal Declaration of Ethical Principles for Psychologists* can be used to extend or supplement codes of ethics in psychology, how ethical principles and human rights differ and complement each other, and how psychological ethics and the human rights movement can work together in serving humanity and improving the welfare of both persons and peoples.

Key words: codes, ethics, human rights, ethical principle, universal declarations, psychological ethics

Introduction

References to human rights in ethics documents have rarely been the focus of discussion or critique in psychological ethics. Still, some codes of ethics in psychology explicitly refer to human rights (e.g., American Psychological Association, 2017; Australian Psychological Society, 2007; Canadian Psychological Association, 2017). Furthermore, some psychologists wishing psychology to play a more active role in the protection and promotion of human rights are calling for the explicit inclusion of references to human rights into all psychology codes of ethics (e.g., Hagedaars, 2016).

¹ This article is based on an award address presented at the 75th Conference of the International Council of Psychologists in New York City, NY, 28–30 July 2017 and an invited keynote address presented at the First Pan-African Congress of Psychology in Durban, South Africa, 18–21 September 2017.

The present article represents the first part of a two-part article series focusing on critical issues associated with the inclusion of references to human rights in the ethical codes of psychologists, and recommendations about how psychological ethics and the human rights movement can work together in serving humanity. The purpose of the present article is to identify and examine the difficulties in integrating references to human rights in codes of ethics. The recommendations about how to address those issues and how psychological ethics and the human rights movement can work together in serving humanity will be made in a subsequent that will represent the second part of the two-part article series.

The first part of the article series opens with a look at facts concerning references to human rights in codes of ethics in psychology (prevalence, terms used, etc.). This is followed by an examination of the origin, historical development and contemporary meaning of human rights. Then, the different approaches to the interpretation of human rights in ethics codes and the justifications for referring to human rights in codes are analyzed. The second part of the two-part article series will open with an introduction to the *Universal Declaration of Ethical Principles for Psychologists* (2008) and a consideration of how it can be used to extend or supplement codes of ethics in psychology. Afterwards, the ways ethics and human rights differ and complement each other will be discussed. Then, the importance and the role of human rights education in psychology will be highlighted and specific recommendations will be made. The second part of the two-part article will close with further recommendations about the promotion of ethics and human rights in a globalizing world.

References to Human Rights in Codes of Ethics: Some Facts

Psychology's codes of ethics articulate and promote ethical principles, and sets of specific ethical standards for the professional conduct of psychologists. They serve both to guide and to educate psychologists. Some of these codes incorporate references to human rights. The prevalence of these references and the way codes refer to human rights are relatively unknown.

Recently, Sinclair (2017) reviewed the national psychology ethics codes available online in English on the website of the International Union of Psychological Science (<http://psychology-resources.org/explore-psychology/standards/ethics/codes-of-ethics-of-national-psychology-organisations/>) to identify the extent to which codes of ethics in psychology refer to human rights and how they incorporate or support the concept of human rights. Her sample included codes of ethics of 27 countries. A list of those countries, including the date the code was published or last revised, is presented in Table 1. Her analysis of the codes revealed that: 13 (48%) of the countries mention the words “human rights”; 6 (22%) mention the words “moral rights”; 24 (89%) mentioned the words “rights”, “basic rights”, “legal rights”, “civil rights”, or “constitutional rights”; 4 (15%) mention both “moral rights” and “human rights”; and 4 (15%) mention “international law” or “international declarations”. As these results demonstrate, there is a fair amount of inconsistency in codes' use of these various terms, which sometimes are also used interchangeably within a code as if they had the same meaning. As to the term “human rights” itself, it is sometimes used in a generic way, not referring necessarily to human

rights as set out in the *Universal Declaration of Human Rights* (UDHR) (United Nations, 1948).

Table 1

National codes of ethics reviewed by Sinclair (2017): List of countries and date the code was published or last revised

Australia (2007)	Iran (n.d.)	Romania (n.d.)
Britain (2009)	Ireland (2010)	Russia (2012)
Bulgaria (2007)	Israel (n.d.)	Serbia (2000)
Canada (2017)	Japan (n.d.)	Singapore (n.d.)
China (2007)	Latvia (n.d.)	Slovenia (n.d.)
Colombia (2000)	Malta (n.d.)	South Africa (2004)
Croatia (n.d.)	Netherlands (2007)	Trinidad/Tobago (n.d.)
Estonia (n.d.)	New Zealand (2002)	Turkey (2004)
Hong Kong (2012)	Philippines (2008)	United States (2002/2017)

The inconsistency observed in references to “human rights” in codes of ethics is understandable. The concept of “rights” is relatively complex. There is considerable literature regarding its history, underlying philosophy, and the many different types of rights. Very few countries provide a definition of any of the type of rights mentioned in their code. The definitions provided for the same type of rights vary across codes of ethics. In the Canadian code of ethics [7], for example, the term “moral rights” is defined as follows:

“Moral rights’ means the fundamental and inalienable rights of persons and peoples. They apply to all human beings and are grounded in moral reasoning (e.g., reasoning that helps to identify and justify them). Some aspects of moral rights may be contained within and protected by international, regional, and national declarations, constitutions, laws, and statutes (e.g., human rights declarations; *just laws* defining the legal and civil rights of *persons* or *peoples* living in a country or region). However, other aspects may not be so contained or protected”. (Definition of moral rights: Canadian Psychological Association, 2017).

In the Australian code of ethics (Australian Psychological Society, 2007), the term “moral rights” is defined only by stating the following: “Moral rights incorporate universal human rights as defined by the United Nations Universal Declaration of Human Rights that might or might not be fully protected by existing laws” (Definition of moral rights: Australian Psychological Society, 2007).

For the purpose of the present article, however, it is important to point out that the term “moral rights”, as defined in the Australian and the Canadian codes of ethics (Australian Psychological Society, 2007; Canadian Psychological Association, 2017), refers to human rights that may or may not be fully protected by existing laws and statutes. Of particular significance to psychologists, for example, are rights to equal justice, fairness and due process; and to developmentally appropriate privacy, self-determination, and autonomy. Protection of some aspects of these rights may involve encouraging practices which may not be contained within or controlled by current laws and statutes.

Scientific and professional organizations of psychology rarely justify why they incorporate human rights in their codes of ethics. They simply do it. However, it is quite reasonable to suggest that they do it for one or several of the following reasons: to raise

awareness, sensitivity, and knowledge about human rights; to complement and strengthen ethical standards of conduct; to give increased legal validity to the standards set out in their ethics code; to demonstrate the close relationship between ethics and human rights; to demonstrate commitment to promotion and protection of human rights. Such justifications for the integration of human rights in codes of ethics are admirable and laudable. However, how references to human rights in codes of ethics should be interpreted is unclear. As shown in the next section, the concept of human rights has evolved over time and different groups and cultures have developed different definitions and interpretations of human rights. Furthermore, in addition to the interpretation problems, one has also to wonder whether references to human rights add something to ethics codes that cannot be remedied or supplemented in another and a more effective way?

The Concept of Human Rights

Let us now examine how documents asserting human rights have evolved over the centuries and how politics have shaped their development and interpretation.

The ideas of human dignity and a superior supernatural norm system have their roots in antiquity. However, the belief that everyone, by virtue of being human, is entitled to certain human rights is relatively new. Unlike the ethical principles found in modern codes of ethics (Sinclair, 2012), the concept of human rights is primarily the product of 17th- and 18th-century European thought, which has come into common currency only in the 20th century after the Nuremberg trials disclosed to the world the atrocities perpetrated by the Nazis before and during World War II (WWII) (Ishay, 2008). Human rights became a core objective of the United Nations (UN) when it was founded in 1945 (Mann, Gruskin, & Grodin, 1999; Power, 2002). Today, human rights are almost always assumed to refer the documents associated with the UDHR (UN, 1948). These rights are based on theories of natural law and, therefore, are considered to be inherent in the nature of being human (Gauthier & Pettifor, 2012). That is to say that individuals hold “human rights” simply because they are members of the human race. Because they are “natural”, these rights are considered to be inalienable, inviolable, indivisible, undeniable and unchangeable. As such, they take priority over all other issues. By their nature, these rights are necessarily universal, and apply to everyone across all nations over all time with no exception for religion, language, culture, race, gender, ethnic origin, or any other status. This is true in discourse. But how true is this in practice? To shed some light on this highly important question, let us consider the origin, historical development and contemporary meaning of human rights.

The Forerunners of the Universal Declaration of Human Rights

The UDHR had forerunners. It did not represent the first attempt to identify and define moral imperatives for humans. The Ten Commandments (about 1,200 BCE) are perhaps one of the oldest examples of a list of religious and moral imperatives that are recognized (with minor differences in wording) as a moral foundation in Judaism, Christianity, and Islam. Over 1,200 years before the birth of Christ, these commandments were delivered from God to guide the behavior of humans. The Ten Commandments, although not using the language of human rights, are still honored today as a basic foundation for ethical human behavior. In addition to the moral conduct issues, the early

prophets of all the world's great religions were deeply concerned about the oppression and abuse suffered by the common people at the hands of the ruling classes. Within the context of their time and place in history, they preached love and compassion and they demanded justice from ruling powers (Pettifor, 1996; Smith, 1991).

The *Edict of Milan* (313), a proclamation that permanently established religious toleration for Christianity within the Roman Empire, was the outcome of a political agreement concluded in Milan between the Roman emperors Constantine I ruling the West and Licinius the East.

The *Magna Carta* (1215), also called the “Great Charter of Freedoms”, was the first document forced on an English King to limit the power of the king by law. Perhaps the most important legacy of the *Magna Carta* was establishing the foundation for the principle of “habeas corpus” protecting the individual against illegal imprisonment.

The English *Bill of Rights* (1689), which grew out of years of political unrest and civil war, was passed by the English Parliament to set strict limits on the royal family's legal prerogatives. It made the monarchy subject to the laws of parliament, thus ending the divine right of kings (we might add queens), a significant move from the rule of man to the rule of law.

The United States (U.S.) *Declaration of Independence* (1776) states “*We hold these truths to be self-evident, that all men (sic) are created equal, that they are endowed by their Creator with certain unalienable Rights, that among these are Life, Liberty and the Pursuit of Happiness*”. The U.S. Declaration provided a moral justification for an otherwise illegal war of independence from British colonization. It should be noted that the authority for these rights was attributed to the Creator.

From the French Revolution came the *Declaration of Rights of Man and Citizen* [In French: *Déclaration des droits de l'homme et du citoyen*] (1789) and the slogan “Liberty, Equality and Fraternity”. The strongest emphasis was on equality and the Declaration called for the destruction of aristocratic privileges since all men were created equal before the law. Interestingly, the document did not make any statement about the status of women or slaves.

The Universal Declaration of Human Rights

The UDHR (UN, 1948) was a direct response to the exposure of the atrocities committed by the Nazis before and during WWII, and its message was that all nations must commit to protecting human rights of its citizens. The process of developing the UDHR was long and sometimes difficult. A great many people contributed their ideas on the content. Western countries addressed individual rights while non-western societies emphasized duties, responsibilities, and the collective good. Some countries placed more importance on economic, social and cultural rights. To complicate matters, the two superpowers of the time (the Union of the Soviet Socialist Republics and the United States of America) were in the early stages of the Cold War, an ideological battle with serious implications for human rights around the world. Moreover, the process of creating a universal declaration of human rights was seen by some member states as dominated by the victors in WWII to the neglect of non-western cultures. Certainly, the development of the UDHR was a political process in attempting to connect virtue with mechanisms

for legal enforcement. In the end, the text was a compromise; many controversial issues were excluded and broad language was used (Glendon, 2001).

The UDHR was finally adopted by the UN General Assembly in December 1948. None of the 58 member states of the United Nations voted against the Declaration. However, eight nations chose to abstain (Belorussian Soviet Socialist Republic, Czechoslovakia, Poland, Saudi Arabia, South Africa, the Soviet Union, the Ukrainian Soviet Socialist Republic, and Yugoslavia) and two were absent (Honduras and Yemen). The countries that decided to abstain from voting did so for various reasons. The six communist countries objected to the strong wording of several provisions guaranteeing individual rights (e.g. freedom of speech, freedom of the press, freedom of religion, freedom to leave one's country) and claimed that the Declaration did not emphasize economic rights sufficiently; Saudi Arabia cited conflict with Islamic law that required religious devotion and patriarchal authority; apartheid South Africa could not agree to guarantees of racial equality and claimed that the Declaration was going too far (Morsink, 1999). As the voting reveals, the human rights, as set out in the UDHR, were not unanimously accepted.

As mentioned above, there were 58 UN member states at the time the drafting of the Declaration. This membership was composed as follows: North and South America: 21 countries; Europe: 16 countries; Asia: 14 countries; Africa: 4 countries; and South Sea Islands: 3 countries (Morsink, 1999). As the composition of the UN membership at drafting reveals, Africa and Asia were vastly under represented, illustrated by the fact that Africa gave rise to over 30 independent states in the decade 1958 to 1968 (Harry Magdoff quoted in Morsink, 1999). This under-representation was compounded by and resulted from the fact that, at the time of drafting, many Asian and African countries were colonized by nations such as France and Britain who were involved in the drafting process. It is therefore the views of the colonizing, and not the colonized, which were represented.

The Drafting Committee included Eleanor Roosevelt (USA), Peng Chun Chang (Republic of China), Charles Habib Malik (Lebanon), William Roy Hodgson (Australia), Hernán Santa Cruz (Chile), René Cassin (France), Alexander E. Bogomolov (USSR), Charles Dukes/Lord Dukeston (United Kingdom) and John Peters Humphrey (Canada). Clearly, the Western domination of the drafting process is another issue.

The UN now has 193 member states, over three times the number at drafting. All of them have signed on in agreement with the UDHR. But what does it mean if the agreement is non-binding? The fact of the matter is that, today, the UDHR continues to be the focus of various criticisms (not only from outside the Western world, but also from within) (e.g., Freeman, 2008; Langlois, 2013; Rengger, 2011). A review of these criticisms is beyond the scope of this article. However, for the purpose of the present article, the key ones can be summarized as follows:

- Espouses primarily Western values and defines human rights in the Judeo-Christian tradition that fails to take into account the cultural and religious context of all nations, particularly non-western ones — Western imperialism (lack of universality).
- Content promotes virtue while enforcement and monitoring reflect political agendas.
- Human rights are often used to justify violence against those who are seen as oppressors, that is, those who deny freedom and dignity for others. Thus, if peaceful means to eliminate serious violations of human rights are impossible, then violent means

become necessary. How ethical is such behavior? How can one justify such behavior? This too is a dilemma.

The Emergence of Regional Human Rights Documents

As the history of human rights documents reveal, documents asserting human rights have evolved over the centuries in how they articulate the virtues of freedom and equality for all human beings. Within seven decades, the UDHR has become the most important document in the world to define a standard for human rights, but not one that is universally accepted. There are states in different regions of the world that do not endorse human rights as set out by the UN, and that have developed their own specific cultural-political versions of human rights.

For example, the member states of the Organisation of the Islamic Conference (OIC) have created their own declaration of human rights. Adopted in 1990 by 45 member states of the OIC, it is called the *Cairo Declaration on Human Rights in Islam* (OIC, 1990). Proponents of the Cairo Declaration claim that it is not an alternative to the UDHR (UN, 1948), but rather complementary to it. As shown in the excerpts presented in Table 2, the Cairo Declaration reaffirms many of the individual human rights recognized in the UDHR.

Table 2

Excerpts from the *Cairo Declaration on Human Rights in Islam* (OIC, 1990)

ARTICLE 1

(a) [...]. All men are equal in terms of basic human dignity and basic obligations and responsibilities, without any discrimination on the grounds of race, color, language, sex, religious belief, political affiliation, social status or other considerations. [...].

ARTICLE 5

(a) The family is the foundation of society, and marriage is the basis of its formation. Men and women have the right to marriage, and no restrictions stemming from race, color or nationality shall prevent them from enjoying this right.

(b) Society and the State shall remove all obstacles to marriage and shall facilitate marital procedure. They shall ensure family protection and welfare.

ARTICLE 6

(a) Woman is equal to man in human dignity, and has rights to enjoy as well as duties to perform; she has her own civil entity and financial independence, and the right to retain her name and lineage.

(b) The husband is responsible for the support and welfare of the family.

ARTICLE 11

(b) [...]. Colonialism of all types being one of the most evil forms of enslavement is totally prohibited. Peoples suffering from colonialism have the full right to freedom and self-determination. It is the duty of all States and peoples to support the struggle of colonized peoples for the liquidation of all forms of colonialism and occupation, and all States and peoples have the right to preserve their independent identity and exercise control over their wealth and natural resources.

ARTICLE 12

Every man shall have the right, within the framework of Shari'ah, to free movement [...]

ARTICLE 17

(a) Everyone shall have the right to live in a clean environment [...].

(b) Everyone shall have the right to medical and social care [...].

ARTICLE 18

(a) Everyone shall have the right to live in security for himself, his religion, his dependents, his honor and his property.

Unlike the UDHR, however, it also recognizes that peoples have the full right to freedom and self-determination and the right to preserve their independent identity and exercise control over their wealth and natural resources. Self-determination is mentioned in Articles 1 and 55 of the *Charter of the United Nations* (UN, 1945); however, there is no reference to the rights of peoples or of self-determination in the UDHR. That said, Article 24 states that “[a]ll the rights and freedoms stipulated in this Declaration are subject to the Islamic Shari’ah” and Article 25 follows with “[t]he Islamic Shari’ah is the only source of reference for the explanation or clarification of any of the articles of this Declaration”. The reason for these statements is that, in the Islamic world, states recognize no authority or power but that of God, and no legal tradition apart from the sacred Islamic law. Because the Cairo Declaration limits almost all rights and freedoms protected by the UDHR, attempts to have it endorsed by the UN Commission on Human Rights (now the Human Rights Council) have met strong criticisms, including from liberal Muslim groups (Mayer, 1999; Mernissi, 2002; Carle, 2005). When it was submitted to the UN Human Rights Commission in 1992, the International Commission of Jurists strongly denounced it (UN Commission on Human Rights, 2003).

Another example of a regional initiative for the promotion and protection of human rights is the development of the *Arab Charter on Human Rights* by the League of Arab States (LAS, 2004). The Arab League has 22 members (including the suspended Syria). The Charter has been ratified by a total of 17 states. The LAS began work on the Charter in 1960, 12 years after the adoption of the UDHR. After several revisions, the document was adopted in 2004, and entered into force in 2008 (Rishmawi, 2010). In its preamble, the *Arab Charter on Human Rights* reaffirms the principles of the UDHR (UN, 1948). As shown in the excerpts presented in Table 3, the Arab Charter reaffirms many of the individual human rights described in the UDHR (e.g., the right not to be tortured, the right to free and informed consent, the right to justice).

Unlike the UDHR, however, it celebrates human rights as a gift of God to the Arab homeland. As it also reaffirms the provisions of the Cairo Declaration, the rights and freedoms in the Arab Charter are subject to the Islamic Shari’ah like those in the Cairo Declaration. On 24 January 2008, the UN High Commissioner for Human Rights, Louise Arbour, issued a statement in which she welcomed the entry into force of the *Arab Charter on Human Rights* by the League of Arab States as “an important step forward” to help “strengthen the enjoyment of human rights” (Arbour, 2008a; Schaefer & Groves, 2009). Interestingly, in an unprecedented move aiming to respond to a UN Watch protest around the world urging immediate action (<https://www.unwatch.org/issue-173-un-rights-chief-clarifies-stance-arab-charter/>), she backed off six days later from her earlier endorsement of the Arab Charter. On 30 January 2008, she issued another statement saying that the “Arab Charter on Human Rights contains provisions that do not meet international norms and standards” and that her office “does not endorse these inconsistencies” (Arbour, 2008b). Concerns included the application of the death penalty for children, the rights of women and non-citizens, and the equating of Zionism with racism.

On another continent, the African States members of the Organization of African Unity (OAU) developed the *African Charter on Human and Peoples’ Rights* (OAU, 1981). The OAU, now called the “African Union”, has 55 sovereign states (52 republics and 3 monarchies).

Excerpts from the Arab Charter on Human Rights (LAS, 2004)

ARTICLE 5

1. Every human being has the inherent right to life.

ARTICLE 8

1. No one shall be subjected to physical or psychological torture or to cruel, degrading, humiliating or inhuman treatment.

2. Each State party shall protect every individual subject to its jurisdiction from such practices and shall take effective measures to prevent them. [...].

ARTICLE 9

No one shall be subjected to medical or scientific experimentation or to the use of his organs without his free consent and full awareness of the consequences [...].

ARTICLE 11

All persons are equal before the law and have the right to enjoy its protection without discrimination.

ARTICLE 13

1. Everyone has the right to a fair trial that affords adequate guarantees before a competent, independent and impartial court [...].

ARTICLE 14

1. Everyone has the right to liberty and security of person.

ARTICLE 20

1. All persons deprived of their liberty shall be treated with humanity and with respect for the inherent dignity of the human person.

ARTICLE 33

1. The family is the natural and fundamental group unit of society; it is based on marriage between a man and a woman. [...]

2. The State and society shall ensure the protection of the family, the strengthening of family ties [...]. They shall also ensure the necessary protection and care for mothers, children, older persons and persons with special needs [...].

ARTICLE 34

4. There shall be no discrimination between men and women in their enjoyment of the right to [...] employment and job protection and the right to receive equal remuneration for equal work.

ARTICLE 39

1. The States parties recognize the right of every member of society to the enjoyment of the highest attainable standard of physical and mental health and the right of the citizen to free basis health-care services [...].

Adopted in 1981, the African Charter entered into force in 1986. It is a political document dedicated to eradicating all forms of colonialism from Africa, to coordinate and intensify their cooperation and efforts to achieve a better life for the peoples of Africa, and to promote international cooperation having due regard to the UN Charter (UN, 1945) and the UDHR (UN, 1948). Chapter 1 of the African Charter describes the rights, duties and freedoms of both individuals *and* peoples and the commitment to adopt legislative or other measures to give effect to them including the total liberation of Africa. The relationship of individuals and peoples is described as mutual. It is a duty of the state to protect the virtues of their historical traditions and to protect against loss of cultural identity in the face of global expectations. As with the rights documents of the U.S. and

French revolutions, human rights are used to justify revolutions to obtain freedom, equality, justice and dignity. Article 20 of the African Charter speaks for itself:

1. All peoples shall have the right to existence. They shall have the unquestionable and inalienable right to self-determination. They shall freely determine their political status and shall pursue their economic and social development according to the policy they have freely chosen.

2. Colonized or oppressed peoples shall have the right to free themselves from the bonds of domination by resorting to any means recognized by the international community.

3. All peoples shall have the right to the assistance of the States parties to the present Charter in their liberation struggle against foreign domination, be it political, economic or cultural.

Summary and Conclusions

In summary, a review of the history of human rights demonstrates an evolution of discourse from the rights of small groups to global inclusiveness as well as a political response to issues of the day. Political agendas have both supported and undermined the promotion of human rights. The history of the UDHR and many of its forerunners reveals political disagreements and struggles for power that often led to violence, killing and civil war. Those who created rights and freedom documents did so in the context of freeing people from exploitation and oppression. History reveals a developmental process in which the concept of human rights becomes more inclusive of peoples and of a wider range of human needs. Yet, today, we still see barbaric struggles for power documented on daily newscasts. We recognize human rights achievements, we recognize the failure to achieve universality, and we recognize that strategies must be considered that match the social realities of the 21st century.

The history of the UDHR does not support the belief that human rights as defined by the UDHR are truly unalienable, undeniable, immutable, unchangeable, inviolable, absolute. The concept of human rights is neither a unitary nor a universal construct. It has evolved and become more inclusive over time. However, it has not achieved “universality”. Under the appearance of using a universal principle, the interpretation of human rights law reflects the social foundations of different countries and regions. Human rights are political in their creation and in their attempts at enforcement. Human rights documents are created by people and can be changed by people.

The UDHR is an example of a secular document; the *Cairo Declaration on Human Rights in Islam* (OIC, 1990) or the *Arab Charter of Human Rights* (LAS, 2004) are examples of documents based on religion. The theory of God-given or Natural Law gives both types of documents the appearance of superhuman authority, but does not allow for revisions to reflect the changing needs of society. The authority for human rights is neither divine, nor based on natural law, but rather created by those with the power and position to create, persuade and /or enforce. There are several declarations of human rights available today with both similarities in humanitarian values and differences in political agendas. History discloses the connection between “rights” and current issues and concerns of the day. We have given examples of these connections in Islamic, Arabic, African, North American and European societies. The question has been raised, “Does the truth matter if the declaration works for the betterment of society and its members”?

The Interpretation of References to Human Rights in Codes of Ethics

Sinclair’s analysis of codes of ethics (Sinclair, 2017) has revealed that most references to human rights in codes of ethics are made without providing a definition of the term(s) used to refer to human rights in the document. How does a psychologist interpret a reference to human rights in a code of ethics if the construct is not defined in the code? Furthermore, an overview of the historical development and contemporary meaning of human rights show that the concept of human rights is neither a unitary nor a universal construct. It has evolved and become more inclusive over time, but it has not achieved “universality”. How does a psychologist interpret a reference to human rights in a code of ethics in the absence of a universally acceptable definition of human rights?

Several approaches have been submitted to overcome the problem of interpretation. As Allan (2013) has shown in a critical analysis of the issues related to references to human rights in psychology’s ethics codes, none of them are satisfactory. For example, it has been submitted that human rights are the rights set out in specific international law instruments, but it is not clear exactly what obligations this places on psychologists. To interpret a reference to human rights in a code of ethics as a reference to law makes little sense as the rule of law provides that no person, including a psychologist, is beyond the law. Even where there is no reference to human rights in their ethical codes, psychologists are bound by the human rights provisions in the constitutions and other domestic legislation of the jurisdiction where they reside or work — of course, while psychologists must be respectful of democratically established law, it is important to remember here that they are expected to prioritize ethics if there is conflict between ethics and the law. Psychologists are not automatically bound by the UN treaties as they are instruments of international law (as a general rule, those bind countries, not individuals). Psychologists are subject to only those aspects of the UN treaties which form part of the domestic law of the jurisdiction in which they reside or work. In practice, this means that there are many provisions of the UN instruments that psychologists are not legally bound to adhere to.

That said, as codes of ethics are aspirational documents, it is possible to require in them that psychologists respect the whole body of international human rights law, even where their governments have not ratified a treatment or incorporated it in domestic legislation. This is what the Australian Psychological Society does in its code of ethics which defines moral rights as “human rights that might or might not be fully protected by existing law” (Definition of moral rights; Australian Psychological Society, 2007). The problem with this approach is that it requires psychologists to adhere to *all* of the UN instruments, which makes little sense as these instruments are meant to bind states, not individuals. A further difficulty is that it is unclear is to *whom* psychologists, as psychologists, owe an obligation and *what* the nature of that obligation is. For example, one of the articles in the *International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights* (UN, 1966) places an obligation on states to take steps to ensure that their citizens have an adequate standard of living, but it does not tell psychologists what exactly their obligations are and to whom they owe them.

Despite these difficulties, one could argue that references to human rights in codes of ethics are justified if they add something to codes that are lacking and cannot be

remedied in another way. But do they add something to codes? The evidence indicates that they do not. First, they do not add to the theoretical basis of codes: Both human rights and ethics codes of Western psychologists are closely linked with Kant's moral philosophy which recognizes that humans have an intrinsic worth, that is, dignity. Second, they do not add to the guiding moral framework of codes: As previously demonstrated in the present article, human rights are neither a unitary nor a universal construct.

Where does that leave us? Is there another more practical way to extend and supplement limitations in codes? These questions, along with others, will be examined in the second part of this two-part article series.

REFERENCES

- Allan, A. (2013). Are human rights redundant in the ethical codes of psychologists? *Ethics & Behavior*, 23(4), 251—265.
- American Psychological Association. (2017). *Ethical principles of psychologists and code of conduct* (as amended 2010, 2016). Washington, DC: Author.
- Arbour, L. (2008a). *Statement by UN High Commissioner for Human Rights on the Entry into Force of the Arab Charter on Human Rights*. Retrieved from the United Nations High Commissioner for Human Rights website: <http://www.unhchr.ch/hurricane/hurricane.nsf/view01/6C211162E43235FAC12573E00056E19D?opendocument>
- Arbour, L. (2008b). *Arab rights charter deviates from international standards, says UN official*. UN News Centre. Retrieved from: <http://www.un.org/apps/news/story.asp?NewsID=25447#.WgJub3ZrzIU>
- Australian Psychological Society (2007). *APS code of ethics*. Melbourne, Australia: Author.
- Bill of Rights* (1689). In M.R. Ishay (2008). *The history of human rights from ancient times to the globalization era* (2nd ed., p. 86). Berkeley and Los Angeles, CA: University of California Press. Also retrieved from <http://www.britannia.com/history/docs/rights.html>
- Canadian Psychological Association. (2017). *Canadian code of ethics for psychologists* (4th ed.). Ottawa: Author.
- Carle, R. (April-June 2005). Revealing and Concealing: Islamist Discourse on Human Rights. *Human Rights Review*, 6(3). 122—137.
- Declaration of Independence (1776). In M.R. Ishay (2008). *The history of human rights from ancient times to the globalization era* (2nd ed., p. 95). Berkeley and Los Angeles, CA: University of California Press. Also retrieved from <http://www.ushistory.org/declaration/document/>
- Declaration of the Rights of the Man and the Citizen [*Déclaration des droits de l'homme et du citoyen*]. (1789). In M.R. Ishay (2008). *The history of human rights from ancient times to the globalization era* (2nd ed., pp. 82—83). Berkeley and Los Angeles, CA: University of California Press. Also retrieved in French from <https://www.legifrance.gouv.fr/Droit-francais/Constitution/Declaration-des-Droits-de-l-Homme-et-du-Citoyen-de-1789>
- Edict of Milan*. (313). Retrieved from <http://www.holyspirit-al.com/ourpages/auto/2011/7/28/60780317/edict%20of%20milan.pdf>
- Freeman, M. (2008). Human Rights. In P. Burnell & V. Randall (Eds.), *Politics in the Developing World* (pp. 353—372). Oxford: Oxford University Press.
- Gauthier, J., & Pettifor, J.L. (2012). The tale of two universal declarations: Ethics and human rights. In M.M. Leach, M.J. Stevens, G. Lindsay, A. Ferrero, & Y. Korkut (Eds.). *The Oxford Handbook of International Psychological Ethics* (pp. 113—133). Oxford, England: Blackwell Publishing.

- Glendon, M.A. (2001). *A world made new: Eleanor Roosevelt and the Universal Declaration of Human Rights*. New York, NY: Random House.
- Hagenaars, P. (2016). Towards a human rights based and oriented psychology. *Psychology and Developing Societies*, 28(2), 183–202.
- Ishay, M.R. (2008). *The history of human rights: From ancient times to the globalization era*. Berkeley, CA: University of California Press.
- Langlois, A.J. (2013). Normative and Theoretical Foundations of Human Rights. In M. Goodhart (Ed.). *Human Rights: Politics and Practice* (2nd ed., pp. 11–26). Oxford: Oxford University Press.
- League of Arab States (2004). *Arab Charter on Human Rights*. Retrieved from <http://www.jus.uio.no/english/services/library/treaties/02/2-01/arab-human-rights-revised.xml>
- Magna Carta (1215). In D. Danziger, & J. Gillingham (2003). *1215: The year of Magna Carta* (p. 275). London: Hodder & Stoughton. Retrieved from <http://www.bl.uk/treasures/magnacarta/index.html>
- Mann, J.M., Gruskin, S., Grodin, M.A., & Annas, G.J. (1999). *Health and human rights: A reader*. New York: Routledge.
- Mayer, A. (1999). An assessment of human rights schemes. In *Islam and Human Rights* (p. 175). Westview: Westview Press.
- Mernissi, F. (2002). *Islam and Democracy* (p. 67). Cambridge: Perseus Books.
- Morsink, J. (1999). *The Universal Declaration of Human Rights: Origins, drafting & intent*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Organization of African Unity. (1981). *African Charter on Human and Peoples' Rights*. Retrieved from African Commission on Human and Peoples' Rights website: <http://www.achpr.org/instruments/achpr/>
- Organization of the Islamic Conference. (1990). *Cairo Declaration on Human Rights in Islam*. Retrieved from <http://www.fmreview.org/sites/fmr/files/FMRdownloads/en/FMRpdfs/Human-Rights/cairo.pdf>
- Pettifor, J. (1996). Ethics: Virtue and politics in the science and practice of psychology. *Canadian Psychology*, 37, 1–12.
- Power, S. (2002). *A problem from hell: America and the age of genocide*. New York: Harper Collins.
- Rengger, N. (2011). “The World Turned Upside Down? Human Rights and International Relations after 25 Years”, *International Affairs*, 87(5), 1159–1178.
- Rishmawi, M. (2010). The Arab Charter on Human Rights and the League of Arab States: An update. *Human Rights and Law Review*, 10(1), 169–178.
- Schaefer, B.D., & Grooves, S. (2009). Human wrongs: Why the United Nations is ill equipped to champion human rights. In B.D. Schaefer (Ed.). *ConUNdrum: The limits of the United Nations and search for alternatives* (pp. 131–169).
- Sinclair, C. (2012). Ethical principles, values, and code of ethics for psychologists: An historical journey. In M.M. Leach, M.J. Stevens, G. Lindsay, A. Ferrero, & Y. Korkut (Eds.). *The Oxford Handbook of International Psychological Ethics* (pp. 3–18). Oxford, England: Blackwell Publishing.
- Sinclair, C. (2017). Reflections on the integration of human rights into codes of ethics. In P. Hagenaars (Chair). *Psychology, Ethics and Human Rights: Uneasy bedfellows or good companions?* Symposium conducted at the 15th European Congress of Psychology, Amsterdam, The Netherlands.
- Smith, H. (1991). *The world's great religions: Our great wisdom traditions*. San Francisco: Harper.
- United Nations. (1945). *Charter of the United Nations*. Retrieved from <http://www.un.org/en/charter-united-nations/>

United Nations. (1948). *Universal declaration of human rights*. Retrieved from <http://www.un.org/en/universal-declaration-human-rights/>

United Nations. (1966). *International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights*. Retrieved from <http://www.ohchr.org/EN/ProfessionalInterest/Pages/CESCR.aspx>

United Nations Commission on Human Rights (2003). Report of the United Nations High Commissioner for Human Rights and Follow-Up to the World Conference on Human Rights. Retrieved from <https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/8F242BA5A0D37AEFC1256CFD002F9D3C-unhchr-feb03.pdf>

Universal Declaration of Ethical Principles for Psychologists. (2008). Retrieved from <http://www.iupsys.net/about/governance/universal-declaration-of-ethical-principles-for-psychologists.html>

© Gauthier J., 2017

Article history:

Received: 30 December 2017

Revised: 8 February 2018

Accepted: 9 February 2018

For citation:

Gauthier, J. (2018). References to Human Rights in Codes of Ethics for Psychologists: Critical Issues and Recommendations. Part 1. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 15(1), 7—21. doi: 10.22363/2313-1683-2018-15-1-7-21

Bio Note:

Janel Gauthier — PhD, Professor Emeritus at the School of Psychology of Laval University in Quebec City, Canada, and President of the International Association of Applied Psychology. Since 2002, ethics and human rights are the main focus of his research and publications. He has received numerous awards for his distinguished contributions to the international advancement of psychological ethics. He was the Chair of the international working group that developed the Universal Declaration of Ethical Principles for Psychologists. E-mail: janel.gauthier@psy.ulaval.ca

ОТРАЖЕНИЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ЭТИЧЕСКИХ КОДЕКСАХ ПСИХОЛОГОВ: КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ И РЕКОМЕНДАЦИИ. ЧАСТЬ I

Жанель Готье

Университет Лавалья

Рю де Библиотек, 2325, Квебек, Квебек G1V 0A6, Канада

В психологии существуют этические кодексы, которые напрямую соотносятся с правами человека. В тоже время есть ряд психологов, заинтересованных в защите и поддержании прав человека, которые призывают к включению прямых ссылок на права человека во все психологические этические кодексы. Однако в психологической этике редко уделяется большое внимание вопросам ссылок на права человека в этических документах.

Данная статья представляет собой первую часть серии статей, посвященных полемическим вопросам, связанным с включением прямых ссылок на права человека в этические кодексы психологов, а также возможным рекомендациям о том, как психологическая этика и правозащитное движение могут работать вместе в служении человечеству. В данной статье рассматриваются вопросы относительно интерпретации отражения прав человека в этических кодексах психологов, а также обоснования включения непосредственных ссылок на права человека в эти кодексы.

Во второй части серии статей будет рассмотрено как «Универсальная декларация этических принципов для психологов» может быть использована для расширения или дополнения этических кодексов в психологии; каким образом отличаются этические принципы и права человека и как они дополняют друг друга; а также как совместное продвижение психологической этики и прав человека может способствовать улучшению благосостояния как отдельных людей, так и народов.

Ключевые слова: этика, права человека, этические принципы, этические кодексы психологов, психологическая этика, «Универсальная декларация этических принципов для психологов»

© Готье Ж., 2017

История статьи:

Поступила в редакцию: 30 декабря 2017

Принята к печати: 9 февраля 2018

Для цитирования:

Готье Ж. Отражение прав человека в этических кодексах психологов: критические замечания и рекомендации. Ч. I // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2018. Т. 15. № 1. С. 7—21. doi: 10.22363/2313-1683-2018-15-1-7-21

Сведения об авторе:

Жанель Готье — PhD, почетный профессор Школы психологии Университета Лавала (Квебек, Канада), президент Международной ассоциации прикладной психологии. С 2002 года этика и права человека являются основными направлениями его исследований и публикаций. Он получил многочисленные награды за выдающийся вклад в международное продвижение психологической этики. Он был председателем международной рабочей группы, которая разработала «Универсальную декларацию этических принципов для психологов». E-mail: janel.gauthier@psy.ulaval.ca

DOI: 10.22363/2313-1683-2018-15-1-22-37

УДК 159.9.075

ОПЕРАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ШКАЛЫ ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТИ (HIGHLY SENSITIVE PERSON SCALE) НА РОССИЙСКОЙ ВЫБОРКЕ

Р.В. Ершова¹, Е.В. Ярмоц¹, Т.М. Корягина¹, Д.А. Шляхта², Ю. Тарноу³

¹ Государственный социально-гуманитарный университет

Зеленая ул., 30, Коломна, Россия, 140410

² Российский университет дружбы народов

Миклухо-Маклая ул., 6, Москва, Россия, 117198

³ Авалон Бизнес Системс, Инк.

18-11 Редбурн Роад, Фейр Лоун, Нью-Джерси 07410, США

Целью настоящего исследования была операционализация русскоязычной версии «Шкалы чувствительности» (Highly Sensitive Person Scale (*HSPS*) (Aron, Aron, 1997)). Эмпирические данные собирались двумя путями: активным, через устную рекламу и приглашение желающих принять участие в исследовании студентов (техника снежного кома) и пассивным (размещение объявлений о наборе желающих принять участие в исследовании в социальных сетях ВКонтакте и Фейсбук). В исследовании приняли участие 860 респондентов: 350 студентов-добровольцев университета (117 мужчин, 233 женщины, средний возраст $(18,2 \pm 1,7)$ лет), и 510 пользователей социальных сетей (380 женщин, 130 мужчин, средний возраст $(22,6 \pm 7,9)$ лет). Результаты исследования не подтвердили предложенную E.N. Aron & A. Aron (1997) одномерную модель конструкта, также как и наиболее распространенное в англоязычных исследованиях трехфакторное решение. Используемые в процедуре операционализации иерархический кластерный и конфирматорный анализы позволили заключить, что чувствительность обработки сенсорной информации (*SPS*) может быть описана в рамках двухфакторной модели, включающей субшкалы «Легкость возбуждения», «Низкий порог чувствительности» и определяется как повышенная восприимчивость к внешним и внутренним стимулам, реализующаяся через негативные эмоциональные реакции и глубокую восприимчивость (дистресс) к чрезмерной стимуляции.

Ключевые слова: чувствительность обработки сенсорной информации (*SPS*), шкала чувствительности (*HSPS*), «Легкость возбуждения», «Низкий порог чувствительности»

Введение

В дифференциальной психологии и характерологии чувствительность (сензитивность) рассматривается как готовность к аффективным реакциям, тонкость восприятия внешнего мира (Батаршев, 2016). Теплов Б.М. связывает ее с приспособительными функциями психики и определяет ее как способность замечать слабое изменение интенсивности воздействующего раздражителя (Теплов, 2004). Некоторые исследователи понимают под чувствительностью характерологическую особенность человека, проявляющуюся в повышенной восприимчивости к происходящим с ним событиям и обычно сопровождающуюся высокой тре-

возможностью, боязнью новых ситуаций, людей, всякого рода испытаний. В западной традиции чувствительность рассматривается с позиции теории личности Дж. Грея (Gray, 1991), а индивидуальные различия в ее проявлении объясняются соотношением поведенческих систем торможения (бегства/нападения) — (*BIS*) и активации (*BAS*) (Pickering & Gray et al., 1999).

Boterberg S. и Warreyn P. (2016) определяют ее как личностную черту, проявляющуюся в высокой чувствительности нервной системы и глубокой когнитивной переработке физических, эмоциональных и социальных стимулов. Высокая чувствительность приводит к снижению времени реакции, а также может способствовать более осторожному, избегающему риска поведению.

Aron E.N. и Aron A. (1997) определяют чувствительность через чувствительность обработки сенсорной информации (Sensory Processing sensitivity, SPS) — темпераментальную черту (а не функцию органа), отражающую то, каким образом сенсорная информация поступает в мозг и обрабатывается им (Aron, Aron, 1997). Авторы утверждают, что высокая чувствительность проявляется как повышенная восприимчивость к внешним стимулам, реализующая через: 1) сильные эмоциональные реакции; 2) глубину когнитивной обработки сенсорной информации; 3) чувствительность к тонким деталям; 4) восприимчивость к чрезмерной стимуляции. При этом они дифференцируют высокую чувствительность от схожих по симптоматике проявлений социального поведения: интроверсии, застенчивости, аутизма.

Как показано в серии исследований, чувствительность тесно связана с высоким уровнем стресса, легкой истощаемостью, выраженными показателями депрессии, тревожностью, симптомами аутизма, проблемами со сном, физическими проблемами, уязвимостью к негативным воздействиям (см. например Benham, 2006; Evers, Rasche, Schabracq, 2008; Hofmann, Bitran, 2007). Чувствительность изучается как фактор предрасположенности к страху (Чернавский, 2007; Смирнова, Кошкарова, 2005), внутренняя детерминанта процесса маргинальной социализации подростков (Никишина, Глушкова, 2009). Вместе с тем обращается внимание на одаренность, хорошо развитую интуицию и чрезвычайную добросовестность высоко чувствительных людей (Aron et al., 2012). Чувствительность рассматривается и как компонент социальной креативности (Банюхова, Шемелина, 2010). Smolewska K.A. и др. (2006) показано, что люди с высокими показателями по шкале эстетической чувствительности испытывают более глубокие эмоции в ответ на положительное подкрепление и имеют более высокие показатели по шкале открытости в пятифакторной модели личности.

Несмотря на многообразие направлений исследований, следует отметить, что до сих пор единого представления о природе, сущностных характеристиках и роли чувствительности в жизнедеятельности субъекта нет, поскольку диапазон характеристик, ассоциированных с ней настолько широк, что требуется прояснение терминологии. В российской психологии отсутствует самостоятельный метод изучения чувствительности, чаще как шкала она включена в опросники темперамента или личности (см. например, Психодиагностический тест (ПДТ) В.М. Мельникова и Л.Т. Ямпольского (1985, с. 311); Индивидуально-типологи-

ческий опросник (ИТО) Л.Н. Собчик (1999); Самоактуализационный тест Шострома (CAT) (Алешина и др., 1987).

Для измерения чувствительности E.N. Aron и A. Aron (Aron, Aron, 1997) разработали специальный опросник — шкалу чувствительности (Highly Sensitive Person Scale, HSPS). В серии исследований они доказали, что чувствительность — одномерный конструкт, характеризующийся высокой восприимчивостью к внешним (свет, шум) и внутренним (голод, боль) стимулам (Aron, 2013). Hofmann S.G. и Bitran S. (2007); Neal J.A., Edelmann R.J., Glachan M. (2002) также подтвердили однофакторную структуру чувствительности обработки сенсорной информации (SPS), однако, более поздние исследования, выполненные с использованием «Шкалы чувствительности», опровергли утверждение об одномерности изучаемого конструкта. Evans D.E. и Rothbart M.K. (2008), Cheek J.M., Bourgeois M.L., Theran S.A. [и др.] (2009) предложили двухфакторную модель чувствительности, Smolewska K.A. [и др.] (2006), Liss M., Mailloux J. и Erchull M.J. (2008), Evers A. [и др.] (2008), Listou Grimen H. и Diseth A. (2016), Konrad S. и Herzberg P.Y. (2017) доказали трехфакторное решение. Другие многофакторные модели предложены В. Meyer, M. Ajchenbrenner и D.P. Bowles (2005) (4 фактора), С. Blach и J.W. Egger (2014) (шесть факторов).

Следует признать, что до настоящего времени единого мнения о внутренней структуре чувствительности в науке не сложилось (окончательно не подтверждены ни двух, ни трех, ни четырех, ни шести факторные модели). Причины многообразия факторных решений конструкта чувствительности, могут быть связаны, во-первых, с ограничениями самой процедуры факторного анализа, основанного на исключении данных со «слабыми» факторными нагрузками, во-вторых, с качеством самого измерительного инструмента (шкалы чувствительности). Как следует из большинства работ (Smolewska et al., 2006; Evans, Rothbart, 2008; Listou Grimen, Diseth, 2016; Konrad, Herzberg, 2017), взятые за основу модели чувствительности не являются статистически безупречными, а лишь более подходящими, чем предложенная авторами опросника (Aron, Aron, 1997) однофакторная модель: три компонента в исследовании К.А. Smolewska (2006) объяснили 40,5% дисперсии, в исследовании Н. Listou Grimen и А. Diseth (2016) — 55,2%; четыре компонента в исследовании В. Meyer, М. Ajchenbrenner и D.P. Bowles (2005) — 48% дисперсии. Evans D.E. и Rothbart M.K. (2008) замечают, что основным критерием принятия решения о модели чувствительности в их исследовании был концептуальный. По мнению авторов шкалы E.N. Aron et al. (2012) распространенное трехкомпонентное решение вопроса о структуре *SPS* нельзя считать окончательным.

Необходимость дальнейших исследований конструкта чувствительности обработки сенсорной информации базируется на следующих аргументах: во-первых, не существует русскоязычной версии опросника HSPS, во-вторых, окончательно не решен вопрос о внутренней структуре конструкта (одномерности/многомерности) (Aron et al., 2012), что требует, вероятно, использования иных методов статистического анализа данных, в третьих, большая часть исследований (за исключением Smolewska, 2006; Cheek et al., 2009; Konrad, Herzberg, 2017) были выполнены на небольшой выборке, а состав выборки зачастую был гомогенным (студенты вузов, женщины примерно одного возраста), что может рассматриваться как ограничивающий фактор.

Исходя из этого, **целью** настоящего исследования была операционализация (определение внутренней структуры конструкта чувствительности) на российской выборке.

Процедура и методы

Шкала чувствительности (Highly Sensitive Person Scale, HSPS) (Aron, Aron, 1997) включает 27 утверждений, измеряющих уровень чувствительности по 7 балльной шкале от 1 — «абсолютно не согласен» до 7 — «полностью согласен». Пункты опросника измеряют как уровень физиологической чувствительности к внешним воздействиям («Вам более, чем другим доставляют дискомфорт громкие звуки»), так и более тонкую реактивность («Вам не по себе, когда много всего происходит одновременно»). Опросник был переведен на русский язык профессиональным переводчиком, далее психологи, владеющие английским языком, редактировали перевод, в соответствии с российским культурным контекстом, после чего русскоязычная версия утверждений была вновь переведена на английский язык, а носитель языка — психолог соотнес оригинальную и переводную версии опросника на предмет сохранения базового смысла утверждений. В настоящем исследовании надежность опросника (альфа Кронбаха) составила $\alpha = 0,83$, что соотносимо с исследованиями других авторов (см. Smolewska, 2006, Aron et al., 2012). В рамках процедуры валидизации также была проведена проверка «Шкалы высокой чувствительности» на ретестовую надежность: через 6 месяцев после процедуры первого тестирования 96 студентов-добровольцев прошли повторное тестирование по «Шкале чувствительности», коэффициент корреляции интегрального показателя *HSPS* тест-ретест составил $r = 0,661$, $p \leq 0,0001$.

Эмпирическая выборка. Эмпирические данные собирались двумя путями: активным, через устную рекламу и приглашение желающих принять участие в исследовании студентов (техника снежного кома) и пассивным (размещение объявления о наборе желающих принять участие в исследовании в социальных сетях ВКонтакте и Фейсбук). В результате 350 студентов-добровольцев университета (233 женщины, 117 мужчин, средний возраст $(18,2 \pm 1,7)$ лет) обратились в исследовательскую лабораторию и заполнили опросник HSPS. Еще 510 респондентов (380 женщин, 130 мужчин, средний возраст $(22,6 \pm 7,9)$ лет) заполнили опросник *HSPS* онлайн. Всего в исследовании приняли участие 860 человек (613 женщин, 247 мужчин).

Процедура операционализации русскоязычной версии шкалы чувствительности, проходила по следующей схеме: эмпирическая выборка случайным методом была поделена пополам (по 430 респондентов в каждой группе). На первой половине выборки был проведен эксплораторный анализ, в качестве метода эксплораторного исследования использовался иерархический кластерный анализ — метод ICLAST (Revelle, 1979), позволяющий определить число субшкал в опроснике, структуру каждой субшкалы и ее качество (на основе коэффициентов α -Кронбаха и β). Данные второй половины выборки использовались в процедуре конфирматорного факторного анализа (*CFA*). Верификации моделей осуществлялась с использованием программы lavaan 0.5-23.1097.

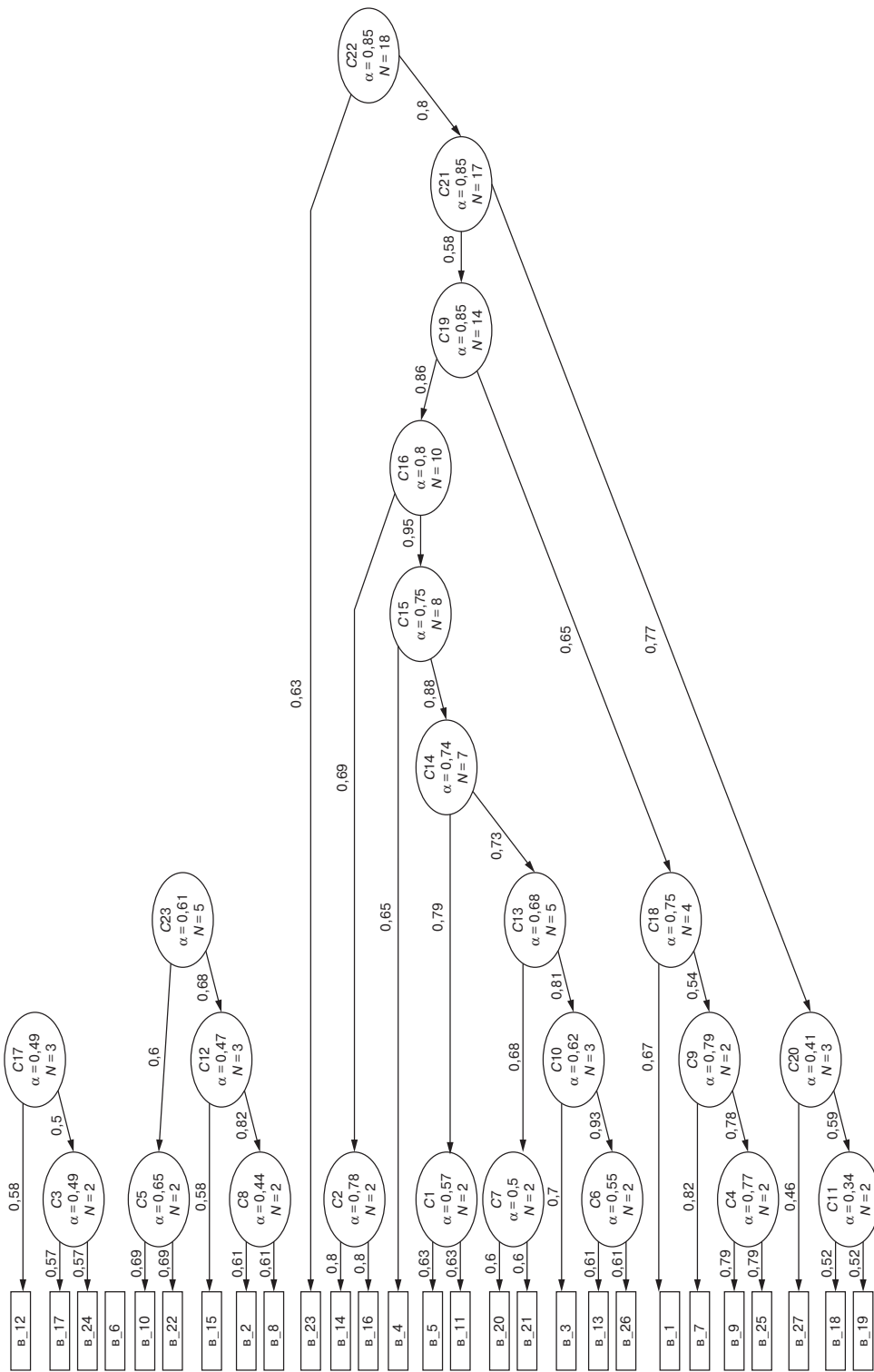

Рис. 1. Дендрограмма шкалы чувствительности, полученная в результате иерархического кластерного анализа (метод ICLAST):
 v_1 — номер пункта шкалы чувствительности; C1 — номер кластера; N — количество пунктов шкалы, вошедших в кластер
[Fig. 1. Dendrogram of HSPS resulting from the hierarchical cluster analysis (ICLAST method)]

Результаты

Как следует из результатов иерархического кластерного анализа методом ICLAST ($N = 430$) (рис. 1 и в табл. 1), «разведочная» процедура кластеризации позволила выделить два фактора чувствительности: C18 ($\alpha = 0,75$) и C16 ($\alpha = 0,81$), в совокупности, образующие фактор более высокого порядка C19 ($\alpha = 0,85$). Пункты шкалы чувствительности, вошедшие в выделенные кластеры практически совпадают с выделенными в исследованиях К.А. Smolewska et al. (2006), D.E. Evans, M.K. Rothbart (2008), Н. Listou Grimen и А. Diseth (2016) факторами. Кластер C18 содержательно соотносится с субшкалой «Низкий порог возбуждения», кластер C16 — со шкалой «Легкость возбуждения». Интересно, что еще один отчетливо выделившийся в процессе иерархического анализа кластер C23 ($\alpha = 0,61$) по содержанию пунктов повторяет структуру третьей субшкалы чувствительности «Эстетическая чувствительность», однако, коэффициент надежности кластера — невысок, кроме того (см. рис. 1) он независим от остальных кластеров опросника, что позволяет полагать, что содержание вошедших в него пунктов нерелевантно общему содержанию шкалы чувствительности.

Таблица 1

Распределения пунктов шкалы чувствительности по субшкалам у разных исследователей
[Distribution of HSPS items by the subscales in different researches]

№ п/п	Формулировки пунктов шкалы чувствительности	Smolewska et al. (2006)	Listou, Diseth (2016)	Evans, Rothbart (2008)	Данное исследование
1	Вы быстро устааете от воздействия сильных сенсорных раздражителей	Искл.	Искл.	НА	НПЧ
2	Вы, более, чем другие, в курсе всех мелочей, происходящих вокруг вас	ЭЧ	ЭЧ	ОЧ	ЭЧ
3	На вас, более, чем на других, влияет настроение других людей	ЛВ	Искл.	ОЧ	ЛВ
4	Вы более других чувствительны к боли	ЛВ	Искл.	НА	ЛВ
5	Вы чувствуете необходимость в течение загруженного дня оказаться в кровати, темной комнате или другом месте, где можно почувствовать себя уединенно и восстановиться после чрезмерных впечатлений	ЭЧ	Искл.	НА	ЛВ
6	Вы более других чувствительны к действию кофеина	НПЧ	Искл.	Искл.	Искл.
7	Вы быстро устааете от таких вещей как яркий свет, резкие запахи, грубая ткань, звучащий рядом звук сирены	НПЧ	НПЧ	НА	НПЧ
8	У вас богатый, сложный внутренний мир	ЭЧ	ЭЧ	ОЧ	ЭЧ
9	Вам, более, чем другим, доставляют дискомфорт громкие звуки	НПЧ	НПЧ	НА	НПЧ
10	Вас глубоко трогают музыка и другие произведения искусства	ЭЧ	ЭЧ	ОЧ	ЭЧ
11	Ваша нервная система иногда бывает настолько истощена, что вы испытываете желание спрятаться даже от самого себя	Искл.	Искл.	НА	ЛВ
12	Вас можно назвать добросовестным человеком	ЭЧ	Искл.	Искл.	Искл.
13	Вас легче, чем других ввести в замешательство	ЛВ	Искл.	НА	ЛВ
14	Вы заводитесь, если вам нужно многое сделать за короткий промежуток времени	ЛВ	Искл.	НА	ЛВ

Окончание табл. 1

№ п/п	Формулировки пунктов шкалы чувствительности	Smolewska et al. (2006)	Listou, Diseth (2016)	Evans, Rothbart (2008)	Данное исследование
15	Когда люди чувствуют себя дискомфортно в физической среде, вы, как правило, знаете, как сделать ее более комфортной (например, изменить освещение).	ЭЧ	ЭЧ	ОЧ	ЭЧ
16	Вы раздражаетесь, когда люди пытаются заставить вас сделать слишком много вещей одновременно	ЛВ	ЛВ	НА	ЛВ
17	Вы изо всех сил стараетесь не ошибаться и ничего не забывать	ЛВ	искл.	НА	Искл.
18	Вы принципиально избегаете фильмов и телешоу со сценами насилия	НПЧ	Искл.	НА	Искл.
19	Вам не нравится находиться в гуще событий	НПЧ	Искл.	НА	Искл.
20	Голод сильно влияет на вас, нарушая концентрацию и ухудшая настроение	ЛВ	Искл.	НА	ЛВ
21	Изменения в вашей жизни являются встряской для вас	ЛВ	ЛВ	НА	ЛВ
22	Вы способны замечать и наслаждаться едва утонченными ароматами, вкусами, звуками или произведениями искусства	ЭЧ	ЭЧ	ОЧ	ЭЧ
23	Вам не по себе, когда много всего происходит одновременно	ЛВ	ЛВ	НА	Искл.
24	Вы стараетесь организовать свою жизнь так, чтобы избегать разочаровывающих или выбивающих из колеи ситуаций	ЛВ	ЛВ	НА	Искл.
25	Вас раздражают интенсивные стимулы, такие, например, как громкие звуки или беспорядок вокруг	НПЧ	НПЧ	НА	НПЧ
26	Когда за вами наблюдают в момент соревнования или решения какой-либо задачи, вы становитесь настолько нервным, что делаете все намного хуже, чем обычно	ЛВ	ЛВ	НА	ЛВ
27	Когда вы были маленьким, ваши родители и учителя считали вас чувствительным и застенчивым ребенком	ЛВ	Искл.	ОЧ	Искл.

Примечание. ЛВ — «Легкость возбуждения», ЭЧ — «Эстетическая чувствительность», ЧН — «Чувствительность к неудачам», НПЧ — «Низкий порог чувствительности», НА — «Негативная аффективность», ОЧ — «Ориентировочная чувствительность», искл. — пункт был исключен из шкалы.

На основании полученных результатов (табл. 1, рис. 1) из последующего анализа были исключены пункты № 6 «Вы более, чем другие чувствительны к действию кофеина», № 12 «Вас можно назвать добросовестным человеком», № 17 «Вы изо всех сил стараетесь не ошибаться и ничего не забывать», № 18 «Вы принципиально избегаете фильмов и телешоу со сценами насилия», № 19 «Вам не нравится находиться в гуще событий», № 23 «Вам не по себе, когда много всего происходит одновременно», № 24 «Вы стараетесь организовать свою жизнь так, чтобы избегать разочаровывающих или выбивающих из колеи ситуаций», № 27 «Когда вы были маленьким, ваши родители и учителя считали вас чувствительным и застенчивым ребенком». Причины исключения — низкие надежность и внутренняя согласованность субшкал (коэффициент α от 0,34 до 0,49), объеди-

нивших перечисленные пункты, независимость данных субшкал от генерально-го кластера чувствительности.

Далее в ходе конфирматорного факторного анализа на выборке кроссвалидации ($N = 430$) были проверены двухфакторная и трехфакторная модели с коррелирующими факторами. Двойные нагрузки в оцениваемые модели не включались. Поскольку данные, полученные с помощью шкалы Лайкерта относятся к неметрическим, модели оценивались с использованием эстиматора *WLSMV* (метод взвешенных наименьших квадратов), хи-квадрат рассчитывался по формуле Саторра—Бентлера, использовались робастные оценки стандартных ошибок. Показатели соответствия моделей данным представлены в табл. 2.

Таблица 2

Показатели соответствия конфирматорных моделей
[Fit indices for the two factors and three factors models]

Модель	χ^2	$df; p$	<i>NNFI (TLI)</i>	<i>CFI</i>	<i>RMSEA</i>	90% <i>CI</i>
2К	86,93	61; 0,018	0,974	0,980	0,031	0,014—0,046
3К	293,83	132; 0,000	0,875	0,882	0,053	0,046—0,062

Примечание. χ^2 — значение статистики хи-квадрат, df — число степеней свободы, p — уровень значимости, *NNFI (TLI)* — ненормированный индекс соответствия Такера—Льюиса, *CFI* — сравнительный индекс соответствия Бентлера, *RMSEA* — корень среднеквадратической ошибки аппроксимации, 90% *CI* — границы доверительного интервала для *RMSEA*.

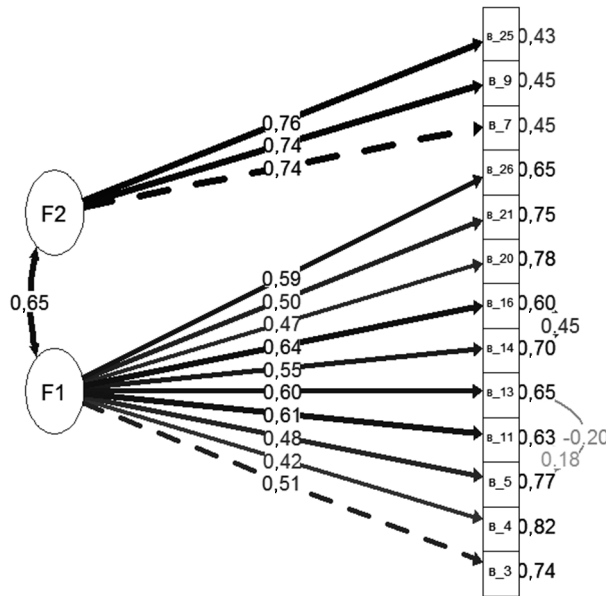

Рис. 2. Стандартизированные параметры факторной модели 2К (все параметры значимы $p < 0,001$): F1 — фактор «Легкость возбуждения»; F2 — фактор «Низкий порог чувствительности»
[Fig. 2. Standardized parameters of two factors HSPS model (all parameters are significant $p < 0,001$)

Двухфакторная модель 2К (факторы «Низкий порог чувствительности» и «Легкость возбуждения») по всем параметрам кроме значимости критерия χ^2 соответствует критериям согласованности. При добавлении в модель третьего фактора «Эстетическая чувствительность» показатели согласованности значительно

ухудшаются, корреляции третьего фактора F_3 с первым F_1 и вторым F_2 находятся на уровне ниже 0,3, а корреляция факторов F_2 и F_3 незначимая. Нагрузки переменных v_{15} и v_{20} (см. рис. 1) на третий фактор по уровню ниже 0,2 (незначимы). Таким образом, предпочтительной является двухфакторная модель чувствительности (рис. 2 и табл. 3)

Таблица 3

**Стандартизированные нагрузки пунктов «Шкалы чувствительности» (HSPS)
на первичные факторы
[Standardized loads of HSPS items to primary factors]**

№	Название фактора / формулировка пункта	Нагрузка	R_2
Легкость возбуждения			
v_{3}	На вас, более, чем на других, влияет настроение других людей	0,507	0,257
v_{4}	Вы более других чувствительны к боли	0,419	0,176
v_{5}	Вы чувствуете необходимость в течение загруженного дня оказаться в кровати, темной комнате или другом месте, где можно почувствовать себя уединенно и восстановиться после чрезмерных впечатлений	0,480	0,230
v_{11}	Ваша нервная система иногда бывает настолько истощена, что вы испытываете желание спрятаться даже от самого себя	0,610	0,372
v_{13}	Вас легче, чем других ввести в замешательство	0,595	0,354
v_{14}	Вы заводитесь, если вам нужно многое сделать за короткий промежуток времени	0,548	0,300
v_{16}	Вы раздражаетесь, когда люди пытаются заставить вас сделать слишком много вещей одновременно	0,635	0,403
v_{20}	Голод сильно влияет на вас, нарушая концентрацию и ухудшая настроение	0,468	0,219
v_{21}	Изменения в вашей жизни являются встряской для вас	0,501	0,251
v_{26}	Когда за вами наблюдают в момент соревнования или решения какой-либо задачи, вы становитесь настолько нервным, что делаете все намного хуже, чем обычно	0,588	0,345
Низкий порог чувствительности			
v_{7}	Вы быстро устаете от таких вещей как яркий свет, резкие запахи, грубая ткань, звучащий рядом звук сирены	0,743	0,553
v_{9}	Вам, более, чем другим, доставляют дискомфорт громкие звуки	0,742	0,550
v_{25}	Вас раздражают интенсивные стимулы, такие, например, как громкие звуки или беспорядок вокруг	0,756	0,571

Обсуждение

Настоящее исследование было ориентировано на определение внутренней структуры конструкта чувствительности с использованием русскоязычной версии «Шкалы чувствительности». Анализ структуры шкалы показал, что часть ее пунктов имеет слабые корреляции с генеральным фактором и частными шкалами опросника, что было показано К.А. Smolewska et al. (2006), С. Booth et al. (2015), Н. Listou Grimen, А. Diseth (2016). Исключенные нами 8 пунктов опросника (№ 6, 12, 17, 18, 19, 23, 24, 27) попали в число «слабых» и у других авторов: пункт № 6 («Вы более других чувствительны к действию кофеина» исключен практически у всех авторов, см. например, С. Booth et al. (2015), Н. Listou Grimen, А. Diseth (2016), D.E. Evans, M.K. Rothbart (2008); пункты № 12, 17, 18 признаны «слабыми» Н. Listou Grimen, А. Diseth (2016), № 19 («Вам не нравится находиться в гуще событий») С. Booth et al. (2015).

Результаты настоящего исследования не подтвердили одномерную модель чувствительности, предложенную E.N. Aron, A. Aron (1997), также, как и наиболее распространенное в зарубежных исследованиях трехфакторное описание конструкта «чувствительности». Проведенная процедура операционализации русскоязычной версии шкалы позволяет говорить о двухкомпонентной модели чувствительности, включающей 13 пунктов (для сравнения: 21 пункт C. Booth et al. (2015), 13 пунктов H. Listou Grimen, A. Diseth (2016), 24 пункта K.A. Smolewska et al. (2006): это субшкалы «Легкость возбуждения» (чувствительность к сенсорному дискомфорту (боль, голод), фрустрации, эмоциям других) и «Низкий порог чувствительности» (чувствительность к чрезмерной стимуляции). Содержание выделенных процедурой операционализации субшкал *HSPS* практически полностью аналогично содержанию этих субшкал в исследовании K.A. Smolewska et al. (2006).

Фактор «Эстетической чувствительности» (отражающий глубину когнитивной обработки информации и чувствительность к тонким деталям) (пункты № 2, 8, 10, 15, 22), хотя и был выделен в процессе иерархического кластерного анализа, показал низкую согласованность и слабую связь с факторами «Легкой возбудимости» и «Низкого порога чувствительности», что свидетельствует о нерелевантности его содержания общему содержанию опросника *HSPS* и убеждает в необходимости более точного операционального определения самого конструкта чувствительности и прояснения вопроса о том, насколько предложенная E.N. Aron и A. Aron (1997) концептуальная модель чувствительности поддерживается разработанной авторами шкалой. Так, D.E. Evans и M.K. Rothbart (2008), обнаружили, что в структуре *HSPS*, наибольший вес имеют характеристики сенсорного дискомфорта — темпераментальной характеристики, проявляющейся в отрицательных эмоциональных реакциях разной степени интенсивности в ответ на сенсорные раздражители (шкала «Негативной аффективности» *HSPS*). Результаты нашего исследования подтверждают выводы D.E. Evans., M.K. Rothbart (2008) (см. табл. 1) и позволяют определить чувствительность как повышенную восприимчивость к внешним и внутренним стимулам, реализующуюся через негативные эмоциональные реакции и глубокую восприимчивость (дистресс) к чрезмерной стимуляции. Утверждение E.N. Aron и A. Aron (1997) о том, что признаком высокой чувствительности является глубина когнитивной обработки информации и чувствительность к тонким деталям эмпирического подтверждения не получило и, следовательно, нуждается в дополнительной проверке.

Выводы

Итак, полученные в процессе операционализации русскоязычной версии шкалы чувствительности результаты подтвердили точку зрения современных исследователей на многомерность конструкта чувствительности обработки сенсорной информации, однако, открытым остается вопрос о количестве составляющих конструкт субшкал. Нуждается в более точном определении и сам конструкт чувствительности, поскольку в современной психологии данный термин многозначен.

Поскольку HSPS относительно новая методика, остаются некоторые аспекты, нуждающиеся в прояснении и дальнейшем изучении. Учитывая то, что эмпирическая выборка была относительно гомогенной по возрасту и недостаточно сбалансированной по полу, исследования необходимо продолжать на более гетерогенных группах. Отсутствие рандомизованной выборки служит еще одним уязвимым звеном проведенного исследования, однако следует отметить, что это один из наиболее трудноразрешимых вопросов современного исследования. Тем не менее, для элиминации ошибок, связанных с отсутствием случайного отбора респондентов, были использованы техники активного и пассивного формирования эмпирической выборки (Thielsch, 2008), группа респондентов, сформированная через онлайн обращение, оказалась более гетерогенной в сравнении с группой, сформированной офлайн.

Еще одно ограничение шкалы заключается в том, что она относится к группе «самооценочных» методов, что безусловно влияет на объективность полученных данных за счет возможного смещения чувствительности с иной психологической симптоматикой, проявления феномена «социальной желательности», тем более что поскольку в русской культуре чувствительность, особенно для мужчин, негативно коннотирована. Это предположение нуждается в дополнительной проверке, в том числе на мужской и женской выборках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алешина Ю.Е. [и др.]. Самоактуализационный тест (адаптация теста РОИ Эверетта Шострома). М.: Изд-во МГУ, 1987. 120 с.
- Банюхова А.Е., Шемелина О.С. Личностные аспекты креативности // Ярославский педагогический вестник. 2010. Т. 2. № 4. С. 205—211.
- Батаршев А.В. Диагностика темперамента и характера. 2-е изд. СПб.: Питер, 2016. 368 с.
- Мельников В.М., Ямпольский Л.Т. Введение в экспериментальную психологию личности. М.: Просвещение, 1985. 319 с.
- Никишина В.Б., Глушкова В.П. Внутренние детерминанты процесса социализации подростков с синдромом дефицита внимания и гиперактивностью // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2009. № 9. С. 124—126.
- Смирнова Е.О., Кошкарлова Т.А. Анализ материнских трудностей в отношениях с ребенком: на материале младшего школьного возраста // Психологическая наука и образование. 2005. № 3. С. 5—15.
- Собчик Л.Н. Дифференциальные методы психологической диагностики невротических расстройств. Индивидуально-типологический опросник (ИТО) (пособие для врачей). М.: ГНЦ ССП им. ВП Сербского, 1999. 32 с.
- Теплов Б.М. Психология и психофизиология индивидуальных различий. М.: МПСИ, 2004. 640 с.
- Чернавский А.Ф. Психофизиологические предпосылки проявления страха // Известия российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. Т. 19. № 45. С. 11—19.
- Aron E.N. The highly sensitive person. Kensington Publishing Corp., 2013. 251 p. doi: 10.1037/t00299-000.

- Aron E.N., Aron A. Sensory-processing sensitivity and its relation to introversion and emotionality // *Journal of personality and social psychology*. 1997. Vol. 73. No. 2. P. 345–368. doi:10.1037//0022-3514.73.2.345
- Aron E.N., Aron A., Jagiellowicz J. Sensory processing sensitivity: A review in the light of the evolution of biological responsivity // *Personality and Social Psychology Review*. 2012. Vol. 16. No. 3. P. 262–282. doi: 10.1177/1088868311434213.
- Benham G. The highly sensitive person: Stress and physical symptom reports // *Personality and individual differences*. 2006. Vol. 40. No. 7. P. 1433–1440. doi: 10.1016/j.paid.2005.11.021.
- Blach C., Egger J.W. Highly sensitive persons — an empirical investigation to a complex phenomenon // *Psychological Medicine*. 2014. Vol. 25. P. 4–16.
- Booth C., Standage H., Fox E. Sensory-processing sensitivity moderates the association between childhood experiences and adult life satisfaction // *Personality and individual differences*. 2015. Vol. 87. P. 24–29.
- Boterberg S., Warreyn P. Making sense of it all: The impact of sensory processing sensitivity on daily functioning of children // *Personality and Individual Differences*. 2016. Vol. 92. No. 80–86. doi: 10.1016/j.paid.2015.12.022.
- Cheek J.M. et al. Interpreting the factors of the Highly Sensitive Person scale // *Annual meeting of the society for Personality and Social Psychology*. Tampa, FL, 2009.
- Evans D.E., Rothbart M.K. Temperamental sensitivity: Two constructs or one? // *Personality and Individual Differences*. 2008. Vol. 44. No. 1. P. 108–118. doi: 10.1016/j.paid.2007.07.016.
- Evers A., Rasche J., Schabracq M.J. High sensory-processing sensitivity at work // *International Journal of Stress Management*. 2008. Vol. 15. No. 2. P. 189. doi: 10.1037/1072-5245.15.2.189.
- Gray J.A. The neuropsychology of temperament // *Explorations in temperament*. Springer US, 1991. P. 105–128. doi: 10.1007/978-1-4899-0643-4.
- Hofmann S.G., Bitran S. Sensory-processing sensitivity in social anxiety disorder: relationship to harm avoidance and diagnostic subtypes // *Journal of anxiety disorders*. 2007. Vol. 21. No. 7. P. 944–954. doi: 10.1016/j.janxdis.2006.12.003.
- Konrad S., Herzberg P.Y. Psychometric Properties and Validation of a German High Sensitive Person Scale (HSPS-G) // *European Journal of Psychological Assessment*. 2017. doi: 10.1027/1015-5759/a000411.
- Liss M., Mailloux J., Erchull M.J. The relationships between sensory processing sensitivity, alexithymia, autism, depression, and anxiety // *Personality and individual differences*. 2008. Vol. 45. No. 3. P. 255–259.
- Listou Grimen H., Diseth A. Sensory Processing Sensitivity: Factors of the Highly Sensitive Person Scale and Their relationships to Personality and Subjective Health Complaints // *Perceptual and motor skills*. 2016. Vol. 123. No. 3. P. 637–653. doi: 10.1016/j.paid.2008.04.009.
- Meyer B., Ajchenbrenner M., Bowles D.P. Sensory sensitivity, attachment experiences, and rejection responses among adults with borderline and avoidant features // *Journal of personality disorders*. 2005. Vol. 19. No. 6. P. 641–658. doi: 10.1521/pedi.2005.19.6.641.
- Neal J.A., Edelmann R.J., Glachan M. Behavioral inhibition and symptoms of anxiety and depression: Is there a specific relationship with social phobia? // *British Journal of Clinical Psychology*. 2002. Vol. 41. No. 4. P. 361–374. doi: 10.1348/014466502760387489.
- Pickering A.D. et al. The neuroscience of personality // *Handbook of personality: Theory and research*. New York: Guilford Press. 1999. Vol. 2. P. 277–299.
- Revelle W. Hierarchical cluster analysis and the internal structure of tests // *Multivariate Behavioral Research*. 1979. Vol. 14. No. 1. P. 57–74.

Smolewska K.A., McCabe S.B., Woody E.Z. A psychometric evaluation of the Highly Sensitive Person Scale: The components of sensory-processing sensitivity and their relation to the BIS/BAS and “Big Five” // *Personality and Individual Differences.* 2006. Vol. 40. No. 6. P. 1269—1279. doi: 10.1016/j.paid.2005.09.022.

Thielsch M.T. Aesthetics of websites. Perception of aesthetics and their relation to content, usability and personality traits. Münster: MV Wissenschaft. (2008). URL: http://www.idsymposium.de/index2691.pdf?eID=tx_nawsecuredl&u=0&g=0&t=1439047247&hash=163fe3efc5ccee2724cb a9f95a3e3cdb6bb5985d&file=fileadmin/secdl/2008/03_thielsch_presentation.pdf

© Ершова Р.В., Ярмоц Е.В., Корягина Т.М., Шляхта Д.А., Тарноу Ю., 2017

История статьи:

Поступила в редакцию: 16 сентября 2017

Принята к печати: 12 января 2018

Для цитирования:

Ершова Р.В., Ярмоц Е.В., Корягина Т.М., Шляхта Д.А., Тарноу Ю. Операционализация шкалы чувствительности (Highly Sensitive Person Scale) на российской выборке // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика.* 2018. Т. 15. № 1. С. 22—37. doi: 10.22363/2313-1683-2018-15-1-22-37

Сведения об авторах:

Ершова Регина Вячеславовна — доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии Государственного социально-гуманитарного университета (Коломна, Россия). E-mail: erchovareg@mail.ru

Ярмоц Екатерина Викторовна — аспирант кафедры психологии Государственного социально-гуманитарного университета (Коломна, Россия). E-mail: catherina_ya@mail.ru

Корягина Татьяна Максимовна — аспирант кафедры психологии Государственного социально-гуманитарного университета (Коломна, Россия). E-mail: tm.semina@yandex.ru

Шляхта Дмитрий Александрович — кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной и дифференциальной психологии Российского университета дружбы народов (Москва, Россия). E-mail: shlyakhta_da@rudn.university

Тарноу Юджин — PhD, независимый исследователь, директор по консалтингу Avalon Бизнес Системс, Инк (Нью-Йорк, США). E-mail: ETarnow@avabiz.com

OPERATIONALIZATION OF THE RUSSIAN VERSION OF HIGHLY SENSITIVE PERSON SCALE

**Regina V. Ershova¹, Ekaterina V. Yarmotz¹, Tatiana M. Koryagina¹,
Dmitriy A. Shlyakhta², Eugen Tarnow³**

¹ State University of Humanities and Social Studies
Zelenaya str., 30, Kolomna, Russia, 140410

² Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

³ Avalon Business Systems, Inc.
18-11 Radburn Road, Fair Lawn, NJ 07410, USA

Abstract. The aim of the present study was to operationalize a Russian version of the Highly Sensitive Person Scale (HSPS). The empirical data were collected in two ways: active, through oral advertising and inviting those who wish to take part in the study (snowball technique) and passive (placement of ads about taking part in a research in social networks VKontakte and Facebook). As a result, 350 university students (117 men, 233 women, an average age of 18,2 (\pm 1,7) applied to a research laboratory and filled out the HSPS questionnaire, and another 510 respondents (380 women, 130 men, average age 22,6 (\pm 7,9) filled the HSPS online. The results of the study did not confirm the one-dimensional model of the construct, proposed by Aron & Aron (1997), as well as the most commonly used in the English-language studies three-factor solution. The hierarchical cluster and confirmatory analyses used in the operationalization procedure allowed us to conclude that the variance of the Russian version of HSPS is best described in the framework of a two-factor model including the two separate subscales: Ease of Excitation (EOE), Low threshold of sensitivity (LTS). Sensory Processing Sensitivity may be defined as an increased susceptibility to external and internal stimuli, realized through negative emotional responses and deep susceptibility (distress) to excessive stimulation.

Key words: sensory processing sensitivity, highly sensitive person scale, Ease of Excitation, Low threshold of sensitivity

REFERENCES

- Alyoshina, J., Gozman, L., Zagika, M., & Kroz, M. (1984). *Self-actualization Inventory (the adaptation of POI by Everett Shostrom)*. Moscow: MSU Publ.
- Aron, E.N. (2013). *The highly sensitive person*. Kensington Publishing Corp. doi: 10.1037/t00299-000.
- Aron, E.N., & Aron, A. (1997). Sensory-processing sensitivity and its relation to introversion and emotionality. *Journal of Personality and Social Psychology*, 73, 345–368. doi: 10.1037//0022-3514.73.2.345.
- Aron, E., Aron A., & Jagiellowicz, J. (2012). Sensory processing sensitivity: A review in the light of the evolution of biological responsiveness. *Personality and Social Psychology Review*, 16, 262–282. doi: 10.1177/1088868311434213.
- Banyukhova, A.E., & Shemelina, O.S. (2010). Personality aspects of creativity. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2(4), 205–211.
- Batarshv, A. (2016). *Diagnosis of temperament and character*. St. Petersburg: Publishing house “Piter”.
- Benham, G. (2006). The highly sensitive person: stress and physical symptom reports. *Personality and Individual Differences*, 40, 1433–1440. doi: 10.1016/j.paid.2005.11.021.
- Blach, C., & Egger, J.W. (2014). Highly sensitive persons — an empirical investigation to a complex phenomenon. *Psychological Medicine*, 25, 4–16.
- Booth, C., Standage, H., & Fox, E. (2015). Sensory-processing sensitivity moderates the association between childhood experiences and adult life satisfaction. *Personality and individual differences*, 87, 24–29.
- Boterberg, S., Warreyn, P. (2016). Making sense of it all: The impact of sensory processing sensitivity on daily functioning of children. *Personality and Individual Differences*, 92, 80–86. doi: 10.1016/j.paid.2015.12.022.
- Cheek, J.M., Bourgeois, M.L., Theran, S.A., Grimes, J.O., & Norem, J.K. (2009, February). *Interpreting the factors of the Highly Sensitive Person scale*. Poster session presented at the annual meeting of the Society for Personality and Social Psychology, Tampa, FL.
- Chernavsky, A.F. (2007). Psychophysiological preconditions for the manifestation of fear. *News of the Herzen's Russian State Pedagogical University*, 19(45), 11–19.
- Evans, D.E., & Rothbart, M.K. (2008). Temperamental sensitivity: Two constructs or one? *Personality and Individual Differences*, 44, 108–118. doi: 10.1016/j.paid.2007.07.016.

- Evers, A., Rasche, J., & Schabracq, M.J. (2008). High sensory-processing sensitivity at work. *International Journal of Stress Management*, 15, 189—198. doi: 10.1037/1072-5245.15.2.189.
- Gray, J.A. (1991). The neuropsychology of temperament. In J. Strelau & A. Angleitner (Eds.), *Explorations in temperament: International perspectives on theory and measurement* (pp. 105—128). New York: Plenum Press. doi: 10.1007/978-1-4899-0643-4.
- Hofmann, S.G., & Bitran, S. (2007). Sensory-processing sensitivity in social anxiety disorder: relationship to harm avoidance and diagnostic subtypes. *Journal of Anxiety Disorders*, 21, 944—954. doi: 10.1016/j.janxdis.2006.12.003.
- Konrad, S., & Herzberg, P.Y. (2017). Psychometric Properties and Validation of a German High Sensitive Person Scale (HSPS-G). *European Journal of Psychological Assessment*. doi: 10.1027/1015-5759/a000411.
- Liss, M., Mailloux, J., & Erchull, M.J. (2008). The relationship between sensory processing sensitivity, alexithymia, autism, depression, and anxiety. *Personality and Individual Differences*, 45, 255—259. doi: 10.1016/j.paid.2008.04.009.
- Listou Grimen, H., & Diseth, Å. (2016). Sensory Processing Sensitivity: Factors of the Highly Sensitive Person Scale and Their relationships to Personality and Subjective Health Complaints. *Perceptual and motor skills*, 123(3), 637—653. doi: 10.1177/0031512516666114.
- Melnikov, V., & Yampolsky, L. (1985). *The introduction to the experimental psychology of a person*. Moscow: Prosvestchenie.
- Meyer, B., Ajchenbrenner, M., & Bowles, D.P. (2005). Sensory sensitivity, attachment experiences, and rejection responses among adults with borderline and avoidant features. *Journal of Personality Disorders*, 19, 641—658. doi: 10.1521/pedi.2005.19.6.641.
- Neal, J.A., Edelmann, R.J., & Glachan, M. (2002). Behavioral inhibition and symptoms of anxiety and depression: is there a specific relationship with social phobia? *British Journal of Clinical Psychology*, 41, 361—374. doi: 10.1348/014466502760387489.
- Nikishina, V.B., & Glushkova, V.P. (2009). Internal determinants of the process of adolescents with ADHD socialization. *Izvestiya of Volgograd State Pedagogical University*, (9), 124—126.
- Pickering, A.D., & Gray, J.A. (1999). *The neuroscience of personality. Handbook of personality: Theory and research*, 2, 277—299.
- Revelle, W. (1979). Hierarchical cluster analysis and the internal structure of tests. *Multivariate Behavioral Research*, 14(1), 57—74.
- Smirnova, E.O., & Koshkarova, T.A. (2005). Analysis of maternal difficulties in relations with the child (based on the material of primary school age). *Psychological science and education*, (3), 5—15.
- Smolewska, K.A., McCabe, S.B., & Woody, E.Z. (2006). A psychometric evaluation of the Highly Sensitive Person Scale: The components of sensory-processing sensitivity and their relation to the BIS/BAS and “Big Five”. *Personality and Individual Differences*, 40, 1269—1279. doi: 10.1016/j.paid.2005.09.022.
- Sobchik, L. (1999). Differential methods of psychological diagnosis of neurotic disorders. Individual-typological questionnaire (ITQ) (Manual for Physicians). Moscow: GNC SSP Publ.
- Теплов, В.М. (2003). *Psychology and psychophysiology of individual differences*. Moscow: Institute of Psychology and Sociology Publ.
- Thielsch, M.T. (2008). Aesthetics of websites. Perception of aesthetics and their relation to content, usability and personality traits. Münster: MV Wissenschaft.// http://www.idsymposium.de/index2691.pdf?eID=tx_nawsecuredl&u=0&g=0&t=1439047247&hash=163fe3efc5ccee2724cb a9f95a3e3cdb6bb5985d&file=fileadmin/secdl/2008/03_thielsch_presentation.pdf

© Ershova, R.V., Yarmotz, E.V., Koryagina, T.M., Shlyakhta, D.A., Tarnow, E., 2017

Article history:

Received: 19 September 2017

Revised: 5 January 2018

Accepted: 12 January 2018

For citation:

Ershova, R.V., Yarmotz, E.V., Koryagina, T.M., Shlyakhta D.A., Tarnow, E. (2018). Operationalization of the Russian Version of Highly Sensitive Person Scale. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 15 (1), 22–37. doi: 10.22363/2313-1683-2018-15-1-22-37

Bio Note:

Regina V. Ershova — Doctor of Psychology, Professor, Professor of Department of Psychology of State University of Humanities and Social Studies (Kolomna, Russia). E-mail: erchovareg@mail.ru

Ekaterina V. Yarmotz — postgraduate of Department of Psychology of State University of Humanities and Social Studies (Kolomna, Russia). E-mail: catherina_ya@mail.ru

Tatiana M. Koryagina — postgraduate of Department of Psychology of State University of Humanities and Social Studies (Kolomna, Russia). E-mail: tm.semينا@yandex.ru

Dmitriy A. Shlyakhta — PhD in Psychology, Associate Professor, Associate Professor of the Social and Differential Psychology Department of Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russia). E-mail: shlyakhta_da@rudn.university

Eugen Tarnow — PhD, Data Scientist & Director of Consulting, Avalon Business Systems, Inc (New York, USA). E-mail: ETarnow@avabiz.com

DOI: 10.22363/2313-1683-2018-15-1-38-52

УДК 159.923.2

ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ АДАПТИВНОСТИ ВЬЕТНАМСКИХ СТУДЕНТОВ

С.И. Кудинов, С.С. Кудинов, Хо Во Кие Ти

Российский университет дружбы народов
Миклухо-Маклая ул., 6, Москва, Россия, 117198

В статье анализируются показатели соотношения ценностно-смысловой направленности и адаптивности вьетнамских студентов. Показано, что соотношение определенных ценностей, установок и потребностей образует определенный тип ценностно-смысловой направленности. Установлено, что различные типы направленности избирательно взаимосвязаны с показателями адаптивности личности вьетнамских студентов и могут выступать определенными предикторами процесса адаптации. Обозначены современные тенденции исследования адаптивности в контексте системной парадигмы. Отмечены основные индивидуально-личностные детерминанты проявления адаптивности личности. Методологической базой исследования выступила диспозиционная концепция исследования свойств личности и индивидуальности А.И. Крупнова, а также положения теории личностного потенциала Д.А. Леонтьева, разработанные в рамках позитивной психологии. Цель исследования, представленного в данной статье — изучение взаимосвязи показателей ценностно-смысловой направленности и переменных адаптивности вьетнамских студентов. На первом этапе исследования, опираясь на результаты кластерного анализа, были выделены и охарактеризованы различные типы ценностно-смысловой направленности студентов: профессионально-карьерная, эгоцентрическая, социально-коммуникативная. Между выделенными типами зафиксированы статистически значимые различия по большинству составляющих. Содержательные характеристики указанных типов на поведенческом уровне отличаются отношением к учебной деятельности, взаимоотношениями с окружающими людьми и самоотношением.

На следующем этапе были выявлены особенности проявления адаптивности у студентов с разными типами ценностно-смысловой направленности. С помощью корреляционного анализа установлена взаимосвязь между переменными ценностной направленности и адаптивности. Оказалось, что для всех трех групп является актуальным их неуверенность, ностальгия и астеничность. В тоже время для представителей профессионально-карьерного типа ценностно-смысловой направленности характерна более успешная адаптивность по сравнению с представителями других групп. Менее успешными в проявлении адаптивности оказались студенты с эгоцентрической направленностью, их отличает наибольшая выраженность негативного фона настроения, неуверенность, трудности в общении. В заключении делается вывод о роли ценностно-смысловой направленности как основного из факторов, определяющих успешность адаптивности личности в поликультурной среде.

Ключевые слова: личность, адаптивность, ценности, потребности, направленность, вьетнамские студенты

Теоретические основы исследования

Реалии современного общества таковы, что неизбежными становятся массовые миграционные потоки по всему миру. Люди устремляются в те страны и регионы,

где качество жизни видится более благополучным, чем у себя на родине. Перемещение в иные социокультурные, экономические, политические и религиозные условия сопряжено с различного рода трудностями, как для мигранта, так и местного населения. Следствием неуспешной адаптации становятся конфликты, открытая конфронтация, неприятие традиций и культуры, трудности социализации и самореализации, проявляющиеся в алкоголизации, делинквентности, религиозном фанатизме и др. (Вассерман, 1994). В этой связи необходимо подчеркнуть, что молодые люди, приезжающие из разных стран, прежде всего, Юго-Восточной Азии и Африки на обучение в Россию не являются исключением в этом ряду. Иной менталитет, языковой барьер, другая культура, обычаи, традиции и религия для многих непреодолимое препятствие для полноценного вживания в этнокультурную российскую среду.

Как показывают исследования вьетнамских ученых, к традиционным ценностям этого этноса относятся ответственность, достоинство, верность, жизненная мудрость, терпимость (Nguyễn Quang Uẩn, 2010). Так, в материалах VII, VIII, IX, XI съездов всенародного собрания комитета Коммунистической партии Вьетнама при формировании ценностей были выделены: патриотизм, солидарность в обществе, гуманность, терпимость, трудолюбие и творчество в работе, простота в жизни (Đảng cộng sản Việt Nam, 2011).

В работах других авторов выделяются традиционные и современные ценности (Hò Sỹ Quý, 2010). К числу традиционных относят любовь, почитание родителей, чувство собственного достоинства, уважение других людей, преданность, оптимистичность, адаптация, солидарность, признательность, традиции народа, мужество, справедливость, сочувственность, терпимость, отзывчивость, скромность, умение жертвовать, простота. В перечень современных включены уверенность, творчество, приложение всех сил для работы, экологичность, усердие в работе, доверенность, усиленное сотрудничество в работе ради пользы общества, общительность (Huỳnh Văn Sơn và nhóm tác giả, 2010; Huỳnh văn Sơn và nhóm tác giả, 2009).

В исследовании Фан Кэ Бинь отмечается, что в качестве основных современных вьетнамских ценностей выступают мораль, трудолюбие, бережливость, исполнительность, уважение к семье, уважение к учебе, честность, благородство, мужество, решимость, терпимость, человечность, терпение, упорство, любовь (Nguyễn Văn Bốn, 2013).

Нетрудно увидеть, что во Вьетнаме в качестве основных приоритетов в формировании и воспитании молодого поколения определены фундаментальные ценности, способные обеспечить сохранность целостности государства, института семьи, социальное и экономическое развитие общества и др. Акцент в ценностях смещен в плоскость трудовой и учебной деятельности, самопожертвования ради страны и семьи, альтруизма. По всей видимости, указанные ценности вьетнамских студентов оказывают определенное влияние на специфику их адаптации к инокультурной среде.

Одним из значимых факторов адаптационного процесса выступает адаптационный ресурс человека или его адаптивность как свойство личности, а другим — устойчивость позитивных ценностей, установок, потребностей и целей, образу-

ющих ценностно-смысловую направленность личности. Как показали ранее проведенные исследования, ценностно-смысловая направленность личности является предиктором самореализации и социализации субъектов деятельности, оказывает влияние на поведение, деятельность и общение личности в разных социокультурных условиях. В тоже время проблема ценностно-смысловой направленности личности не рассматривалась в контексте адаптивности субъекта (Айбазова, 2015а; Кудинов, 2016).

Адаптивность в свою очередь рассматривается достаточно разносторонне с различных методологических позиций. Как свойство личности анализируется в аспекте эволюционного подхода, базирующегося на изучении предикторов формирования и развития адаптационных ресурсов человека в процессе эволюции (Вассерман, 1994). В рамках субстанциального подхода архиважным выступает проблема деятельностной активности субъекта в процессе адаптации (Петровский, 1992, 2010). Сторонники когнитивной методологии апеллируют к интеллектуальным структурам в развитии процессов адаптации (Пиаже, 1969). И наконец, представители социально-психологического подхода основное внимание уделяют структуре личности как отражению складывающихся отношений и связей субъекта с социальной средой в процессе адаптации (Братусь, 1988).

В современных исследованиях все чаще адаптивность рассматривается как системное образование личности. Несомненный интерес в контексте данной парадигмы вызывает диспозиционный подход (Крупнов, 1993, 2006, 2016), в рамках которого выполнено настоящее исследование. Проблема изучения соотношения ценностно-смысловой направленности и составляющих адаптивности личности позволяет в перспективе разрабатывать рекомендации и программы сопровождения для успешной адаптации иностранных студентов.

Цель эмпирического исследования представленного в данной статье — изучение особенностей адаптивности вьетнамских студентов с разными показателями ценностно-смысловой направленности.

Методы исследования

Методологической базой исследования выступили системный подход, разрабатываемый Б.Ф. Ломовым, В.А. Барабанщиковым, Л.И. Анцыферовой и др. (Анцыферова, 1990; Барабанщиков, 2011; Ломов, 2003); положения теории личностного потенциала Д.А. Леонтьева, разработанные в рамках позитивной психологии (Леонтьев, 2011); диспозиционная концепция изучения свойств личности и индивидуальности А.И. Крупнова, в контексте которой адаптивность рассматривается как личностное свойство, детерминированное совокупностью инструментально-стилевых и содержательно-смысловых характеристик (Крупнов, 2006).

Исследование проводилось в российских университетах (РУДН, МГУ, МФТИ и др.). В общую выборку вошли 212 студентов из Вьетнама (44% мужского пола и 56% — женского пола) в возрасте от 18 до 26 лет. Для изучения ценностно-смысловой направленности вьетнамских студентов были использованы «Тест смысловых ориентаций» (Леонтьев, 2000), «Тест направленности личности»

Б. Басса (Карелин, 2007, с. 28—31), опросник «Социально-психологические установки личности в мотивационно-потребностной сфере» (О.Ф. Потемкина). При исследовании адаптивности применялся бланковый тест адаптивности А.И. Крупнова (Крупнов, Новикова, Шляхта, 2017, с. 208—210).

Дизайн исследования осуществлялся в следующем порядке, все 212 студентов поэтапно выполнили представленные методики в бланковом варианте в соответствии с установленными требованиями, предъявляемыми к данным тестам.

Полученные эмпирические результаты исследования подверглись математической обработке с помощью программы *IBM SPSS Statistics*. Использовались методы описательной статистики, *t*-критерий Стьюдента, кластерный анализ методом *k*-средних, корреляционный анализ Спирмена.

Результаты исследования

На первом этапе исследования были вычислены нормативные значения показателей личностных опросников для вьетнамских студентов. Ставилась задача при применении кластерного анализа установить типологию ценностно-смысловой направленности личности студентов (табл. 1).

Таблица 1

Результаты кластерного анализа показателей ценностно-смысловой направленности личности вьетнамских студентов (n = 212)
[The results of the cluster analysis, n = 212]

Кластеры	Центры кластеров для показателей										
	Направленность на себя	Направленность на общение	Направленность на дело	Процесс	Результат	Альтруизм	Эгоизм	Труд	Свобода	Власть	Деньги
Кластер 1 (n = 92)	6,66	7,32	13,26	6,89	6,26	5,79	4,42	5,53	5,89	2,42	2,68
Кластер 2 (n = 53)	11,67	6,5	9,44	5,94	5,67	4,61	5,83	4,33	5,56	3,78	3,72
Кластер 3 (n = 67)	6,61	11,3	9,09	6,73	5,27	5,27	4,98	5,68	5,7	3,61	3,95

Результаты показывают, что в выделенных кластерах отмечается разная доминирующая направленность. Что касается иерархии ценностных ориентаций, то во всех трех группах основной ценностью выступает процесс. После года знакомства с русским языком, людьми и культурой, вне зависимости от направленности, отмечается фиксация на процессуальной стороне деятельности, общения и поведения.

Как видно из таблицы 1, в первую группу вошли 92 вьетнамских студента, у которых зафиксированы высокие значения показателей направленности на дело (13,26), а второе и третье место занимают показатели направленности на общение (7,32) и на себя (6,66). Далее в иерархии расположены ценности: процесс (6,89), результат (6,26), альтруизм (5,79), эгоизм (4,42), труд (5,53), свобода (5,89), власть (2,42) и деньги (2,68). Условно данный кластер можно обозначить как **профессионально-карьерный тип** ценностно-смысловой направленности, поскольку доминирующими ценностями выступают процесс и деятельность.

Второй кластер включает 53 испытуемых. В данной группе наблюдаются некоторые отличия от респондентов, вошедших в первый кластер. Самое высокое место в иерархии ценностей занимает ориентация на себя (11,67). На второй позиции по степени выраженности находится ценность деятельности (9,44) и далее общения (6,5). Другие ценности выражены в следующем порядке: деньги (3,72), власть (3,78), труд (4,33), альтруизм (4,61), свобода (5,56), результат (5,67), эгоизм (5,83), процесс (5,94). Данный кластер с полным правом можно обозначить как *эгоцентрический тип* ценностно-смысловой направленности.

И наконец, третий кластер включает 67 респондентов, у которых самые высокие значения зафиксированы по ценности общение (11,30), далее дело (9,09) и направленность на себя (6,61). Оставшиеся ценности расположены в следующей иерархии: процесс (6,73), свобода (5,70), труд (5,68), результат (5,27), альтруизм (5,27), эгоизм (4,98), деньги (3,95), власть (3,61). Данный кластер можно отнести к *социально-коммуникативному* ценностно-смысловому типу направленности.

На следующем этапе анализировались показатели адаптивности у респондентов, представляющих разные типы ценностно-смысловой направленности, а также рассматривалась их взаимосвязь с ценностями (рис. 1, табл. 2—4).

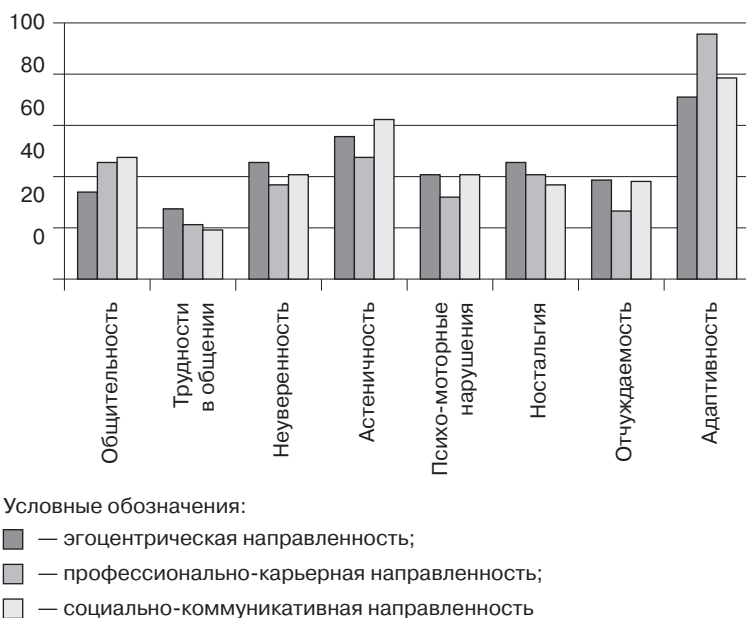

Рис. 1. Выраженность показателей адаптивности у вьетнамских студентов с разными показателями ценностно-смысловой направленности
 [Fig. 1. Indicators of adaptability in Vietnamese students with different indicators of axiological orientation]

Наиболее высокие показатели по адаптивности выявлены у респондентов с профессионально-карьерной ценностно-смысловой направленностью (рис. 1). Они более общительные, уверенные в себе, стремятся влиться в социум и меньше всего переживают негативные эмоции. По всей видимости, это обусловлено их установками. Стремление получить образование, сформировать необходимые профессиональные компетенции и в перспективе обеспечить себе быстрый ка-

рьерный рост и материальное благополучие, обусловили наиболее успешную их адаптацию в российском вузе.

При рассмотрении взаимосвязей показателей адаптивности и ценностей у респондентов с профессионально-карьерной направленностью установлено (табл. 2), что общий индекс адаптивности значимо коррелирует с такими ценностями как процесс, результат, альтруизм и труд. Кроме этого, ценность «результат» взаимосвязана с общительностью, а ценность «эгоизм» — с трудностями общения, неуверенностью, астеничностью и отчужденностью. Ценность «свобода» коррелирует с общительностью. Ценность «деньги» — с ностальгией, а ценность «власть» — с трудностями в общении, психомоторными реакциями, и отчужденностью. Представленные корреляции доказывают высокую степень зависимости ценностей деятельности с адаптивностью личности в данной группе вьетнамских студентов. Достаточно интересным видится факт взаимосвязи эгоизма с характеристиками адаптивности. Указанные связи свидетельствуют о том, что доминирование эгоистических побуждений в иерархии ценностей никак не способствуют адаптивности личности, а скорее снижают адаптивные ресурсы субъекта, поскольку увеличивают трудности в общении и взаимодействии, повышают неуверенность в деятельности и поведении, усиливают переживания негативного психоэмоционального фона и способствуют нарастанию отчужденности индивида. При доминировании такой ценности как власть у респондентов также наблюдается нарастание трудностей в общении, появляются психомоторные нарушения и увеличивается отчужденность, что в целом негативно сказывается на адаптивности личности.

Таблица 2

Корреляции показателей адаптивности и ценностей у вьетнамских студентов с профессионально-карьерной ценностно-смысловой направленностью личности ($n = 92$)
[Correlations of the adaptability and values indicators in Vietnamese students with the professional-career axiological orientation, $n = 92$]

Показатели ценностно-смысловой направленности	Переменные адаптивности							
	Общительность	Трудности в общении	Неуверенность	Астеничность	Психо-моторные нарушения	Ностальгия	Отчужденность	Адаптивность (общий индекс)
Процесс	0,01	0,02	0,09	0,09	-0,09	0,01	0,03	0,22**
Результат	0,16*	-0,07	-0,11	-0,10	-0,10	-0,09	-0,13	0,20**
Альтруизм	0,00	-0,11	0,17*	0,13	-0,07	0,10	0,06	0,17*
Эгоизм	0,07	0,25**	0,16*	0,16*	-0,09	0,07	0,18**	-0,00
Труд	-0,09	0,07	0,11	0,01	0,12	0,02	0,19**	0,20**
Свобода	0,25**	0,13	0,03	0,03	0,04	0,11	0,01	0,04
Власть	0,06	0,19**	-0,11	0,11	0,17*	-0,15	0,17*	-0,11
Деньги	0,03	0,03	0,05	-0,09	0,13	0,19**	-0,19**	-0,07

* $p < 0,05$; ** $p < 0,01$.

Таблица 3

Корреляции показателей адаптивности и ценностей у вьетнамских студентов с эгоцентрической ценностно-смысловой направленностью личности (n = 53)
[Correlations of the adaptability and values indicators in Vietnamese students with the egocentric axiological orientation, n = 53]

Показатели ценностно-смысловой направленности	Переменные адаптивности							
	Общительность	Трудности в общении	Неуверенность	Астеничность	Психо-моторные нарушения	Ностальгия	Отчужденность	Адаптивность (общий индекс)
Процесс	0,05	0,08	0,08	0,10	0,05	0,11	0,03	0,06
Результат	0,18*	-0,12	-0,11	-0,10	-0,11	0,04	-0,14	0,01
Альтруизм	-0,15	-0,01	-0,08	-0,19*	0,06	-0,15	-0,22**	-0,09
Эгоизм	-0,22**	0,10	-0,11	0,14	0,15	-0,12	-0,07	0,22**
Труд	0,14	0,03	0,13	0,25**	-0,08	0,13	0,15	0,12
Свобода	0,42	-0,10	-0,23**	0,11	-0,13	-0,01	0,02	0,19*
Власть	-0,21**	0,18*	-0,02	0,13	0,11	-0,15	-0,11	-0,14
Деньги	-0,15	-0,11	-0,25**	-0,01	-0,10	-0,09	-0,12	0,27**

* $p < 0,05$; ** $p < 0,01$.

Как следует из таблицы 3, у респондентов с доминирующими эгоцентрическими ценностями несколько иначе, чем в первой группе, зафиксированы взаимосвязи составляющих адаптивности и ценностей. Так, показатель «общительность» положительно связан с ценностью «результат» и отрицательно с ценностями «эгоизм» и «власть». Чем общительнее респонденты в период адаптации, тем успешнее их результативность в учебной деятельности и взаимодействии с окружающими людьми. И, с другой стороны, для них менее актуальными становятся ценности эгоистических достижений и власть. Отрицательный показатель «трудности в общении» положительно связан с ценностью «власть». По всей видимости, чем больше вьетнамские студенты этой группы ориентированы на достижение власти, стремятся демонстрировать свои намерения окружающим, тем больше сталкиваются с непониманием окружающих, нежеланием общаться с ними на доверительном уровне. Показатель «неуверенность» отрицательно связан с такими ценностями как «свобода» и «деньги». Из чего следует, что желание иметь больше свободы в новых условиях, проявлять свою независимость от обстоятельств и других людей и владеть достаточными денежными средствами значительно вселяет уверенность в этих респондентов. Астеничность отрицательно связана с ценностью «альтруизм». Это свидетельствует о том, что вдохновение, подъем сил, желание действовать во благо других людей и другие альтруистические побуждения не совместимы с негативными психоэмоциональными переживаниями и отрицательными эмоциями. Интересным представляется факт прямой связи астеничности и ценности «труд». Из чего можно сделать вывод относительно того, что студенты этой группы не осознают выраженной потребности в трудовой деятельности. Так как труд у них вызывает негативные эмоциональные

переживания. Показатель «отчужденность» отрицательно связан с ценностью «альтруизм». Это вполне видится закономерным, так как установки на помощь другим людям, участие в групповых мероприятиях с общей целью и задачами способствует улучшению взаимодействия с окружающими, облегчает процесс общения и соответственно сближает участников данного процесса нивелируя отчужденность. И наконец, показатель общий индекс адаптивности положительно взаимосвязан с такими ценностями как «эгоизм», «свобода», «деньги». Из чего следует, что в качестве основных ценностных факторов успешной адаптации этих респондентов выступают установки на свое превосходство, демонстрация своей уникальности, осознание своей личностной и социальной и материальной независимости.

Таблица 4

Корреляции показателей адаптивности и ценностей у вьетнамских студентов с социально-коммуникативной ценностно-смысловой направленностью личности ($n = 67$)
[Correlations of the adaptability and values indicators in Vietnamese students with the social-communicative axiological orientation, $n = 67$]

Показатели ценностно-смысловой направленности	Переменные адаптивности							
	Общительность	Трудности в общении	Неуверенность	Астеничность	Психо-моторные нарушения	Ностальгия	Отчужденность	Адаптивность (общий индекс)
Процесс	-0,09	0,14	-0,19*	0,10	0,10	0,04	-0,34**	0,09
Результат	0,11	0,04	-0,15	-0,03	0,09	0,09	0,00	0,12
Альтруизм	0,32**	-0,11	0,14	0,12	0,11	-0,05	0,12	0,27**
Эгоизм	-0,23**	-0,07	0,28**	0,25**	0,07	0,10	0,02	-0,35**
Труд	0,13	-0,02	0,13	-0,02	-0,01	-0,14	-0,44**	-0,19*
Свобода	0,20**	-0,05	0,11	0,19	0,15	0,01	-0,13	0,17*
Власть	-0,32**	-0,07	-0,27**	-0,15	-0,02	-0,13	-0,09	-0,12
Деньги	-0,13	-0,05	0,00	-0,14	-0,02	-0,27**	-0,11	-0,12

* $p < 0,05$; ** $p < 0,01$.

В группе респондентов с социально-коммуникативной ценностно-смысловой направленностью во взаимозависимости показателей адаптивности и ценностей также существует определенная специфика (табл. 4). Наибольшее количество связей с ценностями продемонстрировала — «общительность». Так, на высоком уровне значимости обнаружена прямая связь этого показателя с ценностями «альтруизм» и «свобода» и обратная связь — с «эгоизмом» и «властью» ($p < 0,01$). Проявление ярко выраженной общительности в адаптационный период стимулирует альтруистические побуждения в деятельности, общении и поведении и способствует расширению пространства свободы. По всей видимости, установление контактов с разными людьми благодаря интенсивности общения расширяет межличностное пространство, дает ощущение свободы. В это же время происходит снижение статуса эгоистических установок и снижение ранга такой ценности как деньги. Неуверенность имеет отрицательные связи с процессом и властью и по-

ложительную с эгоизмом. Чем выше уровень неуверенного поведения в социуме, тем чаще респонденты ориентированы на удовлетворение своих эгоистических потребностей и тем менее привлекательными для них становятся установки на деятельность и власть. Происходит их осознанная изоляция от других участников. Астеничность положительно коррелирует с эгоизмом ($p < 0,01$). Данная связь свидетельствует о том, что стремление к удовлетворению эгоистических потребностей вызывает снижение позитивного психоэмоционального тонуса. Вероятно, это может происходить из-за отсутствия возможности в полной мере удовлетворить все свои желания. Отрицательная связь ностальгии с ценностью «деньги» ($p < 0,01$) объясняется недостаточной материальной удовлетворенностью респондентов. Поскольку в сознании вьетнамских студентов деньги могут дать новые возможности для освоения нового мира, культуры, позволяют расширить круг друзей и тем самым способствуют нивелированию ностальгии по своей стране, семье и др. Показатель «отчужденность» имеет две статистически значимых отрицательных связи с ценностями «процесс» и «труд» ($p < 0,01$). Чем меньше респонденты вовлечены в разные виды деятельности, тем больше они ощущают свою изоляцию, отчужденность от социальной группы и соответственно процесс адаптации протекает менее успешно. И наконец, показатель общий индекс адаптивности положительно коррелирует с альтруизмом ($p < 0,01$) и со свободой ($p < 0,05$). Отрицательная связь на статистически значимом уровне зафиксирована с эгоизмом ($p < 0,01$). Из этого следует, что такая ценность как «эгоизм» в данной группе выступает существенным препятствием для успешной адаптации студентов. В то время как, ценность «альтруизм», выражающаяся в содействии и помощи окружающим в деятельности и поведении, а также осознание и ощущение свободы и независимости, значительно ускоряют процесс адаптации делая его более благоприятным и успешным.

Обсуждение результатов исследования

Приведенные статистические данные позволяют дифференцировать подгруппы вьетнамских студентов с разными показателями ценностной направленности и адаптивности.

Респонденты с *профессионально-карьерной ценностной направленностью* отличаются заинтересованностью в обучении, стремлением к приобретению знаний и компетенций. Всегда нацелены на результативность, ценят свободу и справедливость. У них отмечаются высокие притязания и организаторские способности. При выполнении деятельности они планируют каждый этап, ставят ясные цели, выбирают адекватные методы, прилагают необходимые усилия для достижения результата деятельности. Эти студенты стараются добиваться высоких показателей в разных видах деятельности, стремятся хорошо учиться, осваивают дополнительные образовательные программы. В тоже время они не любят жестких ограничений в чем бы то ни было. В данной группе респондентов зафиксированы наиболее высокие показатели по адаптивности. Результаты исследования показали, что эти студенты без особых затруднений расширяют свои дружеские связи с другими студентами. Легко вписываются в новые социальные группы.

Оживленно интересуются новой культурой, русскими традициями. Достаточно открыты, оптимистичны и активны. Процесс адаптации происходит активно, студенты уверены в себе, переживают позитивные эмоции и не испытывают особых трудностей в чем-либо. Анализ данных показывает, что наиболее значимыми ценностями в данной группе вьетнамских студентов в процессе адаптации выступают процесс, результат и труд. Что и обеспечивает достижение успешной адаптации и высоких показателей в учебной деятельности этих респондентов. В тоже время такие ценности как «эгоизм», «власть» и «деньги» являются барьерами для достижения благоприятных показателей в процессе адаптации.

У студентов с *эгоцентрической ценностно-смысловой направленностью* в качестве ведущих ценностных ориентиров процесса адаптации выступают эгоизм, свобода и деньги. Эти респонденты нацелены на удовлетворение гедонистических и материальных потребностей. Они не стремятся быть лидерами, без особого энтузиазма знакомятся с русской культурой и традициями. Чаще находятся в среде землячества, не расширяют активно контакты как с российскими, так и другими международными студентами. В учебной и научно-исследовательской деятельности они ориентированы на превосходство. Значимым фактором для них выступает не качество знаний, а возможность выделиться, стать лучше других. Они не активные участники студенческой жизни. Такие ценности как «процесс», «результат» и «труд» для них не привлекательны и соответственно не способствуют процессу адаптации данных студентов.

Из представленных результатов становится очевидным, что данная группа в первую очередь ориентируется на себя. Их основные мотивы заключаются в самореализации, достижении личных целей и выделении себя среди окружающих. Таких студентов часто воспринимают как эгоистов, потому что они кажутся менее заинтересованными в других, думающими только о себе, всегда ставящими на первое место удовлетворение собственных потребностей (собственное счастье, психологические и материальные потребности). Студенты данной группы не склонны обвинять других в своих неудачах, не ждут помощи от других и хотят сделать все по-своему. Их репутация строится на характере и самостоятельности в работе. Это чрезвычайно сильные личности, которые двигаются вперед только за счет собственных сил, сами себя мотивируя и поддерживая. Типичные личностные характеристики таких людей: уверенность в себе, целеустремленность, способность сосредоточиться, организованность. Процесс адаптации для них представляется достаточно продолжительным и сложным.

В группе студентов с *социально-коммуникативной ценностно-смысловой направленностью* в качестве основных ценностных детерминантов адаптации выступают альтруизм и свобода. Очевидно, что в данной группе доминирует направленность на общение, тогда как ориентированность на деятельность выражена в гораздо меньшей степени. Данные студенты не имеют особых личных амбиций, не эгоистичны, не стремятся конкурировать с другими. Они хотят знакомиться с новыми людьми, общаться со многими на различные темы, познавать таким образом русскую культуру, русский менталитет и образ жизни русских людей, проживающих в разных уголках страны. В групповой работе эти студенты легко получают поддержку и помощь большинства людей. Им хочется, чтобы

жизнь и обучение протекали весело, главное — быть счастливым и здоровым. Однако они уделяют слишком много внимания мнению других людей и общества, и этим уменьшают шансы построить и реализовать собственные планы, личные устремления и мечты. Из сказанного можно сделать вывод, что данная группа вьетнамских студентов является экстравертированной и легко адаптируется к новой среде.

Выводы

Проведенное исследование на выборке вьетнамских студентов позволило доказать определенные специфические взаимосвязи показателей адаптивности и ценностно-смысловой направленности личности студентов. Установлено, что студенты с выделенными типами ценностно-смысловой направленности избирательно выстраивают индивидуальный маршрут социализации в период адаптации в российских вузах. Как показали результаты эмпирического исследования, наиболее успешными в процессе адаптации являются студенты с профессионально-карьерной направленностью. Эти студенты ориентированы на успешность в учебной деятельности и познание окружающей действительности. Поэтому у них быстрее формируются профессиональные компетенции, они легко осваивают другой этнокультурный мир за счет расширения деловых контактов и совместной деятельности. Студенты из Вьетнама с эгоцентрической ценностной направленностью ориентированы на доминирование и удовлетворение сугубо эгоистических потребностей. У них возникают трудности в общении, они испытывают изоляцию и отчужденность. Процесс адаптации представляется сложным и более длительным. Для студентов с социально-коммуникативной ценностно-смысловой направленностью наиболее значимым фактором выступает коммуникация. Эти студенты общительны, легко устанавливают контакты, быстро осваивают этнокультурные особенности российского народа и легко адаптируются, но у них возникают трудности в обучении из-за перераспределения времени в пользу коммуникации.

Полученные результаты вносят вклад в разработку проблемы адаптивности личности в поликультурном пространстве и могут использоваться в качестве основы для разработки программ психологического сопровождения международных студентов в адаптационный период как в российских, так и зарубежных вузах.

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено в рамках реализации инициативной НИР № 050421-0-000 «Самореализация личности в поликультурной среде» на базе кафедры социальной и дифференциальной психологии Российского университета дружбы народов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анциферова Л.И.* Системный подход в психологии личности // Принцип системности в психологических исследованиях / отв. ред. Д.Н. Завалишина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1990. С. 61—78.
- Айбазова С.Р.* Субъектная детерминация самореализации личности // Акмеология. 2015а. № 2 (54). С. 90—98.

- Айбазова С.Р.* Исследование ценностно-смысловой направленности личности // *Личность в природе и обществе: Материалы межвуз. психолого-педагогич. чтений / отв. ред. А.В. Иващенко. М.: РУДН, 2015б. С. 11–16.*
- Барабанищikov В.А., Демидов А.А.* Экспериментальная психология в России: современное состояние и перспективы развития // *Экспериментальная психология. 2011. № 4(1). С. 134–140.*
- Братусь Б.С.* Аномалии личности. М.: Мысль, 1988. 301 с.
- Вассерман Л.И., Беребин М.А., Косенков Н.И.* О системном подходе в оценке психической адаптации // *Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. В.М. Бехтерева. 1994. № 3. С. 6–24.*
- Карелин А.* Большая энциклопедия психологических тестов. М.: Эксмо, 2007. 416 с.
- Крупнов А.И.* Системно-диспозиционный подход к изучению личности и ее свойств // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2006. № 1. С. 63–72.*
- Крупнов А.И.* Диагностика свойств личности и индивидуальности. М.: Институт молодежи, 1993. 78 с.
- Крупнов А.И., Новикова И.А., Шляхта Д.А.* Комплексные исследования личности: теория и практика: учеб. пособие. М.: РУДН, 2017. 220 с.
- Крупнов А.И., Новикова И.А., Шляхта Д.А.* Этнопсихологические и кросс-культурные исследования свойств личности: системно-функциональный подход // *Психология образования в поликультурном пространстве. 2016. № 35 (3). С. 15–25.*
- Кудинов С.И., Кудинов С.С., Айбазова С.Р.* Ценностно-смысловые предикторы самореализации личности. М.: РУДН, 2016. 232 с.
- Леонтьев Д.А.* Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). М.: Смысл, 2000. 18 с.
- Леонтьев Д.А.* Личностный потенциал: структура и диагностика. М.: Смысл, 2011.
- Ломов Б.Ф.* Системность в психологии: избр. психол. тр. М.: Изд-во: «Моск. психол.-соц. ин-та»; Воронеж: МОДЭК, 2003. 442 с.
- Методика диагностики социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере О.Ф. Потемкиной // *Практическая психодиагностика. Методики и тесты: учеб. пособие / ред. и сост. Д.Я. Райгородский. Самара, 2001. С. 641–648.*
- Петровский В.А.* Психология неадаптивной активности. М.: Горбунок, 1992. 224 с.
- Петровский В.А.* Человек над ситуацией. М.: Смысл, 2010. 408 с.
- Пиаже Ж.* Избранные психологические труды: психология интеллекта. Генезис числа у ребенка. Логика и психология. М.: Просвещение, 1969. 569 с.
- Đảng cộng sản Việt Nam. Văn kiện Đại hội toàn quốc lần thứ XI // Nhà xuất bản chính trị quốc gia, Hà Nội. 2011. 336 tr.
- Hồ Sỹ Quý.* Mấy vấn đề triết học giá trị và sự biến đổi giá trị trong bối cảnh toàn cầu hóa // *Nghiên cứu khoa học, Hà Nội. 2010. 200 tr.*
- Huỳnh Văn Sơn và nhóm tác giả. Thực trạng kỹ năng sống của sinh viên một số Trường Đại học tại TP Hồ Chí Minh hiện nay // *Đề tài khoa học Cấp Bộ, Mã số. 19.64, Hồ Chí Minh. 2010. 180 tr.*
- Huỳnh Văn Sơn và nhóm tác giả. Sự lựa chọn các giá trị đạo đức — nhân văn trong định hướng lối sống của sinh viên ở một số trường Đại học tại Thành phố Hồ Chí Minh trong giai đoạn hiện nay // *Đề tài — Đề tài khoa học Cấp Bộ, Mã số. 19.27, Hồ Chí Minh. 2009. 190 tr.*
- Nguyễn Quang Uẩn.* Tâm lý học đại cương // Nhà xuất bản quốc gia Hà Nội, Hà Nội. 2010. 199 tr.

Nguyễn Văn Bón. Giá trị truyền thống của người Việt Nam trong giai đoạn phát triển và hội nhập // Báo hội thảo. 2013. Tr. 23—26.

© Кудинов С.И., Кудинов С.С., Хо Во Кье Ти, 2017

История статьи:

Поступила в редакцию: 25 октября 2017

Принята к печати: 22 декабря 2017

Для цитирования:

Кудинов С.И., Кудинов С.С., Хо Во Кье Ти. Ценностно-смысловые предпосылки адаптивности вьетнамских студентов // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика.* 2018. Т. 15. № 1. С. 38—52. doi: 10.22363/2313-1683-2018-15-1-38-52

Сведения об авторах:

Кудинов Сергей Иванович — доктор психологических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования, заведующий кафедрой социальной и дифференциальной психологии Российского университета дружбы народов (Москва, Россия). E-mail: kudinov_si@rudn.university

Кудинов Станислав Сергеевич — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социальной и дифференциальной психологии Российского университета дружбы народов (Москва, Россия). E-mail: kudinov_ss@rudn.university

Хо Во Кье Ти — аспирант кафедры социальной и дифференциальной психологии Российского университета дружбы народов (Хошимин, Вьетнам). E-mail: chiho20ussh@gmail.com

AXIOLOGICAL BACKGROUND OF VIETNAMESE STUDENTS ADAPTABILITY

Sergei I. Kudinov, Stanislav S. Kudinov, Ho Vo Que Chi

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

Abstract. This article analyzes the ratio of axiological orientation of Vietnamese students and their adaptability. The article demonstrates that the ratio of certain values, attitudes and needs forms a specific type of axiological orientation. The article finds out that the different types of orientation are interrelated with the selective personality adaptive indicators of Vietnamese students and can be regarded as predictors of the adaptation process. The article identifies the current trends of adaptability studies within the context of the system paradigm. The article points out the main determinants of the personal adaptability manifestations. The methodological basis of the research was the dispositional concept of personality and individual traits investigation by A.I. Krupnov, as well as the provisions of the theory of personal potential by D.A. Leontiev, developed within the framework of positive psychology. The aim of the study presented in this article is to identify the relationship between the indicators of axiological orientation and adaptability variables in Vietnamese students. At the first stage of the study, different types of students' axiological orientation based on the results of cluster analysis have been identified and described: vocational-career, egocentric, socio-communicative orientation types. Statistically significant differences between the selected types were recorded for most of the components.

The meaningful characteristics of these types at the behavioral level differ in their attitude to training activities, relationship with other people and personal self-conception.

At the next stage the features of adaptability among the representatives with different types of axiological orientation were revealed. The correlation analysis was used to identify the correlation between the axiological variables and adaptability. It turned out that all the three groups are pressed by uncertainty, nostalgia and asthenic feelings. At the same time the representatives of the vocational and career axiological orientation type were more successful in adaptability, as compared to other groups. The students with egocentric orientation turned out less successful in adaptability. They are distinguished by the highest severity of negative background mood, uncertainty, difficulties in communication. As a conclusion, we defined the role of axiological orientation as the primary predictor of personal adaptability in multicultural environment.

Key words: personality, adaptability, values, needs, orientation, Vietnamese students

Acknowledgements:

The study was carried out as part of the Research Initiative Project No. 050421-0-000 “Personality Self-Realization in a Multicultural Environment” at the Social and Differential Psychology Department of RUDN University.

REFERENCES

- Antsyferova, L.I. (1990). Sistemnyi podkhod v psikhologii lichnosti. In D.N. Zavalishin (Ed.), *Printsip sistemnosti v psikhologicheskikh issledovaniyakh* (pp. 61–78). Moscow: Publishing house “Institute of Psychology of the RAS”. (In Russ.).
- Aibazova, S.R. (2015a). The subjective determination of self-realization of personality. *Acmeology*, 2(54), 90–98. (In Russ.).
- Aibazova, S.R. (2015b). Issledovanie tsennostno-smyslovoi napravlenosti lichnosti. Lichnost' v prirode i obshchestve: Conference Proceedings (pp. 11–16). Moscow: PFUR Publ. (In Russ.).
- Barabanshchikov, V.V., & Demidov, A.A. (2011). Experimental psychology in Russia: current state and prospects of development. *Experimental psychology*, 4(1), 134–140. (In Russ.).
- Bratus, B.S. (1988). Anomalii lichnosti. Moscow: Mysl' Publ. (In Russ.).
- Đảng cộng sản Việt Nam. (2011). Văn kiện Đại hội toàn quốc lần thứ XI. *Nhà xuất bản chính trị quốc gia*, Hà Nội. (In Vietnamese).
- Hồ Sỹ Quý. (2010). Mấy vấn đề triết học giá trị và sự biến đổi giá trị trong bối cảnh toàn cầu hóa. *Nghiên cứu khoa học*, Hà Nội. (In Vietnamese).
- Huỳnh Văn Sơn và nhóm tác giả. (2010). Thực trạng kỹ năng sống của sinh viên một số Trường Đại học tại TP Hồ Chí Minh hiện nay. *Đề tài khoa học Cấp Bộ*, Mã số. 19.64, Hồ Chí Minh. (In Vietnamese).
- Huỳnh Văn Sơn và nhóm tác giả. (2009). Sự lựa chọn các giá trị đạo đức — nhân văn trong định hướng lối sống của sinh viên ở một số trường Đại học tại Thành phố Hồ Chí Minh trong giai đoạn hiện nay. *Đề tài — Đề tài khoa học Cấp Bộ*, Mã số. 19.27, Hồ Chí Minh. (In Vietnamese).
- Karelin, A. (2007). *Bol'shaya entsiklopediya psikhologicheskikh testov*. Moscow: Eksmo Publ. (In Russ.).
- Krupnov, A.I. (2006). System-dispositional approach to the study of personality and its traits. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, (1), 63–72. (In Russ.).
- Krupnov, A.I. (1993). *Diagnostika svoistv lichnosti i individual'nosti*. Moscow: Institute of Youth Publ. (In Russ.).
- Krupnov, A.I., Novikova, I.A., & Shlyakhta, D.A. (2016). Ethno-psychological and cross-cultural studies of personality traits: System-Functional approach. *Psychology of education in a multicultural space*, 35(3), 15–25. (In Russ.).

- Kudinov, S.I., Kudinov S.S., & Aibazova, S.R. (2016). Axiological predictors of self-realization of personality. Moscow: PFUR Publ. (In Russ.).
- Leontiev, D.A. (2000). *Test of life orientations* (DLC). Moscow: Smysl Publ. (In Russ.).
- Leontiev, D.A. (2011). *Personal capacity: structure and diagnosis*. Moscow: Smysl Publ. (In Russ.).
- Lomov, B.F. (2003). Consistency in psychology. *Selected works*. Moscow: MPSI Publ.; Voronezh: MODEK Publ. (In Russ.).
- Nguyễn Quang Uẩn. (2010). Tâm lý học đại cương. *Nhà xuất bản quốc gia Hà Nội, Hà Nội.* (In Vietnamese).
- Nguyễn Văn Bốn. (2013). Giá trị truyền thống của người Việt Nam trong giai đoạn phát triển và hội nhập. *Báo hội thảo*. 2013. Tr. 23—26. (In Vietnamese).
- Petrovskiy, V.A. (1992). *Psychology of non-adaptive activity*. Moscow: Gorbunok Publ. (In Russ.).
- Petrovskiy, V.A. (2010). *A man above the situation*. Moscow: Smysl Publ. (In Russ.).
- Ponomareva, M.A. (Ed.). (2008). Psychodiagnostics of personality: a guide for students. Minsk: Tesey Publ. (In Russ.).
- Piaget, J. (1969). *Selected psychological writings: Psychology of intelligence. The genesis of the number in a child. Logic and psychology*. Moscow: Prosveshcheniye Publ. (In Russ.).
- Wasserman, L., Berebin, M., & Kosenkov N.I. (1994). On the systematic approach in assessing mental adaptation. *V.M. Bekhterev Review of Psychiatry and medical psychology*, (3), 6—24. (In Russ.).

© Kudinov, S.I., Kudinov, S.S., Ho Vo Que Chi, 2017

Article history:

Received: 25 October 2017

Revised: 21 December 2017

Accepted: 22 December 2017

For citation:

Kudinov, S.I., Kudinov, S.S., Ho Vo Que Chi. (2018). Axiological Background of Vietnamese Students Adaptability. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 15 (1), 38—52. doi: 10.22363/2313-1683-2018-15-1-38-52

Bio Note:

Sergei I. Kudinov — Doctor of Psychology, Professor, Head of Social and Differential Psychology Department, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russia). E-mail: kudinov_si@rudn.university

Stanislav S. Kudinov — PhD in Psychology, Associate Professor, Associate Professor of Social and Differential Psychology Department, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russia). E-mail: kudinov_ss@rudn.university

Ho Vo Que Chi — PhD Student of Social and Differential Psychology Department, Peoples' Friendship University of Russia (Ho Chi Minh, Vietnam). E-mail: chiho20ussh@gmail.com

DOI: 10.22363/2313-1683-2018-15-1-53-66

УДК 316.6

ЦЕННОСТНЫЕ И МОРАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ОТНОШЕНИЯ СТУДЕНТОВ К ЛИЦАМ С УМСТВЕННОЙ ОТСТАЛОСТЬЮ

О.А. Сычев, Е.М. Трофимова

Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет им. В.М. Шукшина
Короленко ул., 53, Бийск, Россия, 659333

Важным фактором успешной интеграции лиц с умственной отсталостью является готовность общества к их принятию как равноправных членов. Данное исследование посвящено проверке гипотезы о том, что отношение к таким лицам зависит от ценностных и моральных факторов. В выборке из 169 студентов технического колледжа и педагогического университета была проведена диагностика с помощью модифицированного авторами опросника отношения к лицам с умственной отсталостью Р. Антонака и Р. Харта (MRAI-R), портретного ценностного опросника (PVQ-R2) Ш. Шварца и опросника моральных оснований (MFQ) Дж. Грэхема и др. Получены данные о факторной структуре и хороших психометрических характеристиках предложенной версии MRAI-R. Установлено, что основным моральным фактором отношения к умственно отсталым лицам служит важность справедливости: чем она больше, тем выше готовность к сокращению социальной дистанции в отношениях с умственно отсталыми. Важность уважения к авторитетам и власти сочетается с низким одобрением инклюзивного обучения умственно отсталых. Наиболее существенным фактором отношения оказался пол: для девушек характерно более позитивное отношение к лицам с умственной отсталостью.

Ключевые слова: отношение к лицам с умственной отсталостью, ценности, моральные основания, студенты

Введение

Исследования установок, отражающих позитивное или негативное отношение к лицам с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), показали, что оно зависит, прежде всего, от степени соответствия их поведения представлению о «норме» в обществе и, по этой причине, наибольшее негативное отношение вызывают умственно неполноценные и психически больные люди (Tringo, 1970; Щербакова, 2013). В ходе внедрения инклюзивного образования также выяснилось, что педагоги демонстрируют высокую степень принятия учащихся с физической инвалидностью и меньшую — в случае наличия поведенческих или эмоциональных расстройств (Ливенцева, 2011). Таким образом, лица с умственной отсталостью (УО) относятся к той категории людей с ОВЗ, которая часто вызывает предубежденное негативное отношение.

Среди факторов отношения к лицам с ОВЗ исследуются, прежде всего, социально-демографические характеристики субъектов восприятия; работ, посвящен-

ных психологическим факторам, значительно меньше. Как в российских, так и в зарубежных исследованиях отмечается влияние пола: женщины проявляют большую толерантность и испытывают меньший дискомфорт в ситуациях контакта (Коростелева, Краснов, Леонов, 2014; Morin, Rivard, Crocker, Boursier, Caron, 2013). Кроме того, на уровень толерантности влияют также возраст и профессия (Григина, 2015; Коростелева, Краснов, Леонов, 2014). Однако наиболее значимым фактором является частота контактов в повседневной жизни (Коростелева, Краснов, Леонов, 2014; Ouellette-Kuntz, Burge, Brown, Arsenault, 2010; Morin, Rivard, Crocker, Boursier, Caron, 2013). Тем не менее, не подготовленная ситуация взаимодействия может ухудшить отношение: простое увеличение количества контактов обычных детей с детьми, имеющими трудности в обучении, приводило к стремлению избегать таких контактов в дальнейшем (Щербакова, 2013).

Если индивидуальный опыт взаимодействия с лицами с ОВЗ довольно ограниченный, то, по всей видимости, в числе существенных факторов, оказывающих влияние на формирование отношения к таким лицам, могут оказаться социальные нормы и ценности, усвоенные в процессе социализации. Демонстрируя то или иное отношение к лицам с ОВЗ, люди выражают собственные ценности, а также реализуют ценности, присущие их референтной группе (Antonak, Livneh, 1988; Daruwalla, Darcy, 2005). Исходя из концепции когнитивного диссонанса, можно предположить, что установки и стереотипы в отношении к лицам с ОВЗ должны быть хорошо согласованы с более общими ценностями и нормами, чтобы не провоцировать диссонанс (Daruwalla, Darcy, 2005). В силу того, что ценности и нравственные нормы складываются относительно рано и остаются стабильными в течение долгого времени, их влияние на складывающиеся позднее отношения к различным людям и социальным группам может быть довольно существенным. Таким образом, есть основания предполагать, что моральные нормы и ценности, регулирующие отношения между людьми, вносят свой вклад в формирование отношения к лицам с умственной отсталостью.

В настоящее время имеется целый ряд продуктивных подходов к исследованию ценностей, среди которых наибольшую известность получил подход Ш. Шварца (Шварц, Бутенко, Седова, Липатова, 2012). В рамках этого подхода структура ценностной сферы может быть кратко охарактеризована четырьмя обобщенными ценностями, образующими сектора в круговом мотивационном континууме. Ценности самоутверждения отражают стремление к удовлетворению собственных интересов. Им противостоят ценности самопреодоления, предполагающие преодоление личных интересов ради других. Ценности открытости изменениям подчеркивают готовность к новым или преобразующим идеям, действиям и переживаниям. Они противоположны ценностям сохранения, акцентирующим избегание изменений, самоограничение и порядок.

В контексте отношений с окружающими людьми наибольшее значение приобретают ценности самопреодоления, которые подразумевают принятие и понимание других людей, независимо от их особенностей; заботу о благополучии членов группы; стремление к равенству, справедливости и защите слабых (Шварц, Бутенко, Седова, Липатова, 2012). Высокая ценность заботы, справедливости и толерантности должна способствовать принятию особенностей лиц с УО и толе-

рантному отношению к таким людям, пониманию и признанию их прав, а также стремлению вести себя справедливо в отношении таких лиц. Поэтому, можно предположить, что ценности самопреодоления есть важный фактор, способствующий позитивному отношению к лицам с УО.

Противоположные ценностям самопреодоления ценности самоутверждения также имеют существенное значение в контексте межличностных и межгрупповых отношений, поскольку они включают в себя эгоистические стремления к личному успеху, обладанию ресурсами и доминированию над другими людьми. Люди с подобными ценностями менее склонны к проявлению альтруизма и толерантности, так что можно предположить негативное влияние ценностей самоутверждения на отношение к лицам УО.

Вероятно, что ценности самоутверждения и самопреодоления могут сочетаться с относительно негативным или позитивным отношением к лицам с УО.

Сфера морали и нравственности исследована в психологии гораздо слабее, однако перспективной представляется сложившаяся в последние годы теория моральных оснований, разработанная в работах Дж. Грэхема, Дж. Хайдта и их коллег (Graham et al., 2013). Ими было показано, что область морали можно упорядочить, выделив пять моральных оснований: заботу, справедливость, лояльность группе, уважение и чистоту/святость. Первые два моральных основания (индивидуализирующие) характеризуют принципы отношений с другим человеком как индивидом, в то время как последующие три (сплачивающие) в большей мере касаются отношений человека с группой, к которой он принадлежит.

В соответствии с данными Дж. Грэхема и др. моральное основание «забота» подразумевает высокую субъективную значимость заботы о других людях и осуждение поступков, связанных с причинением им вреда (Graham et al., 2013). Это моральное основание демонстрирует тесную связь с эмпатией. Моральное основание «справедливость» предполагает высокую значимость справедливого отношения к окружающим людям, осуждение необъективности и неравенства. Высокая ценность справедливого отношения к разным людям и понимание важности заботы о слабых и незащищенных должны способствовать позитивному отношению к лицам с ОВЗ. Поэтому можно предположить, что индивидуализирующие моральные основания (забота и справедливость) являются основой для позитивного отношения к умственно отсталым.

Целью авторского исследования стал анализ ценностных и моральных основ отношения к лицам с умственной отсталостью у студентов с учетом их пола, возраста, уровня и профиля образования. Основные **задачи** этого исследования следующие:

1) разработка русскоязычной версии опросника отношения к лицам с УО Р. Антонака и Р. Харта и ее апробация;

2) оценка величины и статистической значимости гендерных и групповых различий (между группами студентов педагогических и непедагогических специальностей) в отношении к лицам с УО;

3) выявление общих (не зависящие от уровня и профиля образования) ценностных и моральных основ отношения к лицам с УО у студентов.

Значимость исследования отношения будущих педагогов к детям с умственной отсталостью определяется необходимостью их подготовки к реализации инклюзивного образования. Несмотря на важность инклюзивного образования даже в странах Западной Европы, обладающих большим опытом его внедрения, основная часть педагогов демонстрирует к нему негативное или, в лучшем случае, нейтральное отношение (Voer, Pijl, Minnaert, 2011). Этот факт означает, что проблема отношения педагогов к инклюзивному образованию и учащимся с ОВЗ требует внимания психологов. Вместе с тем, основной задачей данной работы стал анализ общих, не зависящих от уровня и профиля образования, ценностных и моральных основ отношения к лицам с УО у студентов вузов и колледжей.

Методы

Выборку составили 88 учащихся колледжа, обучающихся по техническим специальностям (средний возраст $M = 17,19$; $SD = 1,73$; доля юношей 53%), и 81 студент 2–3 курсов педагогического вуза (факультетов «Истории и права» и «Технологии и предпринимательства», средний возраст $M = 19,57$; $SD = 1,73$; доля юношей 4%). Хотя разница в возрасте между выборками учащихся колледжа и вуза статистически значима ($t = 7,99$; $p < 0,001$), подавляющее большинство участников исследования принадлежат к юношеской возрастной категории: междуквартильный размах по возрасту в целом по выборке составил от 16 до 20 лет. При этом количество испытуемых в возрасте старше 22 лет в общей выборке является пренебрежимо малым (3 человека, 1,8% выборки). Студенты педагогического вуза, принявшие участие в исследовании, еще не изучали дисциплин дефектологической тематики, предусмотренных учебным планом.

Для диагностики отношения к умственно отсталым использовался опросник отношения к лицам с УО Р. Антонака и Р. Харта (Mental Retardation Attitude Inventory-Revised, MRAI-R) (Antonak, Harth, 1994; Sam, Li, Lo, 2016). Оригинальная версия методики включает в себя 29 утверждений, образующих 4 шкалы, характеризующих разные аспекты отношения к умственно отсталым: интеграция умственно отсталых, сокращение социальной дистанции, уважение прав и отсутствие пренебрежительных убеждений. Инструкция испытуемым: «Ниже приведены разные мнения по поводу места умственно отсталых людей в обществе. Пожалуйста, прочитайте каждое описание и подумайте, насколько Вы согласны с каждым из этих мнений». В соответствии с этой инструкцией необходимо оценить степень согласия с каждым из утверждений по шкале: 1 — совершенно не согласен, 2 — скорее не согласен, 3 — скорее согласен, 4 — полностью согласен. Наибольший интерес представляют первые две шкалы опросника: шкала интеграции, характеризующая отношение к инклюзивному образованию умственно отсталых, и шкала сокращения дистанции, отражающая готовность к сокращению социальной дистанции в ходе обыденного общения с лицами с УО.

Ввиду того, что авторам не удалось обнаружить сведений об использовании данной методики в нашей стране, одной из задач стала разработка адаптированной русскоязычной версии. В ходе разработки русскоязычной версии опросника отношения к лицам с УО его текст был переведен психологом, хорошо владеющим

английским языком. Полученный русский текст был проанализирован другим психологом (специалистом в области социального восприятия) с точки зрения его соответствия российским культурным особенностям, однако подобных проблем в тексте не обнаружилось. Результаты анализа факторной структуры методики и ее психометрические характеристики рассматриваются далее.

Для диагностики ценностей использовался портретный ценностный опросник Ш. Шварца (PVQ-R2), основанный на его уточненной теории базовых индивидуальных ценностей (Шварц, Бутенко, Седова, Липатова, 2012). Опросник позволяет получить оценки важности для 19 базовых ценностей, располагающихся в круговом континууме. Каждая из них измеряется с помощью трех утверждений, описывающих человека, для которого нечто является ценным, например, «Для него/нее важно хорошо проводить время». Сходство с этим человеком требуется оценить по шестибальной шкале от 1 — «Совсем не похож на меня» до 6 — «Очень похож на меня». На основе 19 первичных ценностных шкал вычисляются 4 обобщенных шкалы ценностей: самоутверждение, самопреодоление, открытость изменениям, сохранение. Ввиду невысокой надежности ряда первичных шкал (альфа Кронбаха менее 0,60) и стремления избежать излишней детализации результатов (в связи с ограниченным объемом статьи) в ходе анализа использовались только показатели по вторичным шкалам, надежность (альфа Кронбаха) которых составила не менее 0,70.

Для диагностики особенностей моральной сферы личности использовался опросник моральных оснований Дж. Грэхема и др. (Graham et al., 2011), включающий в себя 2 части по 15 заданий. Задания образуют пять шкал, соответствующих моральным основаниям: забота, справедливость, лояльность группе, уважение, чистота. Текст русскоязычной версии опросника расположен на сайте авторов методики (Questionnaires on moralfoundations.org).

В первой части перед испытуемым в инструкции ставится вопрос «Когда Вы решаете, что правильно, а что неправильно, какое значение имеют для Вас следующие соображения?» и предлагаются различные варианты для оценки. Например: «страдал ли кто-то эмоционально» (шкала заботы) или «проявлял ли кто-то своими действиями любовь к своей стране» (шкала лояльности) и т.д. Испытуемые оценивают каждый из 15 вариантов по шестибальной шкале от «Абсолютно не важно» до «Крайне важно», указывая тем самым их релевантность для моральной оценки события или поступка. Во второй части испытуемые выражают меру согласия с утверждениями (по шестибальной шкале от «Абсолютно не согласен» до «Абсолютно согласен»), воплощающими ту или иную моральную ценность. Например, «уважение к авторитету — это то, чему должны учиться все дети» (шкала уважения), «люди не должны делать отвратительные вещи, даже если они не приносят никому вреда» (шкала чистоты). Итоговые оценки моральных оснований вычисляются как средние значения по соответствующим утверждениям шкалы.

Русскоязычная версия данной методики использовалась в предшествующих исследованиях (Сычев, Беспалов, Прудникова, Власов, 2016) и показала приемлемые психометрические характеристики. В этом исследовании внутренняя согласованность шкал опросника (альфа Кронбаха) располагалась в пределах 0,59—

0,68, что свидетельствует об удовлетворительной надежности методики, соответствующей оригинальной версии.

Результаты

Статистический анализ показал, что достаточный уровень внутренней согласованности показывают лишь первые две шкалы MRAI-R (интеграции и сокращения дистанции), в то время как для двух других шкал (уважение прав и отсутствие пренебрежительных убеждений) коэффициент альфа Кронбаха не превышал 0,40. С учетом взаимосвязанности всех шкал, показанной на оригинальной версии опросника, было принято решение о сохранении в русскоязычной версии только двух первых шкал, обладающих хорошими психометрическими характеристиками. На основе анализа корреляций вопроса со шкалой из семи заданий первой шкалы и восьми заданий второй было отобрано по пять заданий, показывающих наибольшую корреляцию и тем самым, обеспечивающих наибольшую согласованность шкал.

Для анализа структуры методики был выполнен конфирматорный факторный анализ в программе Mplus 7.4 с использованием алгоритма MLR. В теоретической модели предполагалось наличие двух коррелирующих факторов, соответствующих шкалам интеграции и сокращения дистанции. Показатели соответствия модели (рисунок) данным оказались вполне удовлетворительными: $\chi^2 = 57,561$; $df = 33$; $p = 0,005$; $CFI = 0,927$; $NNFI = 0,901$; $RMSEA = 0,066$; доверительный интервал для $RMSEA$: 0,036–0,094; $PCLOSE = 0,165$; $N = 169$. Коэффициенты надежности по внутренней согласованности (альфа Кронбаха) для сокращенных шкал составили 0,74 для шкалы интеграции (фактор 1 на рисунке) и 0,78 для шкалы сокращения дистанции (фактор 2), корреляция между ними на основе полученных данных составила 0,40 ($p < 0,001$). Сокращенные шкалы также показали весьма тесную корреляцию с исходными: для шкалы интеграции коэффициент корреляции составил 0,95, для шкалы сокращения дистанции 0,92 (обе корреляции значимы при $p < 0,001$). Таким образом, модифицированная русскоязычная версия опросника обладает четкой факторной структурой, отличными показателями внутренней согласованности и по содержанию остается весьма близкой к исходным, несокращенным шкалам.

Предварительный анализ результатов по всем использовавшимся методикам и шкалам показал наличие гендерных различий (табл. 1). Для девушек характерно значительно лучшее отношение к лицам с УО: они более позитивно относятся к их интеграции в образовании, а также в большей степени готовы сокращать социальную дистанцию. Аналогичный довольно существенный эффект пола был выявлен также для моральных оснований заботы, справедливости и чистоты, причем во всех случаях более высокие оценки характерны для девушек. Юноши лишь умеренно превосходят девушек по важности ценностей сохранения, что отражает присущий им больший консерватизм.

С учетом выявленных различий корреляционный анализ для контроля фактора пола проводился отдельно в группах девушек и юношей. Результаты (табл. 2) свидетельствуют о том, что общей для юношей и девушек является связь мораль-

ного основания «справедливость» со шкалой сокращения социальной дистанции. Ценности самоутверждения показали обратную корреляцию с отношением к умственно отсталым как у юношей, так и у девушек. Положительные корреляции шкалы сокращения дистанции с моральными основаниями лояльности, уважения и чистоты, выявленные только в группе юношей, не воспроизводятся у девушек.

Рисунок. Структурная модель сокращенного опросника отношения к лицам с УО (все коэффициенты, представленные на рисунке, статистически значимы при $p < 0,001$)
[Figure. Structural model of concise version of Mental Retardation Attitude Inventory-Revised (all coefficients are significant at $p < 0,001$)

Таблица 1

Анализ гендерных различий по шкалам отношения к лицам с УО, моральным основаниям и ценностям
[Analysis of gender differences by the scales of attitude toward mentally retarded, moral foundations and values]

Показатели	Среднее значение		Стд. отклонение		$t(167)$	p -уровень	d -Коэна
	Девушки (N = 119)	Юноши (N = 50)	Девушки (N = 119)	Юноши (N = 50)			
Интеграция	2,57	2,15	0,62	0,66	3,92	$p < 0,001$	0,66
Сокращение дистанции	3,21	2,60	0,50	0,80	6,04	$p < 0,001$	1,02
Забота	4,53	3,55	0,67	0,76	8,30	$p < 0,001$	1,40
Справедливость	4,44	3,76	0,66	0,86	5,53	$p < 0,001$	0,93
Лояльность	3,89	3,92	0,72	0,86	-0,19	Незначим	-0,03
Уважение	3,53	3,48	0,67	0,71	0,48	Незначим	0,08
Чистота	4,06	3,51	0,74	0,65	4,63	$p < 0,001$	0,78
Самопреодоление	0,43	0,32	0,38	0,47	1,59	Незначим	0,27
Самоутверждение	-0,63	-0,35	0,91	0,84	-1,92	Незначим	-0,32
Открытость изменениям	0,51	0,47	0,53	0,63	0,48	Незначим	0,08
Сохранение	-0,18	-0,02	0,48	0,43	-2,06	$p < 0,05$	-0,35

Таблица 2

**Корреляции показателей отношения к лицам с умственной отсталостью
с моральными основаниями и ценностями в группах юношей и девушек**
[Correlations of attitudes toward mentally retarded with moral foundations
and values in the samples of men and women]

Методики и шкалы	Девушки (N = 119)		Юноши (N = 50)	
	Интеграция	Сокращение дистанции	Интеграция	Сокращение дистанции
<i>Моральные основания</i>				
Забота	0,10	0,17	0,07	0,11
Справедливость	0,07	0,28**	0,18	0,38**
Лояльность	0,04	0,09	0,17	0,34*
Уважение	-0,07	-0,04	0,09	0,33*
Чистота	0,06	0,01	0,06	0,41**
<i>Ценности</i>				
Самопреодоление	0,02	0,17	0,17	0,04
Самоутверждение	-0,11	-0,19*	-0,33*	-0,26
Открытость изменениям	-0,13	0,08	-0,24	-0,25
Сохранение	0,16	0,01	-0,17	-0,12

* $p < 0,05$; ** $p < 0,01$.

Таблица 3

**Результаты регрессионного анализа показателей отношения к лицам с УО
в зависимости от моральных оснований и ценностей (N = 169)**
[Results of regression analysis of attitudes toward mentally retarded depending
on moral foundations and values (N = 169)]

Показатели	Параметры регрессионных моделей для зависимых переменных	
	Интеграция	Сокращение дистанции
<i>Стандартизованные регрессионные коэффициенты (бета)</i>		
Забота	-0,01	-0,11
Справедливость	0,11	0,29**
Лояльность	0,07	0,08
Уважение	-0,20*	-0,04
Чистота	-0,03	0,02
Самопреодоление	0,02	0,08
Самоутверждение	-0,11	-0,12
Открытость изменениям	-0,15	-0,01
Сохранение	-0,03	-0,12
Место обучения (0 — колледж, 1 — вуз)	-0,17	-0,03
Пол (0 — Ж, 1 — М)	-0,32**	-0,33**
Возраст	0,07	-0,02
<i>Характеристики моделей</i>		
Значение $F(12, 156)$ для модели	2,59	5,43
Уровень значимости модели	$p < 0,01$	$p < 0,001$
R^2 модели (скорректированный)	0,10	0,24

* $p < 0,05$; ** $p < 0,01$.

Ценности и моральные основания не являются независимыми, так что для выявления самостоятельного вклада каждого из этих параметров необходимо использование регрессионного анализа. Для каждой из двух шкал была построена регрессионная модель, включающая в себя моральные основания, ценности, пол, возраст и место обучения. Последние три переменные были включены для контроля их влияния на отношение к лицам с УО. Результаты анализа моделей приведены в таблице 3.

Отношение к интеграции умственно отсталых в ходе регрессионного анализа показало обратную связь с моральным основанием «уважение» и с полом. Это значит, что более позитивное отношение к инклюзивному обучению характерно для девушек и для тех, кто считает менее важным уважение авторитетов и власти. Шкала сокращения дистанции также показала аналогичную связь с полом и прямую связь с моральным основанием «справедливость». Следовательно, чем выше субъективная важность справедливости для студентов, тем позитивнее они относятся к сокращению социальной дистанции в общении с лицами с УО. Статистически значимого вклада ценностей в отношении к лицам с УО в ходе регрессионного анализа выявить не удалось.

Обсуждение результатов

В ходе работы по адаптации опросника отношения к лицам с УО авторам не удалось воспроизвести ее в полном составе. Показатели надежности и данные о факторной структуре привели к выводу о том, что шкалы уважения прав умственно отсталых и отсутствия пренебрежительных убеждений не воспроизводятся в русскоязычной версии опросника. Необходимо отметить, что данных о факторной структуре оригинальной версии также недостаточно (Antonak R.F., Harth R., 1994; Sam K.-L., Li C., Lo S.-K., 2016). По мнению авторов, первые две шкалы отражают наиболее существенные особенности отношения к лицам с УО, причем умеренная корреляция между ними свидетельствует об их несводимости друг к другу. По этой причине сокращение методики до двух шкал представляется вполне оправданным. Предложенная в данном исследовании модифицированная русскоязычная версия опросника может рассматриваться в качестве метода экспресс-оценки наиболее существенных параметров отношения к лицам с УО.

Полученные с помощью данной методики результаты свидетельствуют о том, что наиболее важным моральным фактором отношения к умственно отсталым лицам является субъективная важность справедливости: и у юношей и у девушек высокая важность справедливости сочетается с готовностью сокращать социальную дистанцию в отношениях с такими людьми. Вывод о ведущей роли морального основания «справедливость» подтверждается результатами корреляционно-го и регрессионного анализа.

Значимую связь ценностей (в частности ценностей самоутверждения) с отношением к лицам с УО удалось выявить лишь при анализе попарных корреляций, однако в ходе регрессионного анализа подобной связи не обнаружилось. Это может означать, что роль ценностей в системе факторов, определяющих отношение к лицам с УО существенно ниже, чем роль моральных оснований.

Наиболее существенным фактором, определяющим отношение к лицам с УО, оказался пол, что полностью соответствует результатам предшествующих исследований (Коростелева, Краснов, Леонов, 2014; Morin, Rivard, Crocker, Boursier, Caron, 2013). Девушки демонстрируют более позитивное отношение к лицам с УО, проявляя большую готовность к сокращению социальной дистанции и их интеграции в образовательном процессе. Уровень и профиль образования (технический колледж или педагогический вуз) не показал статистически значимого вклада в отношение к лицам с УО. Следовательно, педагогическое образование до изучения курсов дефектологической тематики, по всей видимости, не оказывает на такое отношение существенного влияния.

Ограничения авторского исследования связаны с умеренной репрезентативностью выборки, включающей лишь студентов одного колледжа и одного вуза. Кроме того, большая часть выборки студентов принадлежит к довольно узкому возрастному диапазону (16—20 лет). В этот возрастной период продолжается формирование ценностной и моральной сферы личности, а также отношений к различным социальным группам, так что распространение полученных выводов за пределы данной возрастной группы без дополнительных исследований недопустимо. Кроме того, к ограничениям исследования относится также тот факт, что адаптация некоторых из применявшихся методик (опросника отношения к лицам с УО, опросника моральных оснований) еще полностью не завершена, и, следовательно, полученные с их помощью выводы носят предварительный характер.

Выводы

Одним из наиболее существенных факторов отношения к лицам с УО у студентов оказался пол: девушки демонстрируют большую готовность сокращать социальную дистанцию в общении с такими людьми и признать необходимость их инклюзивного обучения. Начальное педагогическое образование, не включающее изучение курсов дефектологической тематики, по-видимому, не оказывает существенного влияния на отношение к лицам с УО. Основным моральным фактором отношения к лицам с УО оказалась важность справедливости: чем она больше, тем выше готовность к сокращению социальной дистанции. В то же время, чем важнее для студентов уважение к авторитетам и власти, тем менее они согласны с необходимостью инклюзивного обучения умственно отсталых. Моральные основания, в целом, оказались более существенным фактором отношения к умственно отсталым лицам у студентов, чем ценности.

Благодарности и финансирование:

1. Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект №18-013-00119 «Ценностные и моральные основы социального мировоззрения молодежи».
2. Авторы благодарят за помощь в сборе данных для исследования Л.С. Возникову.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Григина Е.С. Отношение студенческой молодежи к лицам с ограниченными возможностями здоровья // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Акмеология образования. Психология развития. 2015. Т. 4. № 4. С. 333—337. doi: 10.18500/2304-9790-2015-4-4-333-337.

- Коростелева Н.А., Краснов А.М., Леонов В.В.* Актуальность проблемы формирования толерантного отношения к студентам-инвалидам в современном социуме // Научно-педагогическое обозрение. 2014. № 1 (3). С. 24—33.
- Ливенцева Н.А.* Обзор современных зарубежных исследований по проблемам инклюзивного образования // Психологическая наука и образование. 2011. № 3. С. 114—121.
- Сычев О.А., Беспалов А.М., Прудникова М.М., Власов М.С.* Особенности моральных оснований у монгольских, немецких и российских подростков // Культурно-историческая психология. 2016. Т. 12. № 1. С. 85—96. doi: 10.17759/chp.2016120109.
- Шварц Ш., Бутенко Т.П., Седова Д.С., Лунатова А.С.* Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 2. С. 43—70.
- Щербакова А.М.* Психологические аспекты инклюзии детей с ограниченными возможностями здоровья // Вопросы психического здоровья детей и подростков. 2013. Т. 13. № 2. С. 67—74.
- Antonak R.F., Harth R.* Psychometric analysis and revision of the Mental Retardation Attitude Inventory // *Mental Retardation*. 1994. Vol. 32(4). P. 272—280.
- Antonak R.F., Livneh H.* The measurement of attitudes toward people with disabilities: Methods, psychometrics and scales. Springfield, IL: Charles C Thomas Pub Ltd., 1988. 326 p.
- Boer A. de, Pijl S.J., Minnaert A.* Regular primary schoolteachers' attitudes towards inclusive education: a review of the literature // *International Journal of Inclusive Education*. 2011. Vol. 15(3). P. 331—353. doi: 10.1080/13603110903030089.
- Daruwalla P., Darcy S.* Personal and societal attitudes to disability // *Annals of Tourism Research*. 2005. Vol. 32(3). P. 549—570. doi: 10.1016/j.annals.2004.10.008.
- Graham J., Haidt J., Koleva S., Motyl M., Iyer R., Wojcik S., Ditto P.H.* Moral foundations theory: The pragmatic validity of moral pluralism // *Advances in experimental social psychology*. 2013. Vol. 47. P. 55—130. doi: 10.1016/B978-0-12-407236-7.00002-4.
- Graham J., Nosek B.A., Haidt J., Iyer R., Koleva S., Ditto P.H.* Mapping the Moral Domain // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2011. Vol. 101. P. 366—385. doi: 10.1037/a0021847.
- Morin D., Rivard M., Crocker A.G., Boursier C.P., Caron J.* Public attitudes towards intellectual disability: a multidimensional perspective // *Journal of Intellectual Disability Research*. 2013. Vol. 57(3). P. 279—292. doi: 10.1111/jir.12008.
- Ouellette-Kuntz H., Burge P., Brown H.K., Arsenault E.* Public Attitudes Towards Individuals with Intellectual Disabilities as Measured by the Concept of Social Distance // *Journal of Applied Research in Intellectual Disabilities*. 2010. Vol. 23(2). P. 132—142. doi: 10.1111/j.1468-3148.2009.00514.x.
- Questionnaires on [moralfoundations.org](http://moralfoundations.org/questionnaires). URL: <http://moralfoundations.org/questionnaires> (Access date: 05.07.2016).
- Sam K.-L., Li C., Lo S.-K.* Validation of the Mental Retardation Attitude Inventory-Revised (MRAI-R): A Multidimensional Rasch Analysis // *International Journal of Social Science and Humanity*. 2016. Vol. 6(7). P. 519—524. doi: 10.7763/IJSSH.2016.V6.703.
- Tringo J.L.* The Hierarchy of Preference Toward Disability Groups // *The Journal of Special Education*. 1970. Vol. 4(3). P. 295—306. doi: 10.7763/IJSSH.2016.V6.703.

© Сычев О.А., Трофимова Е.М., 2017

История статьи:

Поступила в редакцию: 18 октября 2017

Принята к печати: 22 декабря 2017

Для цитирования:

Сычев О.А., Трофимова Е.М. Ценностные и моральные основы отношения студентов к лицам с умственной отсталостью // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2018. Т. 15. № 1. С. 53—66. doi: 10.22363/2313-1683-2018-15-1-53-66

Сведения об авторах:

Сычев Олег Анатольевич — кандидат психологических наук, доцент, научный сотрудник Алтайского государственного гуманитарно-педагогического университета им. В.М. Шукшина (Бийск, Россия). E-mail: osn1@mail.ru

Трофимова Евгения Михайловна — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии и педагогики Алтайского государственного гуманитарно-педагогического университета им. В.М. Шукшина (Бийск, Россия). E-mail: jmt662008@rambler.ru

VALUES AND MORAL FOUNDATIONS AS A BASIS FOR ATTITUDE TOWARD MENTALLY RETARDED PEOPLE IN STUDENTS

Oleg A. Sychev, Evgeniya M. Trofimova

Shukshin Altai State Humanities Pedagogical University
Korolenko str., 53, Biysk, Russia, 659333

Abstract. An important factor of the successful integration of mentally retarded people is the readiness of the society to accept such people as equal members. In this study we tested the hypothesis that the attitude toward mentally retarded people depends on values and moral factors. The sample comprised 169 students of technical college and pedagogical university. The attitude toward mentally retarded people was measured using a modified version of Mental Retardation Attitude Inventory (MRAI-R by Antonak & Harth), values were tested using Portrait Values Questionnaire (PVQ-R2 by Schwartz), and moral foundations were measured using Moral Foundations Questionnaire (MFQ by Graham et al.). We elaborated modified Russian version of MRAI-R, showed its factor structure and good psychometric properties. The main moral factor of the attitude toward mentally retarded people was the importance of fairness: the higher it is the higher is the readiness to diminish the social distance with the mentally retarded. The importance of authority was associated with the low approval of inclusive education for the mentally retarded. The most important predictor of the attitude toward mentally retarded people was gender: girls demonstrated a more positive attitude towards the mentally retarded.

Key words: attitude toward mentally retarded people, values, moral foundations, university students

Acknowledgements:

1. This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, grant 18-013-00119 “Values and moral foundations as a basis for social world view of youth”.
2. The authors are grateful for assistance in data collection to L.S. Voznikova.

REFERENCES

- Antonak, R.F., & Harth, R. (1994). Psychometric analysis and revision of the Mental Retardation Attitude Inventory. *Mental Retardation*, 32(4), 272—280.
- Antonak, R.F., & Livneh, H. (1988). *The measurement of attitudes toward people with disabilities: Methods, psychometrics and scales*. Springfield, IL: Charles C Thomas Pub Ltd. 326 p.

- Boer, A. de, Pijl, S.J., & Minnaert, A. (2011). Regular primary schoolteachers' attitudes towards inclusive education: a review of the literature. *International Journal of Inclusive Education*, 15(3), 331–353. doi: 10.1080/13603110903030089.
- Daruwalla, P., & Darcy, S. (2005). Personal and societal attitudes to disability. *Annals of Tourism Research*, 32(3), 549–570. doi: 10.1016/j.annals.2004.10.008.
- Graham, J., Haidt, J., Koleva, S., Motyl, M., Iyer, R., Wojcik, S., & Ditto, P.H. (2013). Moral foundations theory: The pragmatic validity of moral pluralism. *Advances in experimental social psychology*, 47, 55–130. doi: 10.1016/B978-0-12-407236-7.00002-4.
- Graham, J., Nosek, B.A., Haidt, J., Iyer, R., Koleva, S., & Ditto, P.H. (2011). Mapping the Moral Domain. *Journal of Personality and Social Psychology*, 101, 366–385. doi: 10.1037/a0021847.
- Greenina, E.S. (2015). Attitude of Student Youth to People with Reduced Capabilities. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 4(4), 333–337. doi: 10.18500/2304-9790-2015-4-4-333-337 (in Russian).
- Korosteleva, N.A., Krasnov, A.M., & Leonov, V.V. (2014). Urgency of the Problem of a Tolerant Attitude Formation towards Students with Disabilities in the Modern Society. *Pedagogical Review*, 1(3), 24–33 (in Russian).
- Liventseva N.A. (2011). Review of Current Foreign Research in Inclusive Education. *Psychological Science and Education*, (3), 114–121 (in Russian).
- Morin, D., Rivard, M., Crocker, A.G., Boursier, C.P., & Caron, J. (2013). Public attitudes towards intellectual disability: a multidimensional perspective. *Journal of Intellectual Disability Research*, 57(3), 279–292. doi: 10.1111/jir.12008.
- Ouellette-Kuntz, H., Burge, P., Brown, H.K., & Arsenault, E. (2010). Public Attitudes Towards Individuals with Intellectual Disabilities as Measured by the Concept of Social Distance. *Journal of Applied Research in Intellectual Disabilities*, 23(2), 132–142. doi: 10.1111/j.1468-3148.2009.00514.x.
- Questionnaires on moralfoundations.org. URL: <http://moralfoundations.org/questionnaires> (Access date: 05.07.2016).
- Sam, K.-L., Li, C., & Lo, S.-K. (2016). Validation of the Mental Retardation Attitude Inventory-Revised (MRAI-R): A Multidimensional Rasch Analysis. *International Journal of Social Science and Humanity*, 6(7), 519–524. doi: 10.7763/IJSSH.2016.V6.703.
- Schwartz, Sh., Butenko, T.P., Sedova, D.S., & Lipatova, A.S. (2012). Theory of Basic Personal Values: Validation in Russia. *The Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 9(2), 43–70 (in Russian).
- Shcherbakova, A.M. (2013). Psychological Aspects of the Inclusion of Children with Disabilities. *Mental Health of Children and Adolescent*, 13(2), 67–74 (in Russian).
- Sychev, O.A., Beshpalov, A.M., Prudnikova, M.M., & Vlasov, M.S. (2016). Features of Moral Foundations in Mongol, German and Russian Adolescents. *Cultural-Historical Psychology*, 12(1), 85–96. doi: 10.17759/chp.2016120109 (in Russian).
- Tringo, J.L. (1970). The Hierarchy of Preference Toward Disability Groups. *The Journal of Special Education*, 4(3), 295–306. doi: 10.1177/002246697000400306.

© Sychev, O.A., Trofimova, E.M., 2017

Article history:

Received: 18 October 2017

Revised: 23 November 2017

Accepted: 22 December 2017

For citation:

Sychev, O.A., & Trofimova, E.M. (2018). Values and Moral Foundations as a Basis for Attitude toward Mentally Retarded People in Students. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 15 (1), 53–66. doi: 10.22363/2313-1683-2018-15-1-53-66

Bio Note:

Oleg A. Sychev — PhD in Psychology, research fellow of Shukshin Altai State Humanities Pedagogical University (Biysk, Russia). E-mail: osn1@mail.ru

Evgeniya M. Trofimova — PhD in Psychology, associate professor of Shukshin Altai State Humanities Pedagogical University (Biysk, Russia). E-mail: jmt662008@rambler.ru

DOI: 10.22363/2313-1683-2018-15-1-67-78

УДК 316.648.4

ВРЕМЕННЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ И МИГРАЦИОННЫЕ УСТАНОВКИ МАГАДАНСКИХ СТУДЕНТОВ НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ ОБУЧЕНИЯ

С.А. Кузнецова

Северо-Восточный государственный университет
Портовая ул., 13, Магадан, Россия, 685000

Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью влияния условий миграционно-подвижного региона на формирование временных перспектив молодежи. Цель исследования заключается в изучении взаимосвязи временных перспектив и миграционных установок магаданских студентов на разных этапах обучения. Для диагностики использовались опросник изучения временных перспектив *ZPTI* Ф. Зимбардо в адаптации А. Сырцовой и методика «Шкала миграционных установок личности», основанная на авторской концепции миграционных установок. Исследование показало, что по мере обучения в вузе снижается роль оценки прошлого в территориальном самоопределении магаданских студентов и повышается роль удовлетворенности/неудовлетворенности настоящим. Более привержены месту жительства студенты младших курсов, удовлетворенные прошлым, и студенты старших курсов, удовлетворенные настоящим. Выявлена двойственная роль близких в формировании временных перспектив старшекурсников: ожидания со стороны близких и поддержка миграционных установок студента открывает ему временную перспективу будущего, и наоборот, отсутствие таковых приводит к фрустрации, чувству безнадежности, что описывается в терминологии методики *ZPTI* как «фаталистическое настоящее». Отсутствие связи собственных миграционных установок и временной перспективы будущего означает, что часть целеустремленных студентов связывают свои перспективы с актуальным местом жительства, часть — с возможным переездом.

Ключевые слова: временная перспектива, миграционное намерение, миграционная установка, территориальное самоопределение, студенты

Введение

Одним из серьезных инерционных последствий социально-экономического кризиса 90-х годов является усилившийся миграционный отток с малозаселенных, но богатых природными ресурсами территорий Дальнего Востока и Северо-Востока России. В максимальной степени это относится к Магаданской области. Молодежь — наиболее мобильная часть населения. Пользуясь возможностью поступления по результатам ЕГЭ в центральные вузы и получая поддержку родителей и одобрение окружающих, считающих отъезд престижным и разумным, большинство старшеклассников Магадана покидают регион, практически никогда не возвращаясь назад после получения образования. Свыше 80% старшеклассников Магадана и области сообщают о намерении покинуть область для обучения в учебных заведениях Москвы, Санкт-Петербурга, Калининграда, Крас-

нодара, реже других городов центральной России. Но и оставшаяся молодежь, обучающаяся в региональных вузах, продолжает планировать переезд.

На протяжении ряда лет автор изучает миграционные намерения и установки, преимущественно, с социально-психологической точки зрения, полагая, что на их формирование во многом оказывает влияние социальное окружение, рассматривая миграционные установки в качестве разновидности социальных установок. Их специфика заключается в том, что они определяют не отдельные поведенческие акты, а долгосрочное поведение, имеющие биографические последствия. В силу этого их строение более сложно, чем у частных социальных установок, они представляют собой установочные системы, включающие миграционные намерения. Специфической особенностью их структуры является полиобъектность — направленность на реальное и потенциальные места жительства; механизм формирования — интериоризация миграционных установок близких людей и социальных ожиданий от субъекта (Кузнецова, 2013). На основе теоретических положений была разработана методика измерения миграционных установок (Кузнецова, Кузнецов, Фещенко, 2014).

Поскольку миграционные намерения и установки служат регуляторами сложного миграционного поведения, обращенного в будущее (переезд на другое место жительства), но базирующегося на прошлом опыте и текущих обстоятельствах, логично предположить, что они определенным образом связаны с временной перспективой (ВП) личности, которая, по определению К. Левина, означает влияние представлений индивида о прошлом и будущем на его поведение в настоящем (Левин, 2000). Отмечалась ее важная роль в организации мотивированных целенаправленных действий (Нюттен, 2004), выборе копинг-стратегий (Болотова, Хачатурова, 2012), в упорядочивании, структурировании жизни и придании ей смысла (Зимбардо, Бойд, 2010; Аванесян, 2017). Что же позволяет ВП выступать таким многоуровневым регулятором поведения, деятельности и жизни в целом?

Нюттен Ж. (2004) разграничивал три аспекта психологического времени: собственно временную перспективу, которая характеризуется протяженностью, глубиной, насыщенностью, степенью структурированности и уровнем реалистичности; временную установку, т.е. позитивную или негативную настроенность субъекта по отношению к прошлому, настоящему или будущему, и временную ориентацию, т.е. доминирующую направленность поведения на объекты и события прошлого, настоящего или будущего. Сложное строение ВП отмечали Ф. Зимбардо и Дж. Бойд, экспериментально выделившие следующие ее компоненты: негативное прошлое, позитивное прошлое, фаталистическое настоящее, гедонистическое настоящее, холистическое настоящее и будущее, и разработавшие опросник (ZTPI) с соответствующими шкалами (Зимбардо, Бойд, 2010). Исследования с использованием опросника показали, что большее субъективное благополучие обеспечивает сбалансированная ВП, отличающаяся умеренными показателями по шкалам «Будущее», «Гедонистическое настоящее» и «Позитивное прошлое» (Boniwell, Osin; 2014; Stolarski, Wiberg, Osin, 2014). Толстых Н.Н. рассматривает ВП с позиций культурно-исторического подхода как высшую психическую функцию, формирующуюся в онтогенезе путем присвоения выработанных в культуре представлений о времени (Толстых, 2010). Эта идея позволяет

объяснить ее сложное системное строение, например, выделяемые Ж. Нютненом аспекты, которые можно назвать когнитивным, аффективным и регуляторным. Принцип «единства аффекта и интеллекта», предложенный Л.С. Выготским, объясняет и сплав представлений о модусе психологического времени (прошлом, настоящем или будущем) с аффективным к нему отношением (как в типологии Ф. Зимбардо и Дж. Бойда).

Определение ВП с позиций культурно-исторической психологии предполагает ее развитие в онтогенезе. Различные стороны формирования ВП в подростковом, раннем юношеском возрасте, во время обучения в вузе, на протяжении всего жизненного пути изучают многие авторы (Егоренко, Родина, 2015; Кондратьев, 2017; Кузнецова, Орехова, 2015; Моросанова, Ванин, 2010; Осин, Орел, 2012; Толстых, 2010 и др.).

Согласно культурно-деятельностному подходу, специфика психического и личностного развития определяется культурными и социальными условиями. Изучалось влияние культурных, социальных условий и отношений на восприятие, измерение, использование времени (Levine; 2014) и формирование ВП (Квасова, 2011; Сырцова, Митина, Бойд и др., 2007; Толстых, 2010; Holman, 2014 и др.).

Автора же интересует развитие ВП в онтогенезе, но в условиях миграционно-подвижного региона и в связи с миграционными установками. В качестве участников ранее проведенного аналогичного исследования выступали старшеклассники магаданских школ (Кузнецова, Орехова, 2015).

Целью данного исследования стало изучение взаимосвязи временных перспектив и миграционных установок магаданских студентов на разных этапах обучения.

Общая гипотеза: на разных этапах обучения в вузе у магаданских студентов различаются взаимосвязи между ВП и компонентами миграционных установок.

Процедура и методы

Выборка. В исследовании приняли участие 100 студентов Северо-Восточного государственного университета (в г. Магадане) разных специальностей, из них 27 мужчин, 73 женщины в возрасте от 17 до 27 лет. В связи с неполным и ошибочным заполнением методик подсчеты проводились по результатам 91 человека. Для проверки гипотезы выборка разбита на 2 подгруппы: 52 студента младших курсов (1, 2 курсы) и 39 студентов старших курсов (3, 4, 5 курсы бакалавриата и специалитета).

Методики. Для диагностики использовались следующие апробированные методики:

1) Опросник изучения временных перспектив (Zimbardo Time Perspective Inventory — *ZPTI*) Ф. Зимбардо в адаптации А. Сырцовой, включающий шкалы: ориентация на будущее, гедонистическое и фаталистическое настоящее, позитивное и негативное отношение к прошлому (Зимбардо, Бойд, 2010; Сырцова, 2008; Zimbardo, Boyd, 1999);

2) Шкала миграционных установок личности (Кузнецова, Кузнецов, Фещенко, 2014). В методику входят шкалы: «Общий показатель миграционной установки», «Собственная миграционная установка субъекта», «Миграционная установ-

ка близких», «Ожидания близких людей в отношении миграционных установок субъекта».

Для статистической обработки результатов использовалась коэффициент корреляции r -Спирмена и критерий U -Манна—Уитни. Расчеты проводились в программе SPSS 13.0 for Windows.

Результаты

В целях статистического сравнения выраженности миграционных установок и ВП у студентов, находящихся на разных этапах обучения использован критерий U -Манна—Уитни.

Таблица 1

Сравнительный анализ миграционных установок у студентов на разных этапах обучения
[Comparative analysis of Migration attitudes for students at different stages of education]

Шкала миграционных установок	Младшие курсы		Старшие курсы		Результаты сравнения (U -Манна—Уитни)	
	M	SD	M	SD	U	P
Общий показатель	156,58	43,86	167,11	44,27	873	0,26
Собственная установка	50,06	20,98	55,63	16,77	867	0,24
Установка близких	52,02	15,43	55,61	15,96	876	0,27
Ожидания близких	54,50	15,76	55,87	15,76	976	0,76

Как показали результаты (табл. 1), по всем шкалам миграционных установок средние значения у студентов старших курсов выше, чем у студентов младших курсов. Тем не менее, статистически значимых различий между ними не обнаружено. Обращает на себя внимание тот факт, что по сравнению со студентами младших курсов у старшекурсников выше согласованность их собственных миграционных установок, миграционных установок близких и их ожиданий.

У студентов старших курсов несколько ниже средние значения по шкале «Негативное прошлое» (табл. 2). Но статистически значимых различий между подгруппами по шкалам методики $ZPTI$ также не обнаружено.

Таблица 2

Сравнительный анализ ВП у студентов на разных этапах обучения
[Comparative analysis of Time perspective among students at different stages of education]

Показатели по шкалам $ZPTI$	Младшие курсы		Старшие курсы		Результаты сравнения (U -Манна—Уитни)	
	M	SD	M	SD	U	P
Негативное прошлое	3,12	0,70	2,89	0,89	868	0,23
Гедонистическое настоящее	3,44	0,58	3,44	0,56	968	0,71
Будущее	3,41	0,78	3,45	0,48	981	0,91
Позитивное прошлое	3,70	0,60	3,64	0,61	969	0,72
Фаталистическое настоящее	2,76	0,54	2,71	0,54	963	0,68

Для выявления связей между ВП и миграционными установками у студентов в целом по выборке и отдельно у студентов старших и младших курсов использовался коэффициент ранговой корреляции r -Спирмена.

На выборке студентов в целом (табл. 3) выявлена значимая отрицательная корреляция между показателями по шкалам «Собственная миграционная установка» и «Позитивное прошлое» ($p \leq 0,05$), и также отрицательная корреляция между

показателями по шкалам «Ожидания со стороны близких» и «Фаталистическое настоящее» ($p \leq 0,05$).

На выборке студентов младших курсов (табл. 4) выявлена обратная корреляция между показателями по шкалам «Собственная миграционная установка» и «Позитивное прошлое» ($p \leq 0,01$).

На выборке старшекурсников (табл. 5) выявлена значимая отрицательная корреляция между шкалами «Собственная миграционная установка» и «Гедонистическое настоящее» ($p \leq 0,05$), а также корреляция между шкалами «Ожидания близких» и «Будущее» ($p \leq 0,05$).

Таблица 3

Связь ВП и миграционных установок у магаданских студентов (в целом)
[Correlation between the Time perspectives and Migration attitudes for Magadan students in general]

Шкалы ZPTI	Показатели по Шкале миграционных установок			
	Общий показатель установки	Установка субъекта	Установка близких	Ожидания близких
Негативное прошлое	-0,08	-0,07	-0,05	-0,09
Гедонистическое настоящее	0,14	0,10	0,17	0,19
Будущее	0,12	0,04	0,60	0,99
Позитивное прошлое	-0,05	-0,21*	0,02	0,10
Фаталистическое настоящее	-0,18	-0,12	-0,06	-0,21*

* $p \leq 0,05$.

Таблица 4

Связь ВП и миграционных установок у студентов младших курсов
[Correlation of the Time perspectives and Migration attitudes in Junior Students]

Шкалы ZPTI	Показатели по Шкале миграционных установок			
	Общий показатель установки	Установка субъекта	Установка близких	Ожидания близких
Негативное прошлое	-0,02	0,01	0,00	0,12
Гедонистическое настоящее	0,02	-0,02	0,09	0,08
Будущее	-0,02	-0,05	-0,11	-0,07
Позитивное прошлое	-0,24	-0,38**	-0,07	-0,05
Фаталистическое настоящее	-0,12	-0,12	0,03	-0,13

** $p \leq 0,01$.

Таблица 5

Связь ВП и миграционных установок у студентов старших курсов
[Correlation of the Time perspectives and Migration attitudes in Senior Students]

Шкалы ZPTI	Показатели по Шкале миграционных установок			
	Общий показатель установки	Установка субъекта	Установка близких	Ожидания близких
Негативное прошлое	-0,14	-0,13	-0,07	-0,19
Гедонистическое настоящее	0,27	-0,32*	0,24	0,25
Будущее	0,31	0,15	0,30	0,33*
Позитивное прошлое	0,18	0,03	0,12	0,28
Фаталистическое настоящее	-0,24	-0,06	-0,21	-0,31

* $p \leq 0,05$.

На уровне тенденции выявлены связи шкалы «Будущее» с «Общим показателем миграционной установки» ($r = 0,31$ при $p = 0,052$); а также с «Миграционными установками близких» ($r = 0,30$ при $p = 0,065$). Выявлена также отрицательная корреляция на уровне тенденции между шкалами «Ожидания близких» и «Фаталистическое настоящее» ($r = -0,31$ при $p = 0,057$).

Обсуждение результатов

Исследование не выявило статистически значимых различий в показателях миграционных установок и ВП у студентов младших и старших курсов. Но, как показал дальнейший анализ, на разных этапах обучения несколько различны взаимосвязи между этими переменными.

Так, например, выявлены значимые обратные корреляции между шкалами «Позитивное прошлое» и «Собственная миграционная установка»: более тесные у студентов младших курсов ($p \leq 0,01$) и менее тесные на выборке студентов в целом ($p \leq 0,05$). Но у студентов старших курсов такой связи нет. Следовательно, выявленная на выборке студентов в целом закономерность в большей степени характерна для младших студентов. Она означает, что более привержены своему месту жительства молодые люди с более позитивными воспоминаниями о прошлом, дорожащие отношениями в ближайшем окружении, придерживающиеся семейных традиций. Именно такие студенты сознательно делают выбор в пользу обучения в региональном вузе, а более ориентированные на достижения успехов абитуриенты — в пользу центральных вузов.

Однако по мере обучения снижается роль оценки прошлого в территориальном самоопределении магданских студентов и повышается роль настоящего, удовлетворенности/неудовлетворенности им. Это показала отрицательная корреляция между шкалами «Собственная миграционная установка» и «Гедонистическое настоящее» у студентов старших курсов ($p \leq 0,05$). У младших студентов и в целом по выборке такой связи нет. Можно считать, что активная вовлеченность в происходящее, удовлетворенность самим процессом жизни удерживает старшекурсников от формирования миграционных намерений. Для вуза как института социализации безразлично, чем именно наполнена жизнь студентов — бесплодными «тусовками» или позитивной самореализацией. Эта традиционная проблема педагогики высшей школы приобретает дополнительную актуальность в миграционно-подвижном регионе в связи с тем, что яркая насыщенная юность становится важным фактором приверженности своему месту жительства. Таким образом, согласно представлениям ряда авторов о сбалансированной ВП (Bonniwell, Osin; 2014; Stolarski, Wiberg, Osin, 2014), студенты с низкими миграционными установками в большей степени демонстрируют субъективное благополучие.

Выявлен и другой, негативный вариант взаимосвязи ВП настоящего и миграционных установок. Исследование показало значимую отрицательную корреляцию между шкалами «Фаталистическое настоящее» и «Ожидания со стороны близких» на выборке студентов в целом ($p \leq 0,05$) и более слабую на выборке старшекурсников ($p = 0,057$). У студентов младших курсов такой взаимосвязи нет. Фаталистическое настоящее, согласно Ф. Зимбардо и Дж. Бойду (2010), — сми-

рение с судьбой, характерно для людей, неудовлетворенных настоящим, тревожных и депрессивных, с низким чувством самоэффективности, не верящих в возможность своими силами изменить жизнь. Как показали результаты, такая ВП (или, можно сказать, бесперспективность) обнаруживается в условиях, когда близкие в силу разных причин не поддерживают миграционные установки студента. Возможно, это связано с тем, что материальная и психологическая зависимость от семьи осложняет возможности переезда и создает фрустрацию. Но можно и предположить, что невротичные студенты вытесняют истинные источники проблем и приписывают их неблагоприятным условиям Севера. В связи с этим свою невротическую тревогу они компенсируют фантазиями о переезде, а отказ от переезда объясняют отсутствием поддержки со стороны близких. Подобный невротический, регионально-специфический защитный механизм под названием «северная рационализация» был автором статьи ранее выявлен с помощью метода интервью (Кузнецова, Стрелков, 2015).

У студентов старших курсов обнаружена значимая прямая связь между шкалами «Будущее» и «Ожидания близких» ($p \leq 0,05$), а также на уровне тенденции шкалы «Будущее» с «Общим показателем миграционной установки» ($p = 0,052$) и «Миграционными установками близких» ($p = 0,065$). Структура корреляционных связей шкалы «Будущее» (включая находящиеся на уровне тенденции) показывает преимущественный вклад в общий показатель миграционных установок «социальных» шкал, связанных с ожиданиями близких и чуть менее, с их собственными миграционными установками.

По мнению авторов опросника *ZPTI*, временная ориентация на будущее характерна для личностей организованных и целеустремленных, умеющих отказываться от сиюминутных удовольствий ради будущих успехов и вознаграждений (Зимбардо, Бойд, 2010). Возможно, такие особенности являются результатом интериоризации аналогичных установок семейного окружения, которое стимулирует молодого человека на переезд в регионы страны с более широкими возможностями для самореализации. Меньшее значение, но также открывающие перспективы для студента, имеют миграционные установки близких. Возможно, в этом случае молодой человек рассчитывает на помощь при совместном переезде всей семьи. Отсутствие прямой связи собственных миграционных установок и шкалы «Будущее» может означать, что часть целеустремленных студентов связывают свои перспективы с актуальным местом жительства, часть — с возможным переездом.

Выявлена двойственная роль близких в формировании временных перспектив старшекурсников: ожидания со стороны близких и поддержка миграционных установок студента открывает ему перспективу будущего, и наоборот, отсутствие таковых приводит к фрустрации, чувству безнадежности, что описывается в терминологии методики *ZPTI* как «фаталистическое настоящее». Как можно объяснить выявленную закономерность?

Студенты-старшекурсники, не желающие переезжать (имеющие слабые миграционные установки), безусловно, находятся в преддверии нормативного кризиса развития, связанного с предстоящим окончанием вуза, необходимостью поиска работы, профессиональной адаптации. Обучение в вузе в определенной мере

предполагает освоение различных средств для его преодоления. Но для студентов, имеющих выраженные миграционные установки, предстоящий нормативный кризис усугубляется необходимостью решения сложных задач, связанных с переездом. Эти суммарные задачи, если использовать терминологию Л.С. Выготского, выходят за пределы «зоны его актуального развития». В случае эмоциональной и инструментальной социальной поддержки со стороны близких (помощи взрослого, в терминологии Л.С. Выготского), открывается возможность решения задач в «зоне ближайшего развития», что проявляется в виде субъективного переживания перспективы будущего. Отсутствие такой поддержки консервирует «зону недоступности», и приводит к переживанию безнадежного и безрадостного настоящего.

Выводы

Согласно культурно-деятельностному подходу, специфика психического и личностного развития определяется культурными и социальными условиями. Научная значимость исследования наряду с аналогичным, выполненным на выборке старшеклассников (Кузнецова, Орехова, 2015), состоит в выявлении соотношений условий миграционно-подвижного региона с развитием ВП в онтогенезе.

Выявлено, что по мере обучения в вузе у магаданских студентов снижается роль оценки прошлого в территориальном самоопределении и повышается роль удовлетворенности/неудовлетворенности настоящим. Более привержены месту жительства студенты младших курсов, удовлетворенные прошлым, и студенты старших курсов, удовлетворенные настоящим.

Выявлена двойственная роль близких в формировании временных перспектив старшекурсников: ожидания со стороны близких и поддержка миграционных установок студента открывает ему ВП будущего, и наоборот, отсутствие таковых приводит к фрустрации, чувству безнадежности, что описывается в терминологии методики *ZPTI* как «фаталистическое настоящее».

Отсутствие связи собственных миграционных установок и ВП будущего означает, что часть целеустремленных студентов связывают свои перспективы с актуальным местом жительства, часть — с возможным переездом.

Результаты проведенного исследования могут быть полезны для обоснования стратегий молодежной политики, при планировании воспитательной работы в вузах в миграционно-подвижных регионах. Они могут служить аргументом в пользу необходимости расширения возможностей самореализации студентов как путей повышения их субъективного благополучия и усиления приверженности региону. Для психологических служб в миграционно-подвижных регионах исследование проясняет пути психологической работы с регионально-специфическими неблагоприятными состояниями, связанными с проблемами территориального самоопределения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аванесян М.О. Организация времени в автобиографическом нарративе // Психологические исследования. 2017. Т. 10. № 52. С. 4. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 01.02.2018).
- Болотова А.К., Хачатурова М.Р. Человек и время в ситуациях выбора совладающего поведения // Культурно-историческая психология. 2012. № 1. С. 69—76.

- Егоренко Т.А., Родина Е.М.* Роль временной перспективы в профессиональном самоопределении студентов [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2015. Т. 4. № 4. С. 11—15. doi: 10.17759/jmfp.2015040402.
- Зимбардо Ф., Бойд Дж.* Парадокс времени. Новая психология времени, которая улучшит вашу жизнь. СПб.: Речь, 2010. 352 с.
- Квасова О.Г.* Трансформация временной перспективы личности в экстремальной ситуации // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2011. № 4. С. 109—117.
- Кондратьев М.Д.* Особенности временной перспективы одаренных подростков и их сверстников [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2017. Т. 9. № 1. С. 106—114. doi: 10.17759/psyedu.2017090111.
- Кузнецова С.А.* Миграционные установки как предмет социально-психологических исследований // Социальная психология и общество. 2013. № 4. С. 34—46.
- Кузнецова С.А., Кузнецов И.Ю., Фещенко А.В.* Разработка шкалы миграционных установок личности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2014. № 1. С. 83—90.
- Кузнецова С.А., Орехова А.О.* Особенности временных перспектив старшеклассников в миграционно подвижном регионе (на примере Магадана) [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2015. Т. 7. № 1. С. 56—68. doi: 10.17759/psyedu.2015070106.
- Кузнецова С.А., Стрелков Ю.К.* Пространственно-временное структурирование жизненного пути северян // Мир психологии. 2015. № 04 (84). С. 156—167.
- Левин К.* Теория поля в социальных науках. СПб.: Сенсор, 2000. 368 с.
- Моросанова В.И., Ванин А.В.* Роль индивидуальных особенностей временной перспективы и осознанной саморегуляции при выборе профессии старшеклассниками [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2010. № 5(13). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 04.07.2017).
- Нюттен Ж.* Мотивация, действие и перспектива будущего. М.: Смысл, 2004. 608 с.
- Осин Е.Н., Орел Е.А.* Возрастная динамика временной перспективы (на материале российских женщин) [Электронный ресурс] / Перспективные направления психологической науки: Сб. науч. ст. Вып. 2. М.: НИУ Высшая школа экономики, 2012. С. 85—103. URL: http://lia.hse.ru/data/2012/10/14/1247120570/85_pdf (дата обращения: 15.12.2015).
- Сырцова А.* Временная динамика временной перспективы личности: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2008. 24 с.
- Сырцова А., Митина О.В., Бойд Д., Давыдова И.С., Зимбардо Ф., Непряхо Т.Л. [и др.].* Феномен временной перспективы в разных культурах (по материалам исследований с помощью методики ZPTI) // Культурно-историческая психология. 2007. № 4. С. 19—31.
- Толстых Н.Н.* Развитие временной перспективы личности: культурно-исторический подход: автореф. дисс. ... д-ра психол. наук. М., 2010. [Электронный ресурс]. URL: <http://childpsy.ru/dissertations/id/26793.php> (дата обращения: 26.10.2017).
- Boniwell I., Osin E.* Time Perspective Coaching // Time Perspective Theory; Review, Research and Application. Cham: Springer International Publishing, 2014. P. 451—469. doi: 10.1007/978-3-319-07368-2_29.
- Holman A.E.* Time Perspective and Social Relations: A Stress and Coping Perspective // Time Perspective Theory; Review, Research and Application. Cham: Springer International Publishing, 2014. P. 419—436. doi: 10.1007/978-3-319-07368-2_27.
- Levine R.V.* Keeping Time // Time Perspective Theory; Review, Research and Application. Cham: Springer International Publishing, 2014. P. 189—196. doi: 10.1007/978-3-319-07368-2_12.

Stolarski M., Wiberg B., Osin E. Assessing Temporal Harmony: The Issue of a Balanced Time Perspective // Time Perspective Theory; Review, Research and Application. Cham: Springer International Publishing, 2014. P. 57—71. doi: 10.1007/978-3-319-07368-2_3.

Zimbardo P.G., Boyd J.N. Putting time in perspective: A valid, reliable individual-differences metric // Journal of Personality and Social Psychology. 1999. Vol. 77. No. 6. P. 1271—1288.

© Кузнецова С.А., 2017

История статьи:

Поступила в редакцию: 6 октября 2017

Принята к печати: 2 февраля 2018

Для цитирования:

Кузнецова С.А. Временные перспективы и миграционные установки магаданских студентов на разных этапах обучения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2018. Т. 15. № 1. С. 67—78. doi: 10.22363/2313-1683-2018-15-1-67-78

Сведения об авторе:

Кузнецова Снежана Анатольевна — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии Северо-Восточного государственного университета (Магадан, Россия).
E-mail: snezhana.mgdn@mail.ru

TIME PROSPECTS AND MIGRATORY ATTITUDES OF MAGADAN STUDENTS AT DIFFERENT STAGES OF EDUCATION

Snezhana A. Kuznetsova

Noth-Eastern State University

Portovaya str., 13, Magadan, Russia, 685000

Abstract. The relevance of the study is due to the insufficient knowledge of the influence of conditions the migration-mobile region on the formation of time perspectives for young people. The purpose was to study the correlation of time perspectives and migration attitudes of Magadan students at different stages of education. Methods: a questionnaire for studying the time perspectives of ZPTI F. Zimbardo in the adaptation of A. Syrtsova and the “Scale of Migratory Personality Attitudes”, based on the author’s concept of migration attitudes. Conclusions: the study showed that as learning in the university decreases the role of assessing the past in the territorial self-determination of Magadan students and the role of satisfaction/dissatisfaction with the present increases. The younger students, satisfied with the past, are more committed to the place of residence, and the students of the senior courses are satisfied with the present. The dual role of meaningful people in forming the time perspectives of the undergraduates is revealed: expectations from relatives and support for the student’s migratory attitudes open up a future time perspectives for him, and vice versa, the absence of such leads to frustration, a sense of hopelessness described in the terminology of ZPTI as a “fatalistic present”. The lack of a link between their own migration attitudes and the time perspectives of the future means that some of the purposeful students connect their perspectives with the actual place of residence, some with a possible move.

Key words: time perspective, migration intention, migration attitude, territorial self-determination

REFERENCES

- Avanesyan, M.O. (2017). Time organization in autobiographical narrative. *Psikhologicheskie Issledovaniya*, 10(52), 4. <http://psystudy.ru> (in Russ.).
- Bolotova, A.K., Khachaturova, M.R. (2012). The Person and the Time: Choosing Coping Behaviours. *Cultural-Historical Psychology*, (1), 69—76. (In Russ.).
- Boniwell, I., Osin, E. (2014). Time Perspective Coaching. *Time Perspective Theory; Review, Research and Application* (pp. 451—469). Cham: Springer International Publishing. doi: 10.1007/978-3-319-07368-2_29.
- Egorenko, T.A., Rodina, E.M. (2015). The role of time perspective in professional self-determination of students. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 4(4), 11—15. doi: 10.17759/jmfp.2015040402. (In Russ.).
- Holman, A.E. Time Perspective and Social Relations: A Stress and Coping Perspective (2014). *Time Perspective Theory; Review, Research and Application* (pp. 419—436). Cham: Springer International Publishing. doi: 10.1007/978-3-319-07368-2_27.
- Kondratyev, M.D. (2017). Features of Time Perspective of Gifted Adolescents and their Peers. *Psychological Science and Education psyedu.ru*, 9(1), 106—114. doi: 10.17759/psyedu.2017090111. (In Russ.)
- Kuznetsova, S.A. (2013). Migration Attitudes as the Subject of Social Psychological Research. *Social Psychology and Society*, (4), 34—46. (In Russ.).
- Kuznetsova, S.A., Kuznetsov, I.Yu., & Feshchenko, A.V. (2014). Working out Migratory Attitudes Scale of Personality. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, (1), 83—90. (In Russ.).
- Kuznetsova, S.A., Orekhova, A.O. (2015). Features of Time Perspectives in High School Students in the Migration Mobility Region (on Example of Magadan). *Psychological Science and Education psyedu.ru*, 7(1), 56—68. doi: 10.17759/psyedu.2015070106. (In Russ.).
- Kuznetsova, S.A., Strelkov, Yu.K. (2015) Northerners' way of life space-temporal structuring. *World of psychology*, 4(84), 156—167. (In Russ.).
- Kvasova, O.G. (2011). Transformations of personal time perspective in extreme situation (review). *Moscow university bulletin (Vestnik) Seriya 14. Psychology*, (4), 109—117 (In Russ.).
- Levin, K. (2000). *The field theory in social sciences*. Saint-Petersburg: "Sensor" Publ. 368 p. (In Russ.).
- Levine, R.V. (2014). Keeping Time. *Time Perspective Theory; Review, Research and Application* (pp. 189—196). Cham: Springer International Publishing. doi: 10.1007/978-3-319-07368-2_12.
- Morosanova, V.I., Vanin, A.V. (2010). Role of individual features of time perspective and conscious self-regulation in high school students choosing a profession. *Psychological studies*, 5(13). URL: <http://psystudy.ru> (accessed: 31.07.2014). 0421000116/0046. (In Russ.).
- Nyutten, Zh. (2004). *Motivation, action and future prospect*. Moscow: Smysl Publ. 608 p. (In Russ.).
- Osin, E.N., Orel, E.A. (2012). Vozrastnaya dinamika vremennoi perspektivy (na materiale rossiiskikh zhenshchin). *Perspektivnye napravleniya psikhologicheskoi nauki* (pp. 85—103). Moscow: NIU Vysshaya shkola ekonomiki Publ. URL: http://lia.hse.ru/data/2012/10/14/1247120570/85_.pdf (data obrashcheniya: 15.12.2015). (In Russ.).
- Stolarski, M., Wiberg, B., Osin, E. (2014). Assessing Temporal Harmony: The Issue of a Balanced Time Perspective. *Time Perspective Theory; Review, Research and Application* (pp. 57—71). Cham: Springer International Publishing. doi: 10.1007/978-3-319-07368-2_3.
- Syrtsova, A. (2008). *Vremennaya dinamika vremennoy perspektivy lichnosti*: Abstract of PhD in Psychology Thesis. Moscow. 24 p. (In Russ.).

- Syrtsova, A., Mitina, O.V., Boyd, D., Davydova, I.S., Zimbardo, F., Nepryaho, T.L., et al. (2007). The Phenomenon of Time Perspective across Different Cultures: Review of Researches Using ZTPI Scale. *Cultural-Historical Psychology*, (4), 19—31. (In Russ.).
- Tolstykh, N.N. (2010). *Razvitiye vremennoi perspektivy lichnosti: kul'turno-istoricheskiipodkhod*. Abstract of Dr. Sci. in Psychology Thesis. Moscow. 53 p. URL: psychlib.ru/mgppu.ru/disser/TolstihNN-2010/Tnr-a-053.htm (accessed: 15.07. 2014). (In Russ.).
- Zimbardo, F., Boid, D. (2010). *Paradox of time. New psychology of time which will improve your life*. Saint-Petersburg: Rech' Publ. 352 p. (In Russ.).
- Zimbardo, P.G., Boyd, J.N. (1999). Putting time in perspective: A valid, reliable individual-differences metric. *Journal of Personality and Social Psychology*, 6(77), 1271—1288.

© Kuznetsova, S.A., 2017

Article history:

Received: 6 October 2017

Revised: 8 January 2018

Accepted: 2 February 2018

For citation:

Kuznetsova, S.A. (2018). Time Prospects and Migratory Attitudes of Magadan Students at Different Stages of Education. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 15 (1), 67—78. doi: 10.22363/2313-1683-2018-15-1-67-78

Bio Note:

Snezhana A. Kuznetsova — PhD in Psychology, associate professor, associate professor of Psychology Chair of the Noth-Eastern University. E-mail: snejana.mgdn@mail.ru

DOI: 10.22363/2313-1683-2018-15-1-79-93

УДК 159.922.2

СОВЛАДАЮЩЕЕ И ЗАЩИТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ РАДИОАКТИВНО ЗАГРЯЗНЕННЫХ ТЕРРИТОРИЙ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ВОЗРАСТА И ПОЛА

И.В. Борисова, Е.С. Гулакова

Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского
Бежицкая ул., 14, Брянск, Россия, 241036

В статье рассматриваются результаты эмпирического исследования совладающего и защитного поведения жителей радиоактивно загрязненных территорий в зависимости от возраста и пола. Выявлена специфика совладания и защиты в зависимости от возраста и пола. Показано, что юноши и девушки чаще используют неконструктивные способы совладающего поведения, чтобы справиться с трудными жизненными ситуациями, по сравнению с мужчинами и женщинами. Мужчины хуже, чем женщины снимают напряжение и сохраняют самооценку в трудных жизненных ситуациях за счет использования стратегий совладающего поведения. Установлено, что жители радиоактивных территорий не желают брать на себя ответственность за свою жизнь, а пассивно ожидают помощи без каких-либо самостоятельных действий, направленных на разрешение своих проблем. Выявлено, что в юношеском, и в зрелом возрасте представители мужского пола чаще используют замещение, чем представители женского пола. Описаны связи между защитным и совладающим поведением в юношеском и зрелом возрасте. Установлено, что в юношеском возрасте конфронтативный копинг, проявляющийся через агрессивные усилия, направленные на активное отстаивание своего мнения и желаний в отношениях с окружающими и попытки добиться своего, через хаотичную деятельность не меняющий ситуацию, тесно связан с механизмами психологической защиты. Замещение не позволяет использовать конструктивные способы совладания и в юношеском, и в зрелом возрасте. Результаты исследования могут быть использованы для оказания психологической помощи жителям радиоактивно загрязненных территорий.

Ключевые слова: совладающее поведение, защитное поведение, трудные жизненные ситуации, юношеский возраст, зрелый возраст, жители радиоактивно загрязненных территорий

Введение

Катастрофа на ЧАЭС признана крупнейшей за всю историю человечества, а тяжелейшие последствия этой аварии растянуты во времени. Установлено, что социально-психологические последствия связаны не только с самой катастрофой, так как радиация непосредственно не ощущается, но и с недостатком, особенно на начальном этапе, адекватной информации, с интерпретацией информации населением, и с принимающимися решениями по защите и реабилитации пострадавших территорий (Мухина, 1999; Моляко, 2016 и др.)

Данные многочисленных исследований показывают, что катастрофа на ЧАЭС привела к целому ряду психологических проблем, в частности, к восприятию себя

как жертвы, безынициативности, социальному безразличию, плохой адаптации к новой среде и ожиданиям внешней поддержки (Мухина, 1999; Моляко, 2015; Хавыло, 2015 и др.)

В ряде исследований отмечались высокий уровень ситуативной и общей эмоциональной напряженности, повышенная тревожность, и, в частности, радиотревожность, страх, скрытая паника, выраженность жизненных реакций у жителей радиоактивно загрязненных территорий. (Румянцева, Марголина, Плыплина, 1997; Хавыло, 2015 и др.). В настоящее время уровень социально-психологической напряженности населения, проживающего на экологически неблагоприятных территориях, снизился, но полностью не нормализовался (Хавыло, 2015).

Проблема совладающего и защитного поведения активно изучается зарубежными (Amirkhan, 1990; Billings, 1984; Folkman, Lazarus, 1998; Frydenberg, 2004; Heim, 1988; Maddi, 1999; Plutchik, Kellerman, Conte, 1979; Skinner, Edge, 2002; Weber, 2003 и др.) и отечественными психологами (Романова, Гребенников, 1996; Нартова-Бочавер, 1997; Ялтонский, Сирота, 2008; Вассерман, Абабков, Трифонова, 2010; Грановская, Никольская, 2010; Крюкова, Гушина, 2015 и др.). В предыдущих исследованиях изучалось совладающее поведение на разных этапах возрастного развития (Борисова, Ермакова, 2017; Borisova, 2017). Интерес к данной проблеме в настоящее время только растет. В современном обществе люди разных возрастов сталкиваются с огромным количеством трудных, в том числе и стрессовых, ситуаций. Главная задача совладающего и защитного поведения состоит в том, чтобы помочь человеку снять напряжение и сохранить самоуважение в этих ситуациях. *Защитное поведение* реализуется через различные механизмы психологической защиты и срабатывает без участия сознания человека, *совладающее поведение* осуществляется через стратегии совладающего поведения, которые человек реализует осознанно. Психологическая защита позволяет устранить психотравму путем бессознательной переработки тревожной информации, что приводит к ее игнорированию, искажению, фальсификации, либо к снижению эмоциональной значимости (Грановская, Никольская, 2010). Совладающее поведение связано с осознанными и целенаправленными усилиями и действиями по преодолению возникающих трудностей (Грановская, Никольская, 2010).

Разные авторы выделяют разные механизмы и разные стратегии совладающего поведения (Heim, 1988; Amirkhan, 1990; Folkman, Lazarus, 1998; Skinner, Edge, 2002; Frydenberg, 2004). Выделяют эффективные и неэффективные механизмы и стратегии поведения в трудных жизненных ситуациях (Folkman, Lazarus, 1998; Frydenberg, 2004; Ялтонский, Сирота, 2008). Эффективные те, которые достигают своей цели и не разрушают при этом соматического и психического здоровья, не эффективные, не достигающие цели, или достигающие ее слишком большой ценой.

Совладающее поведение жителей радиоактивно загрязненных территорий изучалось в работах Т.Б. Мельницкой, Т.В. Белых (2012), А.В. Хавыло (2015). Тем не менее, в настоящее время совладающее и защитное поведение жителей разных возрастных групп, проживающих на экологически неблагоприятных территориях, является актуальной и значимой, но не достаточно изученной проблемой.

Большое значение имеет выработка конструктивного преодолевающего поведения у жителей радиоактивно загрязненных территорий, так как сам факт проживания в регионах, признанных экологически неблагополучными, может выступать как трудная жизненная ситуация. К настоящему времени выросло новое поколение людей, которые родились после аварии на Чернобыльской атомной станции. Социокультурные условия их развития и опыт непосредственного переживания травмы были другими. Тем не менее, они проживают на радиоактивно загрязненных территориях, их жизнь тесно связана с людьми, которые пострадали от аварии на Чернобыльской атомной станции и испытали на себе психологические последствия произошедшей катастрофы.

Целью эмпирического исследования было изучение и сравнение совладающего и защитного поведения жителей радиоактивно загрязненных территорий в зависимости от возраста и половой принадлежности.

Методы

В исследовании приняли участие жители региона (г. Клинцы Брянской области), пострадавшего в 1986 году от аварии на ЧАЭС, в количестве 120 человек, из них 60 человек юношеского возраста (24 юноши и 36 девушек) от 16 до 23 лет (средний возраст 19 лет), учащиеся выпускного класса школы и студенты колледжей и вузов, которые родились после аварии на атомной станции, и 60 человек зрелого возраста (18 мужчин и 42 женщин) от 30 до 53 лет (средний возраст 44 года), представители разных профессий (33 человека со средне-специальным и 27 человек с высшим образованием), которые родились до аварии на атомной станции.

Для диагностики использовались методики «Копинг-поведение в жизненных ситуациях» Н.С. Эндлера, Д.А. Паркера (адаптация Т.Л. Крюковой), «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса (адаптация Т.Л. Крюковой, Е.В. Куфтык) и «Индекс жизненного стиля» Р. Плутчика (адаптация Е.С. Романовой, Л.Р. Гребенникова).

Для оценки статистической значимости различий между показателями групп использовался непараметрический *U*-критерий Манна—Уитни и коэффициент корреляции Спирмена (r_s). Статистический анализ полученных результатов проводился с помощью пакета прикладных программ *SPSS 22*.

Результаты и обсуждение

На начальном этапе исследования все испытуемые были разделены на группы в зависимости от возраста и половой принадлежности. Описательная статистика основных переменных исследования представлена в таблицах 1—3.

У юношей и девушек все виды совладающего поведения, кроме эмоционально-ориентированного копинга, выражены примерно одинаково (табл. 1). Эмоционально-ориентированный копинг чаще используют девушки, чем юноши. Данный вид копинга есть следствие эмоционального реагирования на ситуацию в виде изменения собственных установок в отношении ситуации и проявляется в виде погружения в собственные переживания, самообвинения, вовлечения других в свои переживания. Статистическая достоверность различий с помощью *U*-критерия Манна—Уитни не установлена.

Таблица 1

**Типы совладающего поведение в юношеском и зрелом возрасте
(по методике «Копинг-поведение в жизненных ситуациях» Н.С. Эндлера, Д.А. Паркера
в адаптации Т.Л. Крюковой)
[Types of coping behavior in adolescence and adulthood (the technique of “Coping behavior
in life situations” by N.S. Endler, D.A. Parker in the adaptation by T.L. Kryukova)]**

Возраст	Пол	M и σ	Типы совладающего поведения				
			ПОК	ЭОК	КОИ	О	СО
Юношеский	Мужской $n = 24$	<i>M</i>	54,50	46,38	40,88	18,37	14,00
		σ	12,783	11,032	4,454	4,868	3,295
	Женский $n = 36$	<i>M</i>	54,92	49,00	40,92	18,17	14,75
		σ	7,740	11,992	7,229	4,629	2,958
	Всего $n = 60$	<i>M</i>	54,75	47,95	40,90	18,25	14,45
		σ	9,695	11,395	6,129	4,598	3,034
Зрелый	Мужской $n = 18$	<i>M</i>	43,50	38,17	32,67	14,83	11,50
		σ	10,035	9,642	5,715	4,167	2,429
	Женский $n = 42$	<i>M</i>	57,07	44,07	41,64	18,43	14,93
		σ	6,522	10,716	6,021	3,390	2,702
	Всего $n = 60$	<i>M</i>	53,00	42,30	38,95	17,35	13,90
		σ	9,814	10,524	7,156	3,911	3,024

Примечание. ПОК — проблемно-ориентированный копинг, ЭОК — эмоционально-ориентированный копинг, КОИ — копинг, ориентированный на избегание, О — отвлечение, СО — социальное отвлечение, *M* — среднее значение, *n* — количество человек, σ — среднеквадратичное отклонение.

В зрелом возрасте у женщин все стратегии совладающего поведения более выражены по сравнению с мужчинами. С помощью *U*-критерия Манна—Уитни установлены статистически значимые различия по проблемно-ориентированному копингу ($p = 0,005$), копингу, ориентированному на избегание ($p = 0,0012$) и социальному отвлечению ($p = 0,015$). Женщины чаще, чем мужчины в трудной жизненной ситуации пытаются решить проблему или отвлечься от проблемы, в том числе, и за счет общения с другими людьми.

Проблемно ориентированный копинг, чаще всего, относят к конструктивным способам поведения, а поиск социальной поддержки может привести как к конструктивным, так и к неконструктивным последствиям. Копинг, ориентированный на избегание, в большинстве случаев, считают неконструктивной стратегией поведения, так как при его использовании, проблема не решается и не перестает существовать. Однако бывают ситуации, когда уместно применять данный вид поведения, например, когда решение проблемы в данный момент невозможно и/или не зависит от человека. Если избегание не превращается в стилевую защиту, которую человек использует в большинстве трудных жизненных ситуаций, то в репертуаре совладающего поведения полезно иметь такую стратегию защиты наряду с другими стратегиями поведения.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что женщины лучше, чем мужчины владеют сознательными стратегиями поведения, которые позволяют им справляться со сложными жизненными ситуациями.

Полученные данные согласуются с результатами исследования А.В. Хавыло (2015), в котором установлено, что фактор пола оказывает влияние на выражен-

ность поведенческих копинг-стратегий жителей радиоактивно загрязненных территорий.

Все стратегии совладающего поведения в юношеском возрасте более выражены, чем в зрелом возрасте. Наиболее сильные различия между двумя группами испытуемых выявлены по эмоционально-ориентированному копингу. В юношеском возрасте чаще, чем в зрелом возрасте в трудных жизненных ситуациях используется поведение, направленное на регуляцию эмоционального состояния. Но статистически значимых различий с помощью *U*-критерия Манна—Уитни не установлено.

Таблица 2

**Стратегии совладающего поведения в юношеском и зрелом возрасте
(по методике «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса в адаптации
Т.Л. Крюковой, Е.В. Куфтяк)
[Strategies for coping behavior in adolescence and adulthood (the technique “Methods
of co-ordinating behavior” by R. Lazarus in the adaptation by T.L. Kryukova, E.V. Kuftyak)]**

Возраст	Пол	M и σ	Стратегии совладающего поведения							
			КК	Д	С	ПСП	ПО	БИ	ПРП	ПП
Юношеский	Мужской <i>n</i> = 24	<i>M</i>	58,3	57,6	64,3	54,9	65,6	58,9	63,2	66,1
		σ	10,7	11,9	10,8	17,4	16,3	12,1	21,0	10,0
	Женский <i>n</i> = 36	<i>M</i>	51,9	51,9	60,7	62,5	74,3	55,9	60,2	59,1
		σ	10,4	13,1	11,5	14,6	12,5	14,8	18,8	13,7
	Всего <i>n</i> = 60	<i>M</i>	54,4	54,2	62,1	59,4	70,8	57,1	61,4	61,9
		σ	10,8	12,6	11,1	15,8	14,4	13,5	19,2	12,6
Зрелый	Мужской <i>n</i> = 18	<i>M</i>	44,4	46,3	50,8	54,7	51,4	36,1	48,1	37,1
		σ	17,6	18,2	17,0	9,6	33,1	24,2	13,0	19,9
	Женский <i>n</i> = 42	<i>M</i>	43,2	54,4	58,2	54,4	54,2	45,5	65,5	59,5
		σ	9,6	9,0	11,7	20,6	28,8	11,9	16,5	17,9
	Всего <i>n</i> = 60	<i>M</i>	43,6	52,0	56,0	54,5	53,3	42,7	60,3	52,8
		σ	12,0	12,5	13,5	17,7	29,3	16,5	17,2	20,9

Примечание. КК — конфронтативный копинг, Д — дистанцирование, С — самоконтроль, ПСП — поиск социальной поддержки, ПО — принятие ответственности, БИ — бегство-избегание, ПРП — поиск решения проблемы, ПП — положительная переоценка, *M* — среднее значение, *n* — количество человек, σ — среднеквадратичное отклонение.

Юноши умеренно используют конфронтативный копинг (табл. 2), дистанцирование, поиск социальной поддержки, бегство-избегание (показатели от 40 до 60 баллов включительно) и выраженное предпочтение отдают положительной переоценке, принятию ответственности, самоконтролю и поиску решения проблемы (показатели > 60 баллов). Девушки умеренно используют конфронтативный копинг, дистанцирование, бегство-избегание, положительную переоценку и выраженное предпочтение отдают принятию ответственности, поиску социальной поддержки, самоконтролю и поиску решения проблемы.

У юношей по сравнению с девушками более выражены конфронтативный копинг, дистанцирование, самоконтроль, бегство-избегание, поиск решения проблемы, положительная самооценка и менее выражены поиск социальной поддержки, принятие ответственности. Наиболее сильные различия зафиксированы по конфронтативному копингу, который, чаще используют юноши и поиску социальной поддержки, которая более выражена у девушек. Полученные данные

могут быть обусловлены гендерными социальными различиями, существующими в нашей культуре. Но статистически значимых различий с помощью *U*-критерия Манна—Уитни не выявлено.

Мужчины все стратегии совладающего поведения, кроме бегства-избегания и положительной переоценки, используют на среднем уровне. Бегство-избегание и положительная переоценка мужчинами используются редко. Женщины все стратегии совладающего поведения, кроме планирования решения проблемы, используют на среднем уровне. Планированию решения проблемы женщины отдают предпочтение в трудных жизненных ситуациях.

У мужчин, по сравнению с женщинами, все виды копинга, кроме конфронтативного копинга и поиска социальной поддержки, менее выражены. Конфронтативный копинг и поиск социальной поддержки выражены приблизительно одинаково. Статистически значимых различий с помощью *U*-критерия Манна—Уитни не выявлено. Наиболее сильные различия в группе взрослых мужчин и женщин зафиксированы по планированию решения проблемы и положительной переоценке, которые лучше развиты у женщин и относятся к конструктивным способам совладающего поведения. Таким образом, значимых различий не выявлено, но женщины, несмотря на то, что иногда и могут быть излишне рациональны, чаще, чем мужчины используют конструктивные стратегии поведения.

В юношеском возрасте все стратегии совладающего поведения более выражены по сравнению со зрелым возрастом. С помощью *U*-критерия Манна—Уитни обнаружены статистически значимые различия по конфронтативному копингу ($p = 0,006$), принятию ответственности ($p = 0,035$), бегству-избеганию ($p = 0,006$). В юношеском возрасте чаще, чем в зрелом, предпринимаются попытки разрешения проблемы за счет не всегда целенаправленной поведенческой активности, осуществления конкретных действий, направленных либо на изменение ситуации, либо на отреагирование негативных эмоций в связи с возникшими трудностями. Чаще всего эту стратегию поведения относят к неадаптивным, хотя при умеренной выраженности, она может помочь человеку активно противостоять трудностям и стрессогенному воздействию. Стратегия бегства-избегания выражается в отрицании или отвлечении от проблемы, фантазировании и других способах ухода от проблемы, поэтому чаще всего, ее относят к неконструктивным, хотя в некоторых ситуациях такая тактика поведения может принести определенную пользу. Принятие ответственности предполагает понимание своей роли в возникновении проблемы, и, чаще всего, относится к конструктивным стратегиям поведения. У юношей и девушек данная стратегия поведения выражена чрезмерно, что может приводить к неоправданной самокритике, переживанию чувства вины, неудовлетворенности собой. Данные особенности могут способствовать развитию депрессивных состояний. Таким образом, хотя юноши и девушки и пытаются справиться с трудными стрессовыми ситуациями, можно говорить о том, что для этого они чаще выбирают неконструктивные способы поведения, чем мужчины и женщины.

У юношей, из всех механизмов психологической защиты, более выражены проекция и рационализация, и менее выражены отрицание и гиперкомпенсация (табл. 3). У девушек доминируют проекция и отрицание, реже всего используют-

ся замещение и вытеснение. Общая напряженность психологической защиты у юношей выше, чем у девушек.

Таблица 3

**Психологические защиты в юношеском и зрелом возрасте
(по методике «Индекс жизненного стиля» Р. Плутчика в адаптации
Е.С. Романовой, Л.Р. Гребенникова)**

**[Psychological protection in adolescence and adulthood (the method of “Index of life style”
by R. Plutchik in the adaptation by E.S. Romanova, L.R. Grebennikov)]**

Возраст	Пол	M и σ	Психологические защиты								
			Вытеснение	Регрессия	Замещение	Отрицание	Проекция	Компенсация	Гиперкомпенсация	Рационализация	ОНЗ
Юношеский	Мужской n = 24	M	32,5	42,6	42,5	25,0	67,7	38,8	27,5	44,8	40,9
		σ	10,4	22,1	24,9	13,5	26,2	14,6	17,5	13,3	12,9
	Женский n = 36	M	28,3	31,9	19,2	37,1	58,3	32,5	29,2	34,7	34,3
		σ	19,5	14,7	16,2	15,7	21,0	19,1	14,4	20,4	9,5
	Всего n = 60	M	30,0	36,1	28,5	32,3	62,1	35,0	28,5	38,8	37,0
		σ	16,2	18,3	22,8	15,7	23,0	17,3	15,3	18,2	11,2
Зрелый	Мужской n = 18	M	48,3	23,6	33,3	40,9	55,6	23,3	23,3	30,6	34,4
		σ	24,8	17,4	22,5	14,9	28,7	18,6	19,7	20,2	11,5
	Женский n = 42	M	30,0	21,4	10,7	44,8	55,4	17,9	22,9	39,3	30,6
		σ	18,0	15,9	9,2	14,9	24,8	14,8	13,3	16,2	9,8
	Всего n = 60	M	35,5	22,1	17,5	43,7	55,4	19,5	23,0	36,7	31,7
		σ	21,4	16,0	17,4	14,6	25,3	15,7	14,9	17,4	10,2

Примечание. ОНЗ — общая напряженность психологической защиты, M — среднее значение, n — количество человек, σ — среднеквадратичное отклонение.

Мужчины, чаще всего, используют проекцию и вытеснение, реже всего — компенсацию, гиперкомпенсацию и регрессию. У женщин более выражены — проекция и отрицание, менее выражены — замещение и компенсация. Общая напряженность психологической защиты у мужчин выше, чем у женщин.

Во всех группах испытуемых среди всех механизмов психологической защиты преобладает проекция. Причем, в юношеских группах проекция более выражена, чем во взрослых. *Проекция* это механизм психологической защиты, с помощью которого осуществляется бессознательный перенос неприемлемых собственных чувств, желаний и стремлений на других, в целях перекаладывания ответственности за то, что происходит внутри «Я», — на окружающий мир (Грановская, Никольская, 2010). Полученные результаты соотносятся с данными исследования Т.Б. Мельницкой, Т.В. Белых (2012), которые установили, что большинство жителей радиоактивно загрязненных территорий не желают брать на себя ответственность за свою жизнь, а пассивно ожидают медицинской и социальной помощи без каких-либо самостоятельных действий, направленных на разрешение своих проблем.

С помощью *U*-критерия Манна—Уитни обнаружены статически значимые различия между юношами и девушками ($p = 0,031$) и мужчинами и женщинами ($p = 0,015$) по замещению. У юношей и мужчин замещение более выражено, чем

девушек и женщин. *Замещение* это механизм психологической защиты, который осуществляется с помощью переноса реакции с недоступного на доступный объект, или замены неприемлемого действия — приемлемым (Грановская, Никольская, 2010). Например, при замещении объекта, если на человека накричал начальник, и он не может ответить, чтобы не потерять свой статус или работу, то он может прийти домой, и накричать на своих близких, и тем самым снять возникшее напряжение. При замещении потребности, некоторые мужчины проявляют большую любовь к своей машине, нежели к жене, дают ей имя, следят за ее состоянием, она становится объектом любви.

Таблица 4

Коэффициенты корреляции между защитным и совладающим поведением в юношеском возрасте
[Correlation between protective and coping behavior in adolescence]

Психологические защиты	Типы и стратегии совладающего поведения												
	КК	Д	С	ПСП	ПО	БИ	ПРП	ПП	ПОК	ЭОК	КОИ	О	СО
Вытеснение	0,236	0,251	0,000	-0,176	-0,045	-0,189	0,049	0,132	0,108	-0,078	0,134	0,107	0,01
Регрессия	0,264*	0,112	-0,044	-0,189	-0,143	0,028	-0,089	0,248	-0,025	0,127	-0,002	0,097	-0,128
Замещение	0,331**	0,112	-0,113	-0,441**	-0,189	0,124	-0,084	0,102	-0,011	0,101	-0,130	0,108	-0,258*
Отрицание	0,237	0,035	0,154	0,086	0,26	-0,128	0,289*	-0,006	0,248	-0,127	-0,024	-0,152	0,162
Проекция	0,321*	0,247	-0,251	-0,007	0,182	0,004	0,234	0,208	-0,112	0,108	-0,036	0,43	-0,063
Компенсация	0,327*	0,026	-0,032	-0,146	-0,066	0,106	0,096	-0,011	0,040	0,064	-0,039	0,064	-0,086
Гиперкомпенсация	0,282*	0,089	0,048	-0,032	0,121	0,134	-0,044	0,078	-0,144	0,131	-0,118	-0,026	-0,076
Рационализация	0,036	-0,048	-0,048	-0,028	-0,001	-0,042	0,152	0,048	0,152	-0,354*	-0,158	-0,398*	-0,048
ОНЗ	0,357*	0,124	-0,082	-0,384*	-0,112	0,050	-0,004	0,039	0,018	0,005	-0,132	-0,078	-0,154

Примечание. КК — конфронтативный копинг, Д — дистанцирование, С — самоконтроль, ПСП — поиск социальной поддержки, ПО — принятие ответственности, БИ — бегство-избегание, ПРП — поиск решения проблемы, ПП — положительная переоценка, ПОК — проблемно-ориентированный копинг, ЭОК — эмоционально-ориентированный копинг, КОИ — копинг ориентированный на избегание, О — отвлечение, СО — социальное отвлечение.

* $p \leq 0,05$; ** $p \leq 0,01$.

Как видно из таблицы 4, в юношеском возрасте обнаружены прямые корреляции между различными механизмами психологической защиты (регрессия ($r_s = 0,264$; $p \leq 0,05$), замещение ($r_s = 0,331$; $p \leq 0,01$), проекция ($r_s = 0,321$; $p \leq 0,05$), компенсация ($r_s = 0,327$; $p \leq 0,05$), гиперкомпенсация ($r_s = 0,282$; $p \leq 0,05$), общая напряженность психологической защиты ($r_s = 0,357$; $p \leq 0,05$)) с конфронтативным копингом. Чем сильнее регрессия, замещение, проекция, компенсация, гиперкомпенсация, общая напряженность психологической защиты, тем выше конфронтативный копинг. Таким образом, в юношеском возрасте агрессивные усилия, направленные на активное отстаивание своего мнения и желаний в отношениях с окружающими и попытки добиться своего, через хаотичную деятельность не связанную с изменением ситуации, носят ярко выраженный защитный характер.

Установлена также прямая корреляция между отрицанием и поиском решения проблемы ($r_s = 0,289$; $p \leq 0,05$). Это связь не совсем логична, но, по всей видимости, даже отрицая проблему, юноши и девушки понимают, что проблема все-таки существует и требует решения.

Выявлены обратные корреляции между замещением и поиском социальной поддержки ($r_s = -0,686; p \leq 0,01$), между замещением и социальным отвлечением ($r_s = -0,258; p \leq 0,05$), между общей напряженностью защиты и поиском социальной поддержки ($r_s = -0,384; p \leq 0,05$). Чем сильнее замещение, тем слабее поиск социальной поддержки и социальное отвлечение. Через замещение юноши и девушки разряжают негативные эмоции, возникшие при общении с людьми, которым они не могут ответить. Происходит перенос агрессии на других людей, чаще всего родных и близких. Чем выше общая напряженность психологической защиты, тем ниже поиск социальной поддержки. Когда бессознательно в трудных жизненных ситуациях срабатывают механизмы психологической защиты, юноши и девушки не обращаются за эмоциональной, информационной и деятельной помощью к сверстникам и взрослым. Фиксация на более примитивных способах снятия напряжения может быть связана с неблагоприятными условиями в микро-социальном окружении, когда ограничен доступ к социальной поддержке и социальному отвлечению.

Обнаружена обратная корреляция между рационализацией и эмоционально-ориентированным копингом ($r_s = -0,354; p \leq 0,05$), рационализацией и отвлечением ($r_s = -0,398; p \leq 0,05$). Чем выше рационализация, тем ниже эмоционально-ориентированный копинг и отвлечение. *Рационализация* это защита на уровне мышления, состоящая в осознанном использовании только той части отраженной информации, благодаря которой собственное поведение выглядит как хорошо контролируемое и не противоречащее объективным обстоятельствам. Рационализацию относят к зрелым механизмам защитного поведения, но, она, как и всякая другая защита, включается неосознанно и приводит к утере части объективной информации. Эмоционально-ориентированный копинг, (временно помогающий, через стабилизацию эмоционального состояния) и отвлечение (занятие другим делом) относительно адаптивны, но это способы поведения характеризующиеся осознанностью и адекватным восприятием действительности.

Тесная связь конфронтативного копинга и защитного поведения показывает его импульсивную, неосознаваемую и, следовательно, не рациональную природу. В связи с этим, при применении данной стратегии поведения может наблюдаться враждебность, конфликтность, неоправданное упорство, недостаточная целенаправленность и рациональная обоснованность поведения в проблемной ситуации. Все другие стратегии совладающего поведения в юношеском возрасте не имеют связи с защитным поведением или имеют связь с одним механизмом психологической защиты.

Таблица 5

**Коэффициенты корреляции между защитным и совладающим поведением в зрелом возрасте
[Correlation between protective and coping behavior in adulthood]**

Психологические защиты	Типы и стратегии совладающего поведения												
	КК	Д	С	ПСП	ПО	БИ	ПРП	ПП	ПОК	ЭОК	КОИ	О	СО
Вытеснение	-0,064	0,038	-0,158	0,201	0,089	0,136	-0,122	-0,008	-0,244	0,101	-0,002	0,236	-0,214
Регрессия	-0,009	0,236	0,086	0,117	0,241	0,248	-0,138	0,187	-0,264*	0,287*	0,134	0,295*	-0,054
Замещение	-0,096	0,111	-0,114	-0,352**	0,112	0,026	-0,250	-0,122	-0,412**	-0,029	-0,118	0,120	-0,421**
Отрицание	-0,165	-0,132	-0,101	0,046	-0,212	-0,101	0,127	0,036	0,123	-0,132	0,138	0,085	0,142
Проекция	-0,226	-0,222	0,058	0,164	-0,112	-0,14	-0,046	0,118	-0,078	-0,086	0,132	0,126	0,101

Психологические защиты	Типы и стратегии совладающего поведения												
	КК	Д	С	ПСП	ПО	БИ	ПРП	ПП	ПОК	ЭОК	КОИ	О	СО
Гипер-компенсация	-0,158	-0,086	-0,142	0,034	-0,144	-0,112	-0,056	0,152	0,002	-0,078	0,201	0,158	0,038
Рационализация	-0,154	-0,088	0,204	0,198	-0,006	0,008	0,236	0,287*	0,258	0,096	0,243	0,121	0,248
ОНЗ	-0,329*	0,002	-0,026	0,236	-0,046	0,08	-0,016	0,236	-0,132	0,058	0,152	0,248	-0,006

Примечание. КК — конфронтативный копинг, Д — дистанцирование, С — самоконтроль, ПСП — поиск социальной поддержки, ПО — принятие ответственности, БИ — бегство-избегание, ПРП — поиск решения проблемы, ПП — положительная переоценка, ПОК — проблемно-ориентированный копинг, ЭОК — эмоционально-ориентированный копинг, КОИ — копинг ориентированный на избегание, О — отвлечение, СО — социальное отвлечение.

* $p \leq 0,05$; ** $p \leq 0,01$.

Как видно из таблицы 5, установлены прямые корреляции между рационализацией и положительной переоценкой ($r_s = 0,287$; $p \leq 0,05$), регрессией (возвращение к более ранним детским формам поведения) и эмоционально-ориентированным копингом ($r_s = 0,287$; $p \leq 0,05$), регрессией и отвлечением ($r_s = 0,295$; $p \leq 0,05$). Рационализация считается зрелым механизмом защиты, в котором ведущую роль играет мышление. Положительная переоценка, чаще всего, есть конструктивный способ совладания, при котором происходит переосмысление трудной жизненной ситуации, что может способствовать личностному росту. Чем выше рационализация, тем выше положительная переоценка. *Регрессия* относится к примитивным формам защиты, при этом человек возвращается к более ранним детским формам поведения. Эмоциональное совладание и отвлечение, чаще всего, относятся к неконструктивным способам поведения. Чем сильнее регрессия, тем сильнее эмоционально-ориентированный копинг и отвлечение. Таким образом, в зрелом возрасте конструктивный способ совладания связан со зрелой защитой, которая формируется в подростковом возрасте, и является одной из основных защит взрослого человека. В основе неконструктивных способов совладания лежат примитивные механизмы защиты, которые формируются на ранних этапах онтогенеза.

Выявлены обратные корреляции между компенсацией и конфронтативным копингом ($r_s = -0,278$; $p \leq 0,05$), общей напряженностью защиты и конфронтативным копингом ($r_s = -0,397$; $p \leq 0,05$), замещением и поиском решения проблемы ($r_s = -0,352$; $p \leq 0,01$), регрессией и проблемно-ориентированным копингом ($r_s = -0,264$; $p \leq 0,05$), замещением и проблемно-ориентированным копингом ($r_s = -0,412$; $p \leq 0,01$), замещением и социальным отвлечением ($r_s = -0,421$; $p \leq 0,01$). Чем сильнее компенсация и общая напряженность психологической защиты, тем слабее конфронтативный копинг. Чем выше замещение, тем ниже поиск решения проблемы, проблемно-ориентированный копинг и социальное отвлечение. Чем сильнее регрессия, тем менее вероятно, что человек сможет сосредоточить свои усилия на решении, возникших проблем. Если замещение и регрессия являются стилевыми защитами, то это мешают человеку использовать конструктивные сознательные стратегии поведения в трудных жизненных ситуациях. Полученные данные показывают, что психологические защиты и совла-

дающее поведение в зрелом возрасте часто есть альтернативные формы поведения в трудных жизненных ситуациях.

Выводы

В ходе проведенного исследования было установлено, что юноши и девушки, мужчины и женщины справляются с трудными жизненными ситуациями за счет разных стратегий поведения.

Юноши и девушки чаще используют неконструктивные способы совладающего поведения для того, чтобы справиться с трудными стрессовыми ситуациями, по сравнению с мужчинами и женщинами.

Женщины гораздо лучше владеют сознательными стратегиями поведения и, следовательно, более эффективно справляются с трудными стрессовыми ситуациями, по сравнению с мужчинами.

Высокая выраженность проекции как механизма психологической защиты во всех группах испытуемых свидетельствует о том, что жители радиоактивных территорий не желают брать на себя ответственность за свою жизнь, а пассивно ожидают помощи без каких-либо самостоятельных действий, направленных на разрешение своих проблем.

В юношеском и в зрелом возрасте представители мужского пола, замещение как механизм психологической защиты, который включается в трудных жизненных ситуациях бессознательно, используют чаще, чем представители женского пола.

В юношеском возрасте существуют больше связей между механизмами психологической защиты и конфронтативным копингом как стратегией совладающего поведения, чем в зрелом возрасте. Агрессивные усилия, направленные на активное отстаивание своего мнения и желаний в отношениях с окружающими и попытки добиться своего, через хаотичную деятельность, не связанную с изменением ситуации, носят в юношеском возрасте ярко выраженный защитный характер.

Замещение не позволяет использовать конструктивные способы совладания и в юношеском, и в зрелом возрасте.

Полученные результаты исследования могут быть использованы специалистами социальных служб, учебных и медицинских учреждений для помощи жителям радиоактивно загрязненных территорий в выработке эффективных способов сознательного поведения в трудных жизненных ситуациях. Данные исследования служат важной основой для реализации адресной социально-психологической помощи населению, проживающему на радиоактивно загрязненных территориях.

В будущем авторы планируют провести исследование, направленное на сравнительное изучение совладающего и защитного поведения жителей радиоактивно загрязненных территорий и жителей условно чистых территорий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Борисова И.В., Ермакова Е.А. Защитное и совладающее поведение юношей и девушек из полных и неполных семей // Вопросы психического здоровья детей и подростков. 2017. № 3 (17). С. 87—92.

- Вассерман Л.И., Абабков В.А., Трифонова Е.А.* Совладание со стрессом: теория и психодиагностика: учебно-методическое пособие / под ред. Л.И. Вассермана. СПб.: Речь, 2010. 192 с.
- Грановская Р.М., Никольская И.М.* Психологическая защита у детей. СПб.: Речь, 2010. 352 с.
- Крюкова Т.Л., Гущина Т.В.* Культура, стресс и копинг: социокультурная контекстуализация исследований совладающего поведения: монография. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2015. 236 с.
- Мельницкая Т.Б., Белых Т.В.* Особенности копинг-поведения населения, проживающего на радиоактивно загрязненных территориях России // Психологические исследования. 2012. Т. 5. № 24. С. 11. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 01.07.2017).
- Моляко В.А.* Психологические последствия Чернобыльской атомной катастрофы // Развитие личности. 2016. № 2. С. 32—52.
- Мухина В.С.* Возможность возникновения «комплекса жертвы» пострадавших от аварии на ЧАЭС // Феноменология развития и бытия личности: избр. психол. тр. Москва—Воронеж: МПСИ; МОДЭК, 1999. С. 523—527.
- Нартова-Бочавер С.К.* “Coping behavior” в системе понятий психологии личности // Психологический журнал. 1997. Т. 18. № 5. С. 20—29.
- Романова Е.С., Гребенников Л.Р.* Механизмы психологической защиты: генезис, функционирование, диагностика. Мытищи: Изд-во «Талант», 1996. 144 с.
- Румянцева Г.М., Марголина В.Я., Плыплина Д.В.* и др. Восприятие рисков населением, проживающим на загрязненных вследствие аварии на Чернобыльской АЭС территориях // Радиация и риск. Вып. 10. 1997. С. 160—165.
- Хавыло А.В.* Социально-психологические проблемы жизнедеятельности и жизненные реакции населения радиоактивно загрязненных территорий России после аварии на Чернобыльской АЭС в отдаленном периоде: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. СПб., 2015. 16 с.
- Ялтонский В.М., Сирота Н.А.* Психология совладающего поведения: развитие, достижения, проблемы, перспективы // Совладающее поведение: современное состояние и перспективы / под ред. А.Л. Журавлева, Т.Л. Крюковой, Е.А. Сергиенко. М.: Институт психологии РАН, 2008. С. 21—54.
- Amirkhan J.H.* A factor analytically derived measure of coping: The Coping Strategy Indicator // Journal of Personality and Social Psychology. 1990. Vol. 4. P. 1066—1074.
- Billings, A.G., Moos, R.H.* Coping, stress, and social resources among audits with unipolar depression // Journal of Personality and Social Psychology. 1984. Vol. 46. No. 4. P. 877—891.
- Borisova I.V., Borisova U.N.* Conducting Behavior Features among the Pensioners with Different Gender // International Journal of Advanced Biotechnology and Research. 2017. Vol. 8. No. 3. P. 2340—2344.
- Folkman S., Lazarus R.S.* Coping as a mediator of emotion // Journal of Personal and Social Psychology. 1998. Vol. 54. P. 466—475.
- Frydenberg E.* Coping Competencies // Theory into Practice. 2004. Vol. 43. No. 1. P. 14—22.
- Heim E.* Coping and psychosocial adaptation // Journal of Mental Health Counseling. 1988. Vol. 10. P. 136—144.
- Maddi S.R.* The personality construct of hardiness: Effects on experiencing, coping, and strain // Consulting Psychology Journal: Practice and Research. 1999. Vol. 51. No. 2. P. 83—94.
- Plutchik R., Kellerman H., Conte H.R.* A structural theory of ego defenses and emotions // Emotions in personality and psychopathology / Ed. by C.E. Izard. New York: Plenum Press, 1979. P. 229—257.

Skinner E.A., Edge K. Parenting, motivation, and the development of coping. Lincoln: University of Nebraska Press, 2002. P. 77—143.

Weber H. Breaking the rules: Personal and social responses to coping norm-violations // *Anxiety, Stress and Coping: An International Journal*. 2003. Vol. 16. No. 2. P. 133—153.

© Борисова И.В., Гулакова Е.С., 2017

История статьи:

Поступила в редакцию: 3 июля 2017

Принята к печати: 22 декабря 2017

Для цитирования:

Борисова И.В., Гулакова Е.С. Совладающее и защитное поведение жителей радиоактивно загрязненных территорий в зависимости от возраста и пола // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2018. Т. 15. № 1. С. 79—93. doi: 10.22363/2313-1683-2018-15-1-79-93

Сведения об авторах:

Борисова Ирина Вадимовна — кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и профессиональной психологии Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского (Брянск, Россия). E-mail: Irmarbor1@yandex.ru

Гулакова Елена Сергеевна — студентка Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского (Брянск, Россия). E-mail: lenokgulakova@yandex.ru

COPING AND PROTECTIVE BEHAVIOR OF RESIDENTS OF RADIOACTIVE CONTAMINATED TERRITORIES DEPENDING ON AGE AND GENDER

Irina V. Borisova, Elena S. Gulakova

Bryansk State Academician I.G. Petrovski University
Bezhitskaya str., 14, Bryansk, Russia, 241036

Abstract. The article examines the results of an empirical study of the coping and protective behavior of the residents of radioactive contaminated territories, depending on age and gender. The specifics of coping and protection are revealed depending on age and gender. It is shown that young men and women more often use non-constructive ways of coping behavior to cope with difficult life situations, in comparison with adult men and women. Men are worse than women at relieving stress and maintaining self-esteem in difficult life situations through the use of coping strategies. It was established that the residents of radioactive territories do not want to take responsibility for their lives, but passively expect assistance without any independent actions aimed at resolving their problems. It was revealed that substitution as a mechanism of psychological defense is more pronounced in adolescent and mature men than in girls and women, respectively. The relationship between defensive and coping behavior in adolescence and adulthood was described. It was established that in adolescence, confrontational coping, manifested through aggressive efforts aimed at actively asserting one's opinion and desires in relations with others and trying to have one's own way, through chaotic activities that do not change

the situation, is closely related to the mechanisms of psychological defense. Substitution does not allow the use of constructive ways of coping both in adolescence and in adulthood. The results of the study can be used to provide psychological assistance to residents of radioactive contaminated areas.

Key words: coping behavior, defensive behavior, difficult life situations, youthful age, mature age, residents of radioactive contaminated territories

REFERENCES

- Amirkhan, J.H. (1990). A factor analytically derived measure of coping: The Coping Strategy Indicator. *Journal of Personality and Social Psychology*, (4), 1066—1074.
- Billings, A.G., & Moos, R.H. (1984). Coping, stress, and social resources among audits with unipolar depression. *Journal of Personality and Social Psychology*, 46(4), 877—891.
- Borisova I.V., & Borisova U.N. (2017). Conducting Behavior Features among the Pensioners with Different Gender. *International Journal of Advanced Biotechnology and Research*, 8(3), 2340—2344.
- Borisova I.V., & Ermakova E.A. (2017). Protective and coping behavior of boys and girls from full and incomplete families. *Voprosy psikhicheskogo zdorov'ya detei i podrostkov*, 3(17), 87—92. (In Russ.).
- Folkman, S., & Lazarus, R.S. (1998). Coping as a mediator of emotion. *Journal of Personal and Social Psychology*, 54, 466—475.
- Frydenberg, E. (2004). Coping Competencies. *Theory into Practice*, 43(1), 14—22.
- Granovskaya, R.M., & Nikol'skaya, I.M. (2010). *Psikhologicheskaya zashchita u detei*. St. Petersburg: Rech'. 352 p. (In Russ.).
- Heim, E. (1988). Coping and psychosocial adaptation. *Journal of Mental Health Counseling*, 10, 136—144.
- Khavylo, A. V. (2015). *Sotsial'no-psikhologicheskie problemy zhiznedeyatel'nosti i stressovye reaktsii naseleniya radioaktivno zagryaznennykh territorii Rossii posle avarii na Chernobyl'skoi AES v otdalennom periode*. PhD in Psychology Thesis. St. Petersburg, 16 p. (In Russ.).
- Kryukova, T.L., & Gushchina, T.V. (2015). *Kul'tura, stress i koping: sotsiokul'turnaya kontekstualizatsiya issledovaniy sovladayushchego povedeniya: monografiya*. Kostroma: KGU im. N.A. Nekrasova, 236 p. (In Russ.).
- Maddi, S.R. (1999). The personality construct of hardiness: Effects on experiencing, coping, and strain. *Consulting Psychology Journal: Practice and Research*, 51(2), 83—94.
- Mel'nitskaya, T.B., Belykh, T.V. (2012). Features of coping behavior of the population living on radioactively contaminated territories of Russia *Psikhologicheskie issledovaniya*, 5(24), 11. URL: <http://psystudy.ru> (Accessed: 1 July 2017). (In Russ.).
- Molyako, V.A. (2016). Psychological consequences of the Chernobyl nuclear catastrophe. *Razvitiye lichnosti*, (2), 32—52. (In Russ.).
- Mukhina, V.S. (1999). *Vozmozhnost' vzniknoveniya «kompleksa zhertvy» postradavshikh ot avarii na ChAES*. In V.S. Mukhina (Ed.). *Fenomenologiya razvitiya i bytiya lichnosti: izbrannye psikhologicheskie trudy* (pp. 523—527). Moskva-Voronezh: MPSI : MODEK Publ. (In Russ.).
- Nartova-Bochaver, S.K. (1997). “Coping behavior” in the system of concepts of the psychology of personality. *Psikhologicheskii zhurnal*, 18(50), 20—29. (In Russ.).
- Plutchik, R., Kellerman, H., & Conte, H.R. (1979). A structural theory of ego defenses and emotions. In C.E. Izard (Ed.), *Emotions in personality and psychopathology* (pp. 229—257). New York: Plenum Press.
- Romanova, E.S., & Grebennikov, L.R. (1996). *Mekhanizmy psikhologicheskoi zashchity: genezis, funkcionirovanie, diagnostika*. Mytishchi: Talant Publ. 144 p. (In Russ.).

- Rumyantseva, G.M., Margolina, V.Ya., Plyplina, D.V. et al. (1997) Perception of risks by the population living on contaminated areas due to the Chernobyl accident. *Radiatsiya i risk*, (10), 160–165. (In Russ.).
- Skinner, E.A., & Edge, K. (2002). *Parenting, motivation, and the development of coping* (pp. 77–143). Lincoln: University of Nebraska Press.
- Vasserman, L.I., Ababkov, V.A., & Trifonova, E.A. (2010). *Sovladanie so stressom: teoriya i psikhodiagnostika*. St. Petersburg: Rech' Publ. 192 p.
- Weber, H. (2003). Breaking the rules: Personal and social responses to coping norm-violations. *Anxiety, Stress and Coping: An International Journal*, 16(2), 133–153.
- Yaltonskii, V.M., & Sirota, N.A. (2008). Psikhologiya sovladayushchego povedeniya: razvitie, dostizheniya, problemy, perspektivy. In A.L. Zhuravleva, T.L. Kryukovoi, E.A. Sergienko (Eds.), *Sovladayushchee povedenie: sovremennoe sostoyanie i perspektivy* (pp. 21–54). Moscow: Institut psikhologii RAN. (In Russ.).

© Borisova, I.V., Gulakova, E.S., 2017

Article history:

Received: 3 July 2017

Revised: 21 November 2017

Accepted: 22 December 2017

For citation:

Borisova, I.V., & Gulakova, E.S. (2018). Coping and Protective Behavior of Residents of Radioactive Contaminated Territories Depending on Age and Gender. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 15 (1), 79–93. doi: 10.22363/2313-1683-2018-15-1-79-93

Bio Note:

Irina V. Borisova — PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of General and Professional Psychology, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky (Bryansk, Russia). E-mail: Irmabor1@yandex.ru

Elena S. Gulakova — student of the Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky (Bryansk, Russia). E-mail: lenokgulakova@yandex.ru

DOI 10.22363/2313-1683-2018-15-1-94-108

УДК 159.9

ОСОБЕННОСТИ КОПИНГА И МЕХАНИЗМОВ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ У ЛИЦ С АЛКОГОЛЬНОЙ ЗАВИСИМОСТЬЮ

Т.В. Чхиквадзе, Е.Н. Беляева

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Настоящая работа посвящена изучению особенностей защитно-совладающего поведения зависимой от алкоголя личности в свете необходимости оптимизации программ психотерапии аддиктивной патологии. Проведен анализ репертуара копинг-стратегий и механизмов психологической защиты при алкоголизме. В исследовании приняли участие 120 мужчин и женщин в возрасте от 30 до 60 лет; из них 62 человека — пациенты с алкогольной зависимостью, состоящие на учете в наркологическом диспансере, и 58 человек, не имеющие алкогольной зависимости. Применялись следующие психодиагностические методики: «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций — SACS» (С. Хофболл), «Индекс жизненного стиля — LSI» (Р. Плутчик, Г. Келлерман, Х.Р. Конте). В ходе проведенного анализа установлено, что у лиц с алкогольной зависимостью модель поведения «агрессивные действия» выражена на более высоком уровне, чем в выборке здоровых людей. Ведущими копинг-стратегиями как у зависимых респондентов, так и в контрольной выборке, являются «поиск социальной поддержки», «осторожные действия», «вступление в контакт». При оценке гендерных особенностей совладающего поведения выявлено, что зависимые от алкоголя женщины чаще, нежели мужчины, используют копинг «избегание» и «импульсивные действия». Доминирующими механизмами психологической защиты как у зависимых респондентов, так и в контрольной выборке, выступают «проекция», «интеллектуализация» и «отрицание». Имеются различия между группой испытуемых с алкогольной зависимостью и контрольной по степени напряженности защитных механизмов «замещение» и «компенсация»: более высокие показатели наблюдаются у больных алкоголизмом. Механизм защиты «интеллектуализация» чаще и интенсивнее проявляется у зависимых от алкоголя мужчин, «реактивные образования» — у женщин. Выявленные в ходе эмпирического исследования особенности рассматриваются как возможные «мишени» для психологической коррекции зависимой от алкоголя личности, ее способа реагирования и поведенческих стереотипов в условиях стресса.

Ключевые слова: алкогольная зависимость, копинг-стратегии, совладающее поведение, психологическая защита, механизмы защиты

Введение

В настоящее время проблема зависимости от психоактивных веществ — одна из ведущих в междисциплинарном аспекте. Это обуславливается потребностью общества в поисках эффективных мер по профилактике и превенции химических аддикций, в частности, алкоголизма, который по-прежнему остается в ряду самых сложных и опасных явлений российской действительности.

Психологический подход к пониманию сущности и природы алкогольной зависимости заключается в рассмотрении данного феномена в тесной взаимосвязи с проблематикой защитно-совладающего поведения личности в условиях стресса (Creswell, Chung, Wright, Clark, Black, Martin, 2015; Corbin, Farmer, Nolen-Hoekesma, 2013; Costa, Brody, 2013; Taner, Sahiner, Arikan, 2013). Установлено, что человек переходит от эпизодического и немотивированного потребления алкоголя к мотивированному, частому и регулярному одновременно с переживанием какого-либо кризисного периода, требующего трансформации системы ценностей, моделей поведения, деятельности, отношений (Haggett, 2015; Windle, Windle, 2015; Corbin, Farmer, Nolen-Hoekesma, 2013; Короленко, Завьялов, 1987). Личность, не способная к эффективному преодолению кризиса, испытывает интенсивное психоэмоциональное напряжение, вызванное невозможностью удовлетворения актуальных потребностей, редукция которого зачастую осуществляется посредством деструктивных форм поведения, в частности алкоголизации. Стресс-редуцирующее действие алкоголя проявляется в трансформации способа интерпретации проблемной ситуации, что создает иллюзию ее разрешения. Таким образом формируется аддиктивный вариант совладания, направленный не на устранение стрессора, а на достижение искусственного облегчения эмоционального состояния. При этом проблеморазрешающая активность личности проявляется лишь в аспекте алкоголизации (поиск спиртного и его употребление), в отношении потенциально фрустрирующих задач закрепляется выраженная пассивная позиция (Сирота, 2009; Братусь, Сидоров, 1984; Jones, 1971).

Данный подход определяет актуальность всестороннего изучения структуры механизмов психологической защиты и стратегий совладающего поведения при алкоголизме (Дмитриева, Сигаева, Приходченко, 2013; Сирота, Ялтонский, 2012; Семенов, 2008; Субботина, 2006). Выявление особенностей защитно-совладающего комплекса, обуславливающих формирование дезадаптивных форм реагирования, которые препятствуют успешному преодолению жизненных трудностей и адекватному функционированию личности, имеет чрезвычайное значение в рамках тематики повышения эффективности терапии алкогольной зависимости (Walker, Stephens, 2014; Ялтонский, Сирота, Соколова, Видерман, 2001).

В отечественной психологии комплексные исследования защитно-совладающего поведения при алкоголизме, включающего защитные механизмы и поведенческие стереотипы личности, встречаются крайне редко. В основном авторы разделяют данные феномены, уделяя пристальное внимание изучению одного из них.

Совладающее поведение зависимой личности наиболее подробно описано в работах В.М. Ялтонского и Н.А. Сироты. Согласно авторам, аддиктивное копинг-поведение характеризуется недостаточностью развития личностно-средовых копинг-ресурсов и навыков активного разрешения проблем, низкой эффективностью социально-поддерживающего процесса с направленностью социальных взаимодействий в сторону алкоголизирующихся лиц, интенсивным использованием инфантильных копинг-стратегий и механизмов психологической защиты, а также преобладанием пассивной копинг-стратегии избегание (Сирота, Ялтонский, 2012).

Свойственные избеганию уход от болезненной реальности, искажение действительности, игнорирование собственного жизненного опыта происходит под действием защитных механизмов, которые, ограждая личность от травмирующих переживаний, снижают ее критические способности и тем самым препятствуют осознанию субъективных проблем, связанных с алкоголизацией (Черенёва, 2013; Баранова, 2005; Бехтель, 1984). Наиболее ярко подобное действие психологической защиты проявляется в рамках феномена алкогольной анозогнозии. Если в дебюте алкоголизма происходит игнорирование пьянства, то впоследствии в силу невозможности отрицания интенсивной алкоголизации наблюдается смещение акцентов на преуменьшение ее масштабов, переоценку жизненных событий в желательном для алкозависимой личности направлении. Таким образом вырабатывается перцептивная защита, согласующаяся только с личностными установками больного. По мере динамики алкоголизма перцептивная защита заменяется мотивационной рационализацией — информация отбирается таким образом, чтобы она соответствовала личностным ожиданиям, гарантирующим удобное, нужное в данный момент времени заключение. Как следствие, выстраивается универсальная объяснительная система, всецело оправдывающая поведение больного. По мере прогрессирования личностной деградации отрицательный эмоциональный компонент пьянства обесценивается — редуцируется или исчезает.

Определенные механизмы психологической защиты могут становиться ведущими на разных этапах алкоголизма, сменяя друга и приобретая различную степень деструктивности по мере динамики заболевания. Среди доминирующих защитных механизмов в литературных источниках, посвященных проблематике алкогольной зависимости, упоминаются отрицание, проекция, рационализация, вытеснение, девальвация, изоляция, реактивное образование и др. (Bokhan, Mandel, Stoyanova, Mazurova, Aslanbekova, 2013; Павлов, 2012; Клубова, 1991; Немчин, Цыцарев, 1989).

К сожалению, несмотря на имеющиеся данные, копинг и механизмы психологической защиты зависимой от алкоголя личности, их специфика и взаимосвязь, остаются недостаточно изученными. Кроме того, практически отсутствуют сведения о гендерных особенностях защитно-совладающего поведения при алкоголизме. Вместе с тем, на основе представлений о структуре защитных механизмов и поведенческих стереотипах личности в ситуации стресса возможна разработка психотерапевтических и психокоррекционных программ, направленных на формирование активного проблеморазрешающего поведения, позволяющего справиться с патологическим влечением к алкоголю.

Цель настоящей работы состоит в выявлении особенностей копинга и психологической защиты у лиц с алкогольной зависимостью. Объектом исследования являются копинг-стратегии и механизмы психологической защиты. Предмет исследования — особенности структуры копинг-стратегий и механизмов психологической защиты у лиц с алкогольной зависимостью.

Гипотеза исследования: структура защитно-совладающего комплекса, включающего копинг-стратегии и механизмы психологической защиты, у лиц с алкогольной зависимостью имеет отличия в сравнении с лицами без аддикции.

Процедура и методы исследования

Выборка. В исследовании приняли участие 120 человек в возрасте от 30 до 60 лет. Основную группу составили 62 человека, из них 32 мужчины и 30 женщин, средний возраст 43,5 лет. Это пациенты с алкогольной зависимостью, состоящие на учете в филиале № 2 ГКУЗ «МНПЦ наркологии ДЗМ» с диагнозом синдрома зависимости от алкоголя 2 и 3 стадии (психические и поведенческие расстройства вследствие употребления алкоголя F10.202, F10.203).

В контрольную группу вошли 58 человек, не состоящих на учете в наркологическом диспансере и не имеющих алкогольной зависимости; из них 28 мужчин и 30 женщин, средний возраст 42,9 лет. Согласно опросу контрольной выборки о частоте употребления алкоголизма: 12% никогда не употребляли алкоголь, 38% употребляют алкоголь 1 раз в месяц или реже, 40% — 2—4 раза в месяц, 10% — 2—3 раза в неделю.

Методы и методики. Оценка копинг-стратегий осуществлялась с помощью методики «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций — SACS» (С. Хофболл) в адаптации Н.Е. Водопьяновой, Е.С. Старченковой (Водопьянова, 2009). Для диагностики механизмов психологической защиты использовалась методика «Индекс жизненного стиля — LSI» (Р. Плутчик, Г. Келлерман, Х.Р. Конт) в адаптации Е.Б. Клубовой (Вассерман, Ерышев, Клубова, Петрова, Беспалько, Беребин М.А. и др., 2005).

Методы статистической обработки данных включали в себя расчет описательных статистик, *U*-критерий Манна—Уитни для независимых выборок для определения статистически достоверных различий при уровне значимости $p < 0,05$. Для обработки результатов исследования использовался статистический пакет SPSS 13.0.

Результаты и их обсуждение

Согласно полученным данным (рис. 1), у респондентов с алкогольной зависимостью в ситуации стресса на высоком уровне чаще выражены следующие модели поведения: «избегание» (56,5%), «осторожные действия» (46,8%), «агрессивные действия» (43,5%).

Преобладание пассивных стратегий совладания свидетельствует о нежелании и неспособности больных алкоголизмом разрешать проблемные ситуации посредством целенаправленных усилий. Копинг «избегание» предполагает стремление исключить всяческое взаимодействие со стрессором, намеренное игнорирование актуальных жизненных трудностей. Для «осторожных действий» характерны отказ от решительных действий, мнительность, длительное обдумывание и тщательное взвешивание всех возможных вариантов изменения ситуации, что можно расценивать как когнитивные усилия личности, направленные на дистанцирование от проблемы, уменьшение ее значимости.

Выраженность у больных алкоголизмом модели «агрессивные действия» объясняется неэффективностью пассивного копинга. Избегание проблемной ситуации отрицательно влияет на чувство самоуважения, вызывает ощущение собственного бессилия и беспомощности, что может приводить к усилению фрустра-

ции и эскалации стресса. Аффективная разрядка при этом осуществляется посредством активации агрессивного поведения.

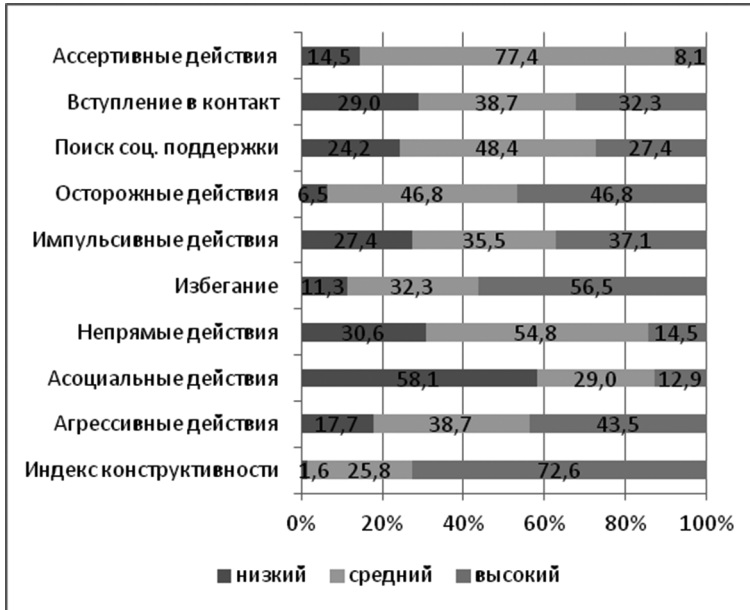

Рис. 1. Распределение респондентов с алкогольной зависимостью по уровням выраженности моделей копинг-поведения
 [Fig. 1. Distribution of respondents with alcohol dependence by levels of expression patterns of coping behavior]

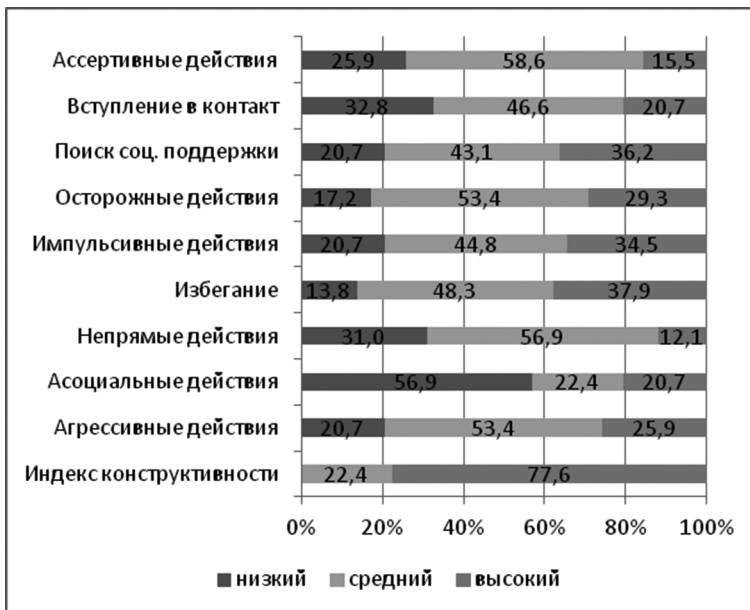

Рис. 2. Распределение респондентов без алкогольной зависимости по уровням выраженности моделей копинг-поведения
 [Fig. 2. Distribution of respondents without alcohol dependence by levels of expression patterns of coping behavior]

Таким образом, общей характеристикой совладающего поведения личности с алкогольной зависимостью, является пассивность в ситуации стресса, намеренное игнорирование актуальных жизненных трудностей. Не нейтрализованные при этом аффекты находят свое выражение в агрессивном поведении.

При рассмотрении репертуара совладающего поведения у респондентов без алкогольной зависимости (рис. 2), обнаружилось, что у большинства испытуемых копинг-стратегии представлены на среднем уровне. Исключение составили «асоциальные действия», которые согласно полученным данным, не свойственны здоровым личностям.

Примечательно, что большинство испытуемых в обеих группах имеют высокий индекс конструктивности совладающего поведения: 72,6% в основной и 76,6% в контрольной группе. Кроме того, иерархия копинг-стратегий в двух выборках имеет схожий профиль. Вероятно, это объясняется спецификой возрастного периода. В дальнейшем наличие различий двух выборок были уточнены с помощью критерия Манна—Уитни, в том числе с учетом пола респондентов. Анализ средних показал, что в обеих выборках ведущими копинг-стратегиями являются «поиск социальной поддержки», «осторожные действия», «вступление в контакт».

Сравнительный анализ моделей совладающего поведения испытуемых основной и контрольной группы выявил статистически значимые различия по копингу «агрессивные действия» ($U = 1417,0$ при $p = 0,045$), который более выражен у лиц с алкогольной зависимостью (табл. 1).

Таблица 1

Сравнительный анализ моделей совладающего поведения у респондентов с алкогольной зависимостью и в контрольной группе
[Comparative analysis of coping behavior models in respondents with alcohol dependence and control group]

Модели совладающего поведения	Лица с алкогольной зависимостью		Лица без алкогольной зависимости		U-критерий	p
	Среднее	Стандартное отклонение	Среднее	Стандартное отклонение		
Ассертивные действия	19,77	2,24	19,34	3,02	1632,0	0,380
Вступление в контакт	23,08	3,82	23,10	3,45	1795,0	0,987
Поиск социальной поддержки	22,08	3,80	22,72	3,82	1646,5	0,425
Осторожные действия	22,61	3,18	21,43	3,80	1452,0	0,068
Импульсивные действия	17,97	3,28	17,74	3,23	1762,5	0,851
Избегание	17,48	4,25	16,93	4,21	1582,5	0,256
Непрямые действия	18,50	3,84	18,52	4,31	1618,5	0,344
Асоциальные действия	14,55	3,92	14,28	4,76	1665,5	0,485
Агрессивные действия	18,11	4,51	16,60	4,27	1417,0	0,045
Индекс конструктивности стратегий поведения	1,35	0,33	1,41	0,33	1565,0	0,221

Находясь в ситуации невозможности удовлетворения актуальных потребностей, аддиктивная личность испытывает чувства неуверенности, бессилия и беспомощности, которые зачастую перерастают в стремление к разрушению. В стрессовых ситуациях деструктивные порывы, вспышки гнева и агрессии, продиктованные фрустрацией и направленные на факторы, ее вызывающие, учащаются.

При этом типичным способом снятия подобного напряжения для больного алкоголизмом является злоупотребление алкоголем.

При рассмотрении результатов сравнительного анализа стратегий совладания мужчин и женщин, имеющих алкогольную зависимость (табл. 2), видны достоверно значимые различия между группами, выявленные по копингам «импульсивные действия» ($U = 288,0$ при $p = 0,007$) и «избегание» ($U = 320,0$ при $p = 0,000$).

Таблица 2

Сравнительный анализ моделей совладающего поведения мужчин и женщин с алкогольной зависимостью
[Comparative analysis of coping behavior models among men and women with alcohol dependence]

Модели совладающего поведения	Мужчины с алкогольной зависимостью		Женщины с алкогольной зависимостью		U-критерий	p
	Среднее	Стандартное отклонение	Среднее	Стандартное отклонение		
Ассертивные действия	20,0	2,0	19,5	2,4	422,0	0,409
Вступление в контакт	23,2	4,2	22,9	3,4	416,5	0,369
Поиск социальной поддержки	21,8	4,1	22,4	3,5	455,5	0,729
Осторожные действия	22,5	3,3	22,7	3,1	461,0	0,788
Импульсивные действия	16,9	2,7	19,1	3,5	288,0	0,007
Избегание	16,4	5,0	18,6	3,0	320,0	0,024
Непрямые действия	19,2	3,8	17,8	3,8	364,5	0,102
Асоциальные действия	15,3	3,5	13,7	4,3	347,5	0,061
Агрессивные действия	17,2	4,2	19,1	4,7	365,5	0,106
Индекс конструктивности стратегий поведения	1,4	0,4	1,3	0,2	433,0	0,508

«Импульсивные действия» как форма совладающего поведения находит более интенсивное проявление у зависимых от алкоголя женщин, что свидетельствует о том, что в кризисной ситуации они в большей степени склонны к необдуманным действиям, нежели к принятию обоснованных, целесообразных решений. Импульсивность может рассматриваться как следствие изменений в мотивационной сфере алкоголизированной личности, а именно преобладания ближних мотивов и выраженной редукции дальней мотивации. Стремление к немедленному достижению желаемого результата, выражающегося в коррекции эмоционального состояния посредством алкогольного опьянения, доминирует над осознанием неблагоприятных отдаленных жизненных перспектив. Зависимые от алкоголя женщины ориентированы на мгновенный, требующий минимальных затрат, результат, а не на растянутый во времени сложно организованный процесс, так как отсроченность в данном случае обесценивает саму цель. Таким образом, усилия личности в борьбе со стрессом носят гедонистический характер, формируется пассивная позиция в отношении потенциально фрустрирующих задач.

Копинг-стратегия «избегание» также более выражена у женщин с алкогольной зависимостью. Это свидетельствует о том, что зависимые женщины в большей степени, нежели мужчины, стремятся редуцировать напряжение, вызванное стрессовой ситуацией, посредством когнитивного и поведенческого отстранения от нее. Употребление алкоголя позволяет минимизировать или исключить взаимо-

действие с проблемой, дистанцироваться, «забыться», мысленно перенестись из реальности в более благоприятный иллюзорный мир. При этом формируется тенденция к моментальному избеганию эмоционального напряжения и незамедлительному достижению удовлетворения от состояния алкогольного опьянения. Таким образом, стратегия «избегание» может рассматриваться как один из ключевых факторов формирования аддиктивного поведения.

Результаты сравнительного анализа моделей совладающего поведения позволяют сделать вывод о том, что для больных алкоголизмом в целом характерен инфантильный подход в отношении жизненных сложностей без принятия ответственности на себя, при этом в большей мере подобная стратегия поведения присуща женщинам. Общими характеристиками зависимой от алкоголя личности являются безрассудность, возбудимость, агрессивность, отсутствие внутреннего контроля поведения. Деятельность таких людей в ситуации стресса неупорядочена и импульсивна.

Результаты оценки механизмов психологической защиты (табл. 3), свидетельствуют о том, что как в группе испытуемых с алкогольной зависимостью, так и в контрольной выборке, доминирующими психологическими защитами выступают «проекция», «интеллектуализация» и «отрицание».

Таблица 3

Сравнительный анализ механизмов психологической защиты у респондентов с алкогольной зависимостью и в контрольной группе
[Comparative analysis of psychological protection mechanisms in respondents with alcohol dependence and control group]

Механизмы психологической защиты	Лица с алкогольной зависимостью		Лица без алкогольной зависимости		U-критерий	p
	Среднее	Стандартное отклонение	Среднее	Стандартное отклонение		
Вытеснение	37,26	16,71	37,41	13,71	1734,5	0,733
Регрессия	36,15	19,26	30,32	15,65	1525,5	0,150
Замещение	33,06	17,33	23,28	15,94	1176,0	0,001
Отрицание	47,51	16,90	47,96	18,79	1774,5	0,900
Проекция	54,84	23,64	60,49	22,22	1509,5	0,128
Компенсация	34,84	15,55	28,79	17,97	1378,5	0,025
Реактивные образования	36,61	20,40	31,21	19,47	1502,5	0,116
Интеллектуализация	54,44	16,72	51,72	14,95	1556,0	0,198
Индекс напряженности защит	42,02	8,85	39,09	8,53	1492,5	0,108

Общая характеристика стиля защитного реагирования у респондентов обеих выборок заключается в склонности к приписыванию собственных субъективных процессов социальному окружению, переоценке жизненных событий в желательном направлении и отрицании фактов окружающей действительности в случае, когда их переосмысление невозможно. Качественный анализ показал, что структура защитного поведения контрольной группы схожа со структурой механизмов защиты зависимых испытуемых.

Для выявления значимых различий между обеими группами испытуемых авторы провели сравнительный анализ, в результате которого было установлено, что у лиц с алкогольной зависимостью наблюдаются более высокие показатели

по шкалам «замещение» ($U = 1176,0$ при $p = 0,001$) и «компенсация» ($U = 1378,5$ при $p = 0,025$).

Действие защитного механизма «замещение» характеризуется ослаблением эмоционально-волевого контроля и проявляется в разрядке подавляемых негативных эмоций (гнев, раздражение, агрессия) путем их переноса на доступный, не представляющий значительной опасности объект. В случае больных алкоголизмом в качестве такого объекта зачастую выступает микросоциальное окружение. Интенсивное использование «замещения» осложняет межличностные отношения и усиливает социальную дезадаптацию, провоцируя развитие алкогольной зависимости.

Высокие показатели психологической защиты по типу «компенсации» у зависимых от алкоголя испытуемых объясняются тем, что в период кризиса они прибегают к употреблению алкоголя, отвергая другие компенсирующие действия или объекты как возможные способы борьбы со стрессом. Алкоголь в случае аддиктивной личности выступает универсальным компенсатором, способствующим восполнению воображаемой неполноценности, снижению эмоциональной напряженности и преодолению кризиса путем временного облегчения от состояния опьянения.

Обращает на себя внимание отсутствие значимых различий по общему индексу напряженности психологических защит, значения которого находятся в пределах нормы у обеих групп испытуемых. Можно предположить, что невысокие значения этого показателя в группе зависимых испытуемых связаны с тем, что часть эмоционального напряжения трансформируется при употреблении ими алкоголя, что и отразилось в результатах исследования.

Таблица 4

**Сравнительный анализ механизмов психологической защиты
у мужчин и женщин с алкогольной зависимостью
[Comparative analysis of psychological protection mechanisms
in men and women with alcohol dependence]**

Механизмы психологической защиты	Мужчины с алкогольной зависимостью		Женщины с алкогольной зависимостью		U-критерий	p
	Среднее	Стандартное отклонение	Среднее	Стандартное отклонение		
Вытеснение	39,69	16,36	34,67	16,97	374,500	0,130
Регрессия	33,27	17,33	39,22	20,97	397,500	0,242
Замещение	29,69	12,04	36,67	21,23	388,000	0,184
Отрицание	46,87	17,14	48,18	16,91	425,500	0,434
Проекция	54,17	17,20	55,56	29,31	473,500	0,927
Компенсация	33,13	15,33	36,67	15,83	402,000	0,259
Реактивные образования	25,63	14,13	48,33	19,67	166,000	0,000
Интеллектуализация	60,16	13,34	48,33	17,97	300,500	0,010
Индекс напряженности защит	40,59	7,10	43,55	10,30	405,500	0,293

При рассмотрении результатов исследования гендерных различий защитного поведения в группе испытуемых с алкогольной зависимостью (табл. 4) видно, что показатели по шкале «реактивное образование» выше у зависимых от алкоголя женщин ($U = 166,0$ при $p = 0,000$). Действие этого механизма защиты проявляется

ся в предотвращении неприятных или неприемлемых мыслей, чувств и поступков путем преувеличенного развития противоположных стремлений. Вероятно, в случае алкозависимой личности трансформация внутренних импульсов в их противоположность происходит в измененном состоянии сознания, которое достигается посредством употребления алкоголя.

Механизм защиты «интеллектуализация» чаще и интенсивнее проявляется у зависимых от алкоголя мужчин ($U = 300,5$ при $p = 0,010$). Это свидетельствует о том, что они в большей степени склонны к поиску логических и благовидных оснований, оправдывающих свою аддикцию. Можно предположить, что, с одной стороны, мужчины используют данную защиту для поддержания таких важных для себя характеристик, как самооценка, самоуважение, чувство собственного достоинства. С другой стороны, «интеллектуализация» защищает их от переживания вины и стыда за свое актуальное состояние, тем самым провоцируя дальнейшую алкоголизацию.

Таким образом, сравнительный анализ результатов исследования защитных механизмов дает основания утверждать, что алкозависимой личности в ситуации стресса свойственно компенсаторное поведение, выражающееся в интенсивной алкоголизации, а также стремление к редукции эмоционального напряжения посредством разрядки подавляемых аффектов в социальном окружении. При этом женщины в большей мере склонны защищаться от неприемлемых для себя чувств посредством их трансформации в противоположные, а мужчины путем когнитивной переработки конфликта с использованием псевдологических обоснований своего актуального состояния.

Выводы

1. У лиц с алкогольной зависимостью в сравнении с контрольной выборкой сильнее выражена копинг-стратегия «агрессивные действия». При этом для обеих выборок наиболее характерны модели поведения «поиск социальной поддержки», «осторожные действия», «вступление в контакт».

Полученные данные свидетельствуют о том, для совладающего поведения алкозависимой личности характерны пассивность в ситуации стресса, стремление к общению и получению помощи со стороны. Не нейтрализованные при этом аффекты находят свое выражение в агрессивном поведении.

2. Зависимые от алкоголя женщины чаще, нежели мужчины, используют преодолевающие стратегии «избегание» и «импульсивные действия». Это позволяет сделать вывод о том, что женщинам в большей мере свойственен инфантильный подход в отношении жизненных сложностей без принятия ответственности на себя. Неспособность к принятию самостоятельных целесообразных решений обуславливает склонность зависимых женщин к необдуманным, безрассудным, неупорядоченным действиям в ситуациях стресса.

3. В репертуаре механизмов психологической защиты личности в обеих выборках доминируют «проекция», «интеллектуализация» и «отрицание». Имеются различия между группой испытуемых с алкогольной зависимостью и контрольной по степени напряженности психологических защит «замещение» и «компенса-

ция»: более высокие показатели наблюдаются у больных алкоголизмом. Полученные результаты дают основание утверждать, что алкозависимой личности в ситуации стресса свойственно компенсаторное поведение, выражающееся в интенсивной алкоголизации, а также стремление к редукации эмоционального напряжения посредством разрядки подавляемых аффектов в социальном окружении.

4. Механизм защиты «интеллектуализация» чаще и интенсивнее проявляется у зависимых от алкоголя мужчин, «реактивные образования» — у женщин. Это свидетельствует о том, что в ситуации стресса женщины в большей мере склонны защищаться от неприятных для себя чувств посредством их трансформации в противоположные, а мужчины путем когнитивной переработки конфликта с использованием псевдологических обоснований своего актуального состояния.

5. Выявленные в ходе эмпирического исследования особенности могут служить «мишенями» для психологической коррекции зависимой от алкоголя личности, ее способа реагирования и поведенческих стереотипов в условиях стресса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баранова О.В.* Психологические механизмы формирования алкогольной анозогнозии // *Наркология.* 2005. № 6. С. 59—60.
- Бехтель Э.С.* Психологические защитные механизмы в клинике алкоголизма // *Журнал невропатологии и психиатрии.* 1984. Т. 84. Вып. 2. С. 244—248.
- Братусь Б.С., Сидоров П.И.* Психология, клиника и профилактика раннего алкоголизма. М.: Изд-во МГУ, 1984. 144 с.
- Вассерман Л.И., Ерышев О.Ф., Клубова Е.Б. Петрова [и др.].* Психологическая диагностика индекса жизненного стиля (Пособие для психологов и врачей). СПб.: Изд-во СПбНИПНИ им. В.М. Бехтерева, 2005. 50 с.
- Водопьянова Н.Е.* Психодиагностика стресса. СПб.: Питер, 2009. 336 с.
- Дмитриева Н.В., Сигаева А.В., Приходченко О.А.* Особенности защитно-совладающего поведения аддиктивной личности // *Психотерапия.* 2013. № 2. С. 29—33.
- Клубова Е.Б.* Исследование структуры защитных механизмов личности у больных алкоголизмом // *Обзор психиатрии и мед. психологии им. В.М. Бехтерева.* 1991. № 3. С. 70—71.
- Короленко Ц.П., Завьялов В.Ю.* Личность и алкоголь. Новосибирск: Наука, 1987. 170 с.
- Немчин Т.А., Цыцарев С.В.* Личность и алкоголизм. Л.: Медицина, 1989. 192 с.
- Павлов И.С.* Психотерапия в практике: технология психотерапевтического процесса. М.: Академический проспект; Культура, 2012. 512 с.
- Семенов С.Ю.* Влияние использования копинг-стратегий на ощущение психологического благополучия у зависимых и независимых от психоактивных веществ // *Наркология.* 2008. № 4. С. 58—64.
- Сирота Н.А.* Профилактика наркомании и алкоголизма. М.: Академия, 2009. 176 с.
- Сирота Н.А., Ялтонский В.М.* Применение и внедрение программ реабилитации и профилактики зависимого поведения как актуальная задача российской клинической психологии // *Медицинская психология в России: электрон. науч. журн.* 2012. № 2. URL: http://mpgj.ru/archiv_global/2012_2_13/nomer/nomer05.php (дата обращения: 02.12.2017).
- Субботина Л.Ю.* Деформация психологической защиты у патологически зависимой личности // *Экология человека.* 2006. № 10. С. 25—28.

- Черенёва Е.А. Защитные механизмы поведения как фактор адаптивного поведения личности // Вестник ТГПУ. 2013. № 6 (134). С. 122—126.
- Ялтонский В.М., Сирота Н.А., Соколова Е.Т., Видерман Н.С. Взаимосвязь копинг-поведения и Я-концепции у больных, зависимых от алкоголя, и условно здоровых мужчин Российской Федерации // Социальная и клиническая психиатрия. 2001. № 2. С. 36—43.
- Bokhan N.A., Mandel A.I., Stoyanova I.Ya., Mazurova L.V., Aslanbekova, N.V. Psychological Defense and Strategies of Coping in Alcohol Dependence and Co-Dependence in Women // *Journal of Psychology & Psychotherapy*. 2013. Vol. 3. No. 5. doi: 10.4172/2161-0487.1000128.
- Corbin W.R., Farmer N.M., Nolen-Hoekesma S. Relations Among Stress, Coping Strategies, Coping Motives, Alcohol Consumption and Related Problems: A Mediated Moderation Model // *Addictive Behaviors*. 2013. Vol. 38. No. 4. P. 1912—1919. doi: 10.1016/j.addbeh.2012.12.005.
- Costa R.M., Brody S. Immature Psychological Defense Mechanisms are Associated with Greater Personal Importance of Junk Food, Alcohol, and Television // *Psychiatry Research*. 2013. Vol. 209. No. 3. P. 535—539. doi: 10.1016/j.psychres.2013.06.035.
- Creswell K.G., Chung T., Wright A.G.C., Clark D.B., Black J.J., Martin C.S. Personality, Negative Affect Coping, and Drinking Alone: a Structural Equation Modeling Approach to Examine Correlates of Adolescent Solitary Drinking // *Addiction*. 2015. Vol. 110. No. 5. P. 775—783. doi: 10.1111/add.12881.
- Haggett A. Men, Alcohol and Coping // *A History of Male Psychological Disorders in Britain, 1945—1980*. London: Palgrave Macmillan. 2015. P. 82—98. doi: 10.1057/9781137448880_4.
- Jones B. *Alcoholic addiction*. London, 1971.
- Taner E., Sahiner S., Arikan Z. Coping Strategies for Patients with Alcohol Dependence Who Are in Remission or Not: a Controlled Study // *European Psychiatry*. 2013. No. 28. P. 1. doi: 10.1016/s0924-9338(13)77158-x.
- Walker R., Stephens R.S. Protective Behavioral Strategies Mediate Problem-Focused Coping and Alcohol Use in College Students // *Addictive Behaviors*. 2014. Vol. 39. No. 6. P. 1033—1037. doi: 10.1016/j.addbeh.2014.02.006.
- Windle M., Windle R.C. A Prospective Study of Stressful Events, Coping Motives for Drinking, and Alcohol Use Among Middle-Aged Adults // *Journal of Studies on Alcohol and Drugs*. 2015. Vol. 76. No. 3. P. 465—473. doi: 10.15288/jsad.2015.76.465.

© Чхиквадзе Т.В., Беляева Е.Н., 2017

История статьи:

Поступила в редакцию: 15 сентября 2017

Принята к печати: 12 января 2018

Для цитирования:

Чхиквадзе Т.В., Беляева Е.Н. Особенности копинга и механизмов психологической защиты у лиц с алкогольной зависимостью // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика*. 2018. Т. 15. № 1. С. 94—108. doi: 10.22363/2313-1683-2018-15-1-94-108

Сведения об авторах:

Чхиквадзе Тинатин Владимировна — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики Российского университета дружбы народов (Москва, Россия). E-mail: tv.chkhikvadze@yandex.ru

Беляева Евгения Николаевна — студентка магистратуры Российского университета дружбы народов (Москва, Россия). E-mail: trg174@gmail.com

PECULIARITIES OF COPING AND MECHANISMS OF PSYCHOLOGICAL DEFENSE IN PERSONS WITH ALCOHOL DEPENDENCE

Tinatin V. Chkhikvadze, Evgeniia N. Beliaeva

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

Abstract. The article is devoted to the study of the features of the defensive-coping behavior of alcohol dependent personality in the context of the necessity to optimize addiction therapy methods. An analysis of the range of coping strategies and mechanisms of psychological defense in alcoholism was conducted. The study involved 120 men and women between the ages of 30 and 60; 62 of them are patients with alcohol dependence, registered with the narcological clinic, and 58 people who do not have alcohol dependence. The following psychodiagnostic methods were used: “Strategic Approach to Coping Scale — SACS” (S. Hofball), “Life Style Index — LSI” (R. Plutchik, H. Kellerman & H.R. Conte). In the course of the analysis, it was found that behavioral pattern “aggressive actions” is expressed at a higher level in individuals with alcohol dependence. The leading coping strategies for both dependent respondents and the control sample are “seeking social support”, “cautious actions”, “coming into contact”. When assessing the gender characteristics of coping behavior, it was revealed that alcohol-dependent women use coping “avoidance” and “impulsive actions” more often than alcohol-dependent men. The dominant mechanisms of psychological defense for both dependent respondents and the control sample are “projection”, “intellectualization” and “negation”. There are differences between the group of respondents with alcohol dependence and the control group in the degree of tension of the defense mechanisms “substitution” and “compensation”: higher rates are observed in patients with alcoholism. The mechanism of defense “intellectualization” is more often and more intensively manifested in alcohol-dependent men, “reactive formations” — in alcohol-dependent women. Identified in the course of the empirical study, the features are considered as possible “targets” for the psychological correction of an alcohol-dependent personality, its way of responding and behavioral stereotypes under stress.

Key words: alcohol dependence, coping strategies, coping behavior, psychological defense, defense mechanisms

REFERENCES

- Baranova, O.V. (2005). Psikhologicheskie mekhanizmy formirovaniya alkogol'noi anozognozii. *Narkologiya*, (6), 59—60. (In Russ.).
- Bekhtel', E.S. (1984). Psikhologicheskie zashchitnye mekhanizmy v klinike alkogolizma. *Zhurnal nevrologii i psikhiatrii*, 84(2), 244—248. (In Russ.).
- Bokhan, N.A., Mandel, A.I., Stoyanova, I.Ya., Mazurova, L.V., & Aslanbekova, N.V. (2013). Psychological Defense and Strategies of Coping in Alcohol Dependence and Co-Dependence in Women. *Journal of Psychology & Psychotherapy*, 3(5). doi: 10.4172/2161-0487.1000128.
- Bratus, B.S., & Sidorov, P.I. (1984). *Psikhologiya, klinika i profilaktika rannego alkogolizma*. Moscow: MSU Publ. (In Russ.).
- Chereneva, E.A. (2013). Protective Mechanisms of Behavior as Factor of Adaptive Behavior. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 6(134), 122—126. (In Russ.).
- Corbin, W.R., Farmer, N.M., & Nolen-Hoekesma, S. (2013). Relations Among Stress, Coping Strategies, Coping Motives, Alcohol Consumption and Related Problems: A Mediated Moderation Model. *Addictive Behaviors*, 38(4), 1912—1919. doi: 10.1016/j.addbeh.2012.12.005.

- Costa, R.M., & Brody, S. (2013). Immature Psychological Defense Mechanisms Are Associated with Greater Personal Importance of Junk Food, Alcohol, and Television. *Psychiatry Research*, 209(3), 535—539. doi: 10.1016/j.psychres.2013.06.035.
- Creswell, K.G., Chung, T., Wright, A.G.C., Clark, D.B., Black, J.J., & Martin, C.S. (2015). Personality, Negative Affect Coping, and Drinking Alone: A Structural Equation Modeling Approach to Examine Correlates of Adolescent Solitary Drinking. *Addiction*, 110(5), 775—783. doi: 10.1111/add.12881.
- Dmitrieva, N.V., Sigaeva, A.V., & Prikhodchenko, O.A. (2013). Osobennosti zashchitno-sovladayushchego povedeniya addiktivnoi lichnosti. *Psikhoterapiya*, (2), 29—33. (In Russ.).
- Haggett, A. (2015). Men, Alcohol and Coping. In: Haggett, A. *A History of Male Psychological Disorders in Britain, 1945—1980* (pp. 82—98). London: Palgrave Macmillan. doi: 10.1057/9781137448880_4.
- Jones, B. (1971). *Alcoholic addiction*. London.
- Klubova, E.B. (1991). Issledovanie struktury zashchitnykh mekhanizmov lichnosti u bol'nykh alkogolizmom. *Obozrenie psikiatrii i med. psikhologii im. V.M. Bekhtereva*, (3), 70—71. (In Russ.).
- Korolenko Ts.P., & Zav'yalov V.Yu. (1987). *Lichnost' i alkogol'*. Novosibirsk: Nauka Publ. (In Russ.).
- Nemchin, T.A., & Tsytsarev, S.V. (1989). *Lichnost' i alkogolizm*. Leningrad: Meditsina Publ. (In Russ.).
- Pavlov, I.S. (2012). *Psikhoterapiya v praktike: tekhnologiya psikhoterapevticheskogo protsessa*. Moscow: Akademicheskii prospect Publ. Kul'tura Publ. (In Russ.).
- Semenov, S.Yu. (2008). Vliyaniye ispol'zovaniya koping-strategii na oshchushcheniye psikhologicheskogo blagopoluchiya u zavisimykh i nezavisimykh ot psikhoaktivnykh veshchestv. *Narkologiya*, (4), 58—64. (In Russ.).
- Sirota, N.A. (2009). Profilaktika narkomanii i alkogolizma. Moscow: Akademiya Publ. (In Russ.).
- Sirota N.A., & Yaltonskii V.M. (2012). Primeneniye i vnedreniye programm reabilitatsii i profilaktiki zavisimogo povedeniya kak aktual'naya zadacha rossiiskoi klinicheskoi psikhologii. *Meditsinskaya psikhologiya v Rossii*: http://mprj.ru/archiv_global/2012_2_13/nomer/nomer05.php (accessed: December 2, 2017). (In Russ.).
- Subbotina, L.Yu. (2006). Deformation of Psychological Defense in Pathologically Dependent Personality. *Human Ecology*, (10), 25—28. (In Russ.).
- Taner, E., Sahiner, S., & Arikan, Z. (2013). Coping Strategies for Patients with Alcohol Dependence Who Are in Remission or Not: A Controlled Study. *European Psychiatry*, (28), 1. doi: 10.1016/s0924-9338(13)77158-x.
- Vasserman L.I., Eryshev O.F., Klubova E.B., Petrova N.N., Bepal'ko, I.G., Osadchii, I.M. (2005). *Psikhologicheskaya diagnostika indeksa zhiznennogo stilya (Posobie dlya psikhologov i vrachei)*. St. Petersburg: SPbNIPNI im. V.M. Bekhtereva Publ. (In Russ.).
- Vodop'yanova, N.E. (2009). *Psikhodiagnostika stressa*. St. Petersburg: Piter Publ. (In Russ.).
- Walker, R., & Stephens, R.S. (2014). Protective Behavioral Strategies Mediate Problem-Focused Coping and Alcohol Use in College Students. *Addictive Behaviors*, 39(6), 1033—1037. doi: 10.1016/j.addbeh.2014.02.006.
- Windle, M., & Windle, R.C. (2015). A Prospective Study of Stressful Events, Coping Motives for Drinking, and Alcohol Use Among Middle-Aged Adults. *Journal of Studies on Alcohol and Drugs*, 76(3), 465—473. doi: 10.15288/jsad.2015.76.465.
- Yaltonskii, V.M., Sirota, N.A., Sokolova, E.T., & Viderman, N.S. (2001). Vzaimosvyaz' koping-povedeniya i Ya-kontseptsii u bol'nykh, zavisimykh ot alkogolya, i uslovno zdorovykh muzhchin. Rossiiskoi Federatsii. *Sotsial'naya i klinicheskaya psikiatriya*, (2), 36—43. (In Russ.)

© Chkhikvadze, T.V., Beliaeva, E.N., 2017

Article history:

Received: 15 September 2017

Revised: 24 December 2017

Accepted: 12 January 2018

For citation:

Chkhikvadze, T.V., Beliaeva, E.N. (2018). Peculiarities of Coping and Mechanisms of Psychological Defense in Persons with Alcohol Dependence. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 15 (1), 94—108. doi: 10.22363/2313-1683-2018-15-1-94-108

Bio Note:

Tinatin V. Chkhikvadze — PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Psychology and Pedagogy, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russia). E-mail: tv.chkhikvadze@yandex.ru

Evgeniia N. Beliaeva — master student, Department of Psychology and Pedagogy, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russia). E-mail: trg174@gmail.com

DOI: 10.22363/2313-1683-2018-15-1-109-116

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СОВРЕМЕННОЕ ПОЛЕ СЕМЕЙНОЙ ПСИХОТЕРАПИИ»

THE APPLIED AND SCIENTIFIC CONFERENCE “THE CONTEMPORARY FIELD OF FAMILY PSYCHOTHERAPY”

22—23 сентября 2017 г. в Москве на базе НИУ ВШЭ состоялась Первая все-российская конференция с международным участием «Современное поле семейной психотерапии». Конференция была организована Обществом семейных консультантов и психотерапевтов (ОСКИП) совместно с магистерской программой «Системная семейная психотерапия» НИУ ВШЭ, большинство преподавателей которой являются практикующими семейными психотерапевтами, при содействии Научно-практического центра психического здоровья детей и подростков им. Г.Е. Сухаревой, Московской службы психологической помощи населению, Института групповой и семейной психологии и психотерапии, Московского государственного психолого-педагогического университета, Российского университета дружбы народов.

Основной целью конференции было объединить усилия ученых и практиков из разных направлений семейной психотерапии и смежных областей для повышения эффективности психологической помощи семьям. В конференции приняли участие около 450 специалистов, оказывающих помощь семье, из более 30 городов России, а также из США, Израиля, Франции, Великобритании, Нидерландов, Греции, Финляндии, Украины, Латвии и Беларуси.

Конференцию открывало пленарное заседание (рис. 1). В своем докладе сопредседатель организационного комитета А.Я. Варга рассказала о деятельности Общества семейных консультантов и психотерапевтов, которое организовало это мероприятие. Общество существует с 1998 г. как профессиональное объединение семейных психологов. Основные цели ОСКИП состоят в профессиональной поддержке своих членов, повышении их квалификации, способствовании включению деятельности своих членов в мировое профессиональное сообщество, а также в распространении знаний о семейной психотерапии в обществе. Общество проводит супервизии сложных случаев для своих членов, издает журнал «Психология и психотерапия семьи» (familypsychology.ru), развивает сайт ОСКИП (www.supporter.ru). Ежемесячно в течении практически 20 лет ОСКИП проводит открытые бесплатные мероприятия для всех интересующихся по психологии семьи и смежным темам.

Рис. 1. Открытие конференции. Оргкомитет приветствует участников конференции
[Fig. 1. Opening Ceremony. The Organizing Committee welcomes the conference attendees]

Далее на пленарном заседании было представлено интервью с выдающимся российским философом, доктором философских наук, академиком РАН, автором фундаментальных трудов по философии науки и культуры Вячеславом Семеновичем Степиным, проведенное членом оргкомитета конференции Г.Л. Будинайте. Интервью было посвящено обсуждению важнейших для психотерапевтического сообщества тем — принципам, на которых оказывается возможным включить в область всего рационального научного знания исследование и взаимодействие с живыми системами. В интервью были охарактеризованы все три, выделяемые В.С. Степиным уровни рациональности — классической, неклассической, и пост-неклассической, был сделан акцент на особенностях ценностных принципов организации исследования и взаимодействия с живыми системами (где воздействие оказывается не отделимым от исследования), обсуждалось представление об «аттракторах» развития и фазовых переходах в функционировании живых систем. Это интервью вызвало большой интерес участников конференции, бурные обсуждения на последующих заседаниях (по многочисленным просьбам участников конференции интервью опубликовано на youtube канале магистерской программы «Системная семейная психотерапия»).

Дальнейшая работа конференции проходила по 12 направлениям (секциям). Было проведено более 90 различных мероприятий: устных и постерных докладов, круглых столов, семинаров, мастер-классов, психотерапевтических мастерских.

Секцией «Психотерапия всей семьи» руководили А.Я. Варга и М.В. Бирюкова. На секции прозвучали интересные сообщения. Е.В. Подурова сделала доклад на тему «Семья в условиях госпитализации ребёнка в психиатрический стационар». В этом исследовании анализировались ожидания и страхи семьи ребенка, помещенного на лечение в детскую психиатрическую больницу, в сочетании с ожиданиями персонала больницы. В своем сообщении «Качество ментализации в семейной коммуникации в процессе терапии» Г.А. Лайшева описала интересные клинические случаи разнообразной ментализации и способы работы с ней. С не-

подражаемым артистизмом выступил С.Э. Медведев с докладом «Реабилитация при расстройствах шизофренического спектра», в котором анализировались изоморфные системы семьи и лечебного заведения, где лечится человек, страдающий эндогенным заболеванием. Колпашиков И.Н. рассказал о «Мифах о психических заболеваниях», существующих в обществе и широко распространенных взглядах и представлениях о психических заболеваниях, зародившихся еще в XVII—XVIII вв, чему немало способствует кинопродукция. Понятно, что эти идеи мешают людям вовремя обращаться за профессиональной помощью. Также прозвучал доклад А.Л. Голубевой «Есть ли что-то особенное? ЛГБТКИА-семьи и дети в ЛГБТКИА-семье», который был посвящен трудностям адаптации детей из однополых семей в социуме. Билобрам М.А. выступила с интереснейшим сообщением на актуальную сегодня тему «Суррогатное материнство и его влияние на семейную динамику». Эта область семейной психотерапии только развивается, и тем не менее, уже получены интереснейшие клинические наблюдения.

На секции также состоялся мастер-класс профессора и директора программы Супружеской и семейной терапии в г. Сакраменто (США) Т.Н. Глебовой по трансгенерационным связям.

Работой секции «**Супружеская терапия**» руководил А.В. Черников. В рамках секции обсуждались разные модальности работы с супругами, возможные фокусы и основные темы терапии, состоялся мастер-класс А. Черникова о психотерапевтическом контакте с нарциссическими клиентами в супружеской психотерапии. Большой интерес у участников конференции вызвал круглый стол, на котором семейные терапевты — О. Андреева, Е. Жорняк, В. Москвичев, И. Хамитова, З. Симаходская, А. Черников — обсуждали возможности разных подходов в работе с супружеской парой на примере художественного фильма «Мой король».

На конференции также работала секция «**Психотерапия супружеского развода**» под руководством Г.Л. Будинайте, Л.Б. Коган-Лернер. Большой интерес участников секции вызвало офлайн сообщение, подготовленное как ответ на заранее посланные вопросы двух замечательных практикующих психологов из Голландии, которые представили свой проект “No kids in the middle”, посвященные групповой терапевтической работе с конфликтующими разведенными родителями. Проект основывается на системных и конструктивистских принципах организации помощи такой семье, в работу — в разных группах, периодически встречающихся, участвуют как оба родителя из каждой семьи, так и дети. В рамках работы сессии было представлено также интервью известного американского психолога и практика, впервые в мире введшего понятие «хороший развод», автора множества научных трудов и исследований, посвященных супружескому разводу и психологической помощи семье в этой трудной жизненной ситуации Констанс Арнос. Интервью проведенное Г.Л. Будинайте, давало возможность узнать, как сегодня доктор Арнос видит положение дел на этом профессиональном поле, какие изменения происходят сегодня, с какими трудностями и задачами тут сталкивается, по мнению Арнос, практикующий специалист.

Особое место в рамках секции занял круглый стол, в котором приняли участие, помимо практикующих психотерапевтов, медиаторы, адвокаты по разводным

делам, психологи судебной экспертизы. Обсуждение существующего положения дел на поле помощи семье, переживающей развод, получилось активным, была очевидна заинтересованность специалистов разного профиля в понимании принципов и оснований работы друг друга, а также в создании согласованной системы помощи специалистов разной модальности.

В рамках секции также прошел тренинг Т.В. Шередеко, на котором был предложен новый формат психотерапевтической работы для пар, сомневающих в том, стоит ли им оставаться вместе, либо, уже решившихся на развод, но желающие его провести наименее болезненно.

На секции **«Психотерапия ребенка в семье»**, проходившей под руководством Л.А. Кононенко, обсуждались наиболее актуальные риски нарушения психического здоровья ребенка и методы психологической профилактики и помощи, особенности психологической работы с семьями детей с особыми потребностями, возможности различных психотерапевтических подходов в разрешении насущных проблем детско-родительских отношений.

Секция по вопросам сексуальности и гендера была организована и проведена М.Р. Травковой и Н.В. Литвиновой. В рамках ее работы затрагивались проблемы гендерной идентичности и сексуальной ориентации, соотношения сексуальности и репродуктивных партнерских отношений в семье, роли психотерапевтов в сексуальном просвещении детей, обсуждались различные сложные случаи в работе сексолога и семейного психотерапевта, в частности такие вопросы, как психотерапевтическая работа с семьями, выбравшими для себя множественную модель сексуальных отношений, или обучение лиц сексуальному поведению с РАС.

На секции **«Помощь семье, столкнувшейся с проблемой зависимости»** под руководством И.А. Геронимуса обсуждались проблемы влияния созависимых отношений на функционирование семьи, возможности различных подходов семейной психотерапии в помощи таким семьям, опыт разных реабилитационных программ.

Руководителями секции **«Системная семейная психотерапия в социальной сфере»** выступили Е.Б. Жуйкова и П.С. Гальцова. На этой секции обсуждались системные характеристики семей, относящихся к социально уязвимым группам, актуальные проблемы оказания профессиональной психологической помощи таким семьям: от организационных проблем и влияния технологизации общества на работу психологов до новых программ и техник психологической помощи.

Секция **«Индивидуальная психотерапия сквозь призму системного взгляда»** была организована и проводилась Т.В. Рыцаревой. На этой секции обсуждались возможности разных подходов семейной психотерапии в работе с индивидуальными клиентами. Большой интерес у участников конференции вызвал круглый стол **«Сходства и противоречия подходов к психотерапии чувства вины»**, на котором С.В. Тимофеева, Т.В. Рыцарева, А.В. Ялтонская, К.Р. Карамян представили разные понимания природы чувства вины в стратегическом подходе, системной семейной терапии субличностей, схема-терапии, психодраме, различные стратегии и инструменты психотерапевтической работы в этих подходах; что в итоге позволило прояснить возможности интеграции сильных сторон разных подходов.

Секция **«Супервизия классической и постклассической терапевтической практики в работе с семьей»** (руководители Г.Л. Будинайте и А.А. Акбарова) была пред-

ставлена рядом докладов по проблемам супервизии, в которых прежде всего обращали на себя внимание сообщения специалистов работающих в различных профессиональных организациях — М.А. Бебчук подробно рассказала о специфике, сложностях и задачах супервизионного процесса в рамках клинического учреждения; об особенностях процесса супервизии в государственной помогающей организации рассказали Т.Ю. Катрин и К.А. Серганова. В рамках этой секции также прошел мастер-класс известного нарративного терапевта Хью Фокса, осуществленного с помощью Ксении Сухановой, и посвященный принципам и практикам супервизии в нарративном подходе.

Секция **«Семья на перекрестке культур»** под руководством Е.Ю. Чеботаревой и Е.Б. Жуйковой была посвящена работе с межкультурными семьями и семьями мигрантов. В работе секции приняли участие российские и иностранные семейные психотерапевты, работающие с межкультурными семьями и мигрантами в России, Греции, Франции, США. В частности, Е.Б. Жуйкова рассказала о своем опыте практической работы с межкультурными семьями в Греции; Е.Х. Кадиева, работающая во Франции, рассказала об особенностях переживания базовых эмоций в разных культурах; представитель Психологической коалиции ООН Ани Калайян рассказала о проекте “Meaningfulworld”, помогающем семьям в самых разных странах мира справиться с последствиями природных и социальных бедствий; основатель и директор Института межкультурного консультирования и образования Тара Пир рассказала о проблемах формирования межкультурной компетентности у семейных терапевтов. Также был представлен доклад М.М. Малышевой о кросс-культурном социологическом исследовании отцовства.

В рамках секции было проведено два мастер-класса. Испанский психотерапевт Карл Марин Херес провел мастер-класс «Любовь с акцентом: психология близких отношений с иностранцем», в котором представил свой опыт применения системной семейной терапии и гештальт-терапии в работе с межкультурными парами в России. Чеботарева Е.Ю. провела мастер-класс «Психотерапия как открытие новых миров», на котором продемонстрировала коллегам роль культурных факторов в семейной жизни и процессе терапии, возможности развития чувствительности к межкультурным особенностям клиентов семейного психотерапевта.

На секции **«Трансформационные психологические игры в работе с семьей»**, проходившей под руководством А.М. Чугуевой обсуждались возможности различных трансформационных игр в современном психологическом консультировании семейных пар и в работе с детско-родительскими отношениями, а также роль этих игр в развитии системной рефлексии. В серии мастер-классов этой секции была продемонстрирована практика применения трансформационных игр, участники конференции получили возможность проработать свои личные запросы в одной из представленных игр по выбору.

Секция **«Обучение системной семейной терапии: от формирования системного мышления до профессионального становления»** была организована представителями нескольких обучающих программ, готовящих семейных психотерапевтов, Е.Ю. Чеботаревой, Е.Б. Жуйковой, И.Ю. Хамитовой. На этой секции обсуждались современные международные требования к уровню и организации подготовки

системных семейных психотерапевтов, практика интеграция идей системного подхода в обучение семейной психотерапии в разных образовательных программах и подходах. В рамках секции также прошел круглый стол «Актуальные проблемы обучения семейной психотерапии», на котором преподаватели и студенты из разных программ обсуждали проблемы отбора необходимого и достаточного минимума из большого разнообразия подходов, методов, техник семейной психотерапии; взаимоотношения и роли в участников учебного процесса в процессе обучения семейной психотерапии; методы продвижения системного подхода среди студентов.

Кроме работы этих секций, работала секция постерных докладов молодых исследователей семьи и семейных психотерапевтов, проходили отдельные мастер-классы, свободные дискуссии, обмен профессиональной литературой. Завершилась конференция вечером воспоминаний, где те, кто стояли у истоков системной семейной психотерапии в России, рассказывали о том, как они учились у классиков, как развивали практику семейной психотерапии и создавали первые образовательные программы (рис. 2).

Рис. 2. Вечер воспоминаний «С чего все начиналось?».

Слева направо: Б.Ю. Шапиро, А.Я. Варга, Г.Л. Будинайте, Л.Р. Мошинская, А.В. Черников, М.А. Бебчук
[Fig. 2. Evening of memories “How did it all start?”.

From left to right: B.Y. Shapiro, A.Y. Varga, G.L. Budinayte, L.R. Moshinskaya, A.V. Chernikov, M.A. Bebchuk]

В рамках постконференционной программы 25 сентября 2017 г. прошел семинар «Системная семейная терапия в клинической практике», организованный М.А. Бебчук и А.М. Марченко на базе Научно-практического центра психического здоровья детей и подростков им. Г.Е. Сухаревой совместно с Институтом интегративной семейной терапии, где участники конференции получили возможность увидеть работу семейных терапевтов в рамках деятельности детской психиатрической больницы. А также в этот день на базе МГППУ прошел мастер-класс Н.Б. Кедровой «Нарушение границ в семье и их восстановление в гештальт»

подходе», где участники смогли освоить новые техники использования образов в работе с семьей в ситуации конфликта или кризиса.

Конференция «Современное поле семейной психотерапии» (рис. 3) стала большим шагом на пути объединения российских и зарубежных профессионалов, организации их сотрудничества. Среди основных результатов конференции можно указать следующие. Состоялся конструктивный диалог между представителями различных психотерапевтических школ и подходов, работающих с семьей; диалог между разными теоретическими школами, изучающими семейные взаимоотношения и роль семьи в современном обществе, был сделан анализ пересечений современной науки и практики помощи семье. Участникам конференции были представлены разнообразные научно обоснованные и апробированные методы работы с семьей. Осмыслены интеграционные процессы и их возможности в поле современной семейной психотерапии; возможности интеграции разных школ и подходов для повышения эффективности терапии. Сопоставлены позиции и роли семейных психотерапевтов и представителей смежных «помогающих» профессий, выделены наиболее эффективные пути взаимодействия.

Рис. 3. Церемония закрытия конференции
[**Fig. 3.** Closing Ceremony]

Состоялся обмен опытом по использованию и адаптации зарубежного психотерапевтического инструментария в российских реалиях; оценке его эффективности. Профессиональному сообществу продемонстрированы возможности семейной психотерапии; понимание ее актуального положения в общем поле современной мировой психотерапии. Определены актуальные вызовы и задачи по формированию современных компетенций системных семейных психотерапевтов; выявлены актуальные требования к практике обучения и формирования профессионала в области семейной психотерапии.

Проведение таких конференций планируется сделать регулярным: 1 раз в 2 года. Материалы конференции публикуются и будут продолжать публиковаться на

официальном сайте ОСКиП (www.supporter.ru), в журнале «Психология и психотерапия семьи» (familypsychology.ru), в журнале «Вестник РУДН: Серия психология и педагогика» и в других научных и практических информационных ресурсах.

© Будинайте Г.Л., Варга А.Я., Чеботарева Е.Ю., 2017

Для цитирования:

Будинайте Г.Л., Варга А.Я., Чеботарева Е.Ю. Научно-практическая конференция «Современное поле семейной психотерапии» // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика.* 2018. Т. 15. № 1. С. 109—116. doi: 10.22363/2313-1683-2018-15-1-109-116

Сведения об авторах:

Будинайте Гражина Леонардовна — кандидат психологических наук, доцент департамента психологии НИУ ВШЭ, руководитель магистерской программы «Системная семейная психотерапия», практикующий психотерапевт, член Правления Общества семейных консультантов и психотерапевтов (Москва, Россия). E-mail: grazhinabudinayte@gmail.com

Варга Анна Яковлевна — кандидат психологических наук, доцент департамента психологии НИУ ВШЭ, системный семейный психотерапевт, член Правления Общества семейных консультантов и психотерапевтов (Москва, Россия). E-mail: avarga@hse.ru

Чеботарева Елена Юрьевна — кандидат психологических наук, доцент, доцент департамента психологии НИУ ВШЭ, доцент кафедры детской и семейной психотерапии МГППУ, системный семейный психотерапевт, член Общества семейных консультантов и психотерапевтов (Москва, Россия). E-mail: chebotarevy@yandex.ru

For citation:

Budinayte, G.L., Varga, A.Y., & Chebotareva, E.Y. (2018). The Applied and Scientific Conference “The Contemporary Field of Family Psychotherapy”. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 15 (1), 109—116. doi: 10.22363/2313-1683-2018-15-1-109-116

Bio Note:

Grazhina L. Budinayte — PhD in Psychology, associate professor of the Department of Psychology of National Research University “Higher School of Economics”, Head of the Master’s Program “Systemic Family Psychotherapy”, a practicing psychotherapist, member of the Board of the Society of Family Consultants and Psychotherapists (Moscow, Russia). E-mail: grazhinabudinayte@gmail.com

Anna Y. Varga — PhD in Psychology, associate professor of the Department of Psychology of National Research University “Higher School of Economics”, systemic family psychotherapist, member of the Board of the Society of Family Consultants and Psychotherapists (Moscow, Russia). E-mail: avarga@hse.ru

Elena Y. Chebotareva — PhD in Psychology, associate professor of the Department of Psychology of National Research University “Higher School of Economics”, associate professor of the Department of Child and Family Psychotherapy of Moscow State University of Psychology and Education, systemic family psychotherapist, member of the Society of Family Consultants and Psychotherapists. E-mail: chebotarevy@yandex.ru

DOI: 10.22363/2313-1683-2018-15-1-117-120

29th GREATER NEW YORK CONFERENCE ON BEHAVIORAL RESEARCH

On November 19, 2017, student and faculty researchers from over 19 institutions converged on Fordham University (Lincoln Center) for the 29th Greater New York Conference on Behavioral Research.

This annual Greater New York Conference on Behavioral Research originated in 1989, when professors at two schools—sociologist Olga Scarpetta at John Jay College and psychologist Harold Takooshian at Fordham—wanted to give the many student researchers in their two schools a chance to present their findings. But since 1989, the Conference expanded rapidly into an annual event involving dozens of schools, and attracting student researchers from other regions and nations^{1, 2}. Each November it has been hosted by a different school—including St. Francis College, City University of New York, Hofstra, Touro, and Marymount Manhattan. The Conference is actively endorsed by a dozen organizations and institutions which encourage student research³. Since 2010, the Association for Psychological Science (APS) has kindly offered all participants a free one-year membership in APS⁴. Over the years, the Conference has drawn over 60 Guests of Honor from as far as Moscow and presents awards for student research.

This Conference included 39 presentations by 50 presenters in 12 panels of scientific presentations, selected by a review committee of faculty from 11 area colleges. About one-quarter of these presenters were student researchers delivering their first conference presentation.

The Conference Committee for this 29th Conference was chaired by Assistant Dean **Mica McKnight, MA** of Fordham University, with Fordham Dean **Elaine P. Congress**. Conference Director is **Harold Takooshian, PhD** of Fordham University. It is endorsed by a dozen professional organizations and institutions that promote student research. This year's conference was hosted by Fordham University, with kind support from several sources—including SPSSI and the Fordham Institute. Thanks to APS Executive Officer

¹ Takooshian, H., Pipinelli, A., & Congress, E.P. (2013, Winter). Ten years in New York City: International Conference at Fordham). Retrieved: <https://div52.org/index.php/publications/40-past-issues-ipb>

² Photos from 2011: <https://get.google.com/albumarchive/109891726967304025021/album/AF1QipNAiC99jaGWAknI7c2v-QHip9w3gmC5TZFD0eIY?source=pwa>

³ Takooshian, H. (2011). New York Conference thanks APS. Retrieved: www.psychologicalscience.org/index.php/publications/observer/obsonline/23rd-annual-greater-new-york-conference-on-behavioral-research-thanks-aps.html

⁴ Takooshian, H. (2016). APS encourages student researchers for sixth year. APS Observer. Retrieved from: www.psychologicalscience.org/publications/observer/obsonline/aps-encourages-student-researchers-for-sixth-year.html#.WO5JeoWcHIU

Sarah Brookhart, the Association for Psychological Science offered all participants a gratis one-year membership in APS.

The conference theme for 2017 was “Promoting social justice, locally and globally”. Since one aim of this annual conference is to give students and faculty a chance to meet and mingle with some distinguished experts in their field, the conference’s gala day’s-end reception saluted five Guests of Honor for their leadership (Fig. 1): 1) Musician **John Dull**, a pioneer linking folk music with neuropsychology and social justice; 2) Attorney **Dora Galacatos**, the Executive Director of Fordham Law School’s Feerick Center for Social Justice; 3) Diplomat **Bruce Knotts**, an author, and Chair of the United Nations DPI NGO Executive Committee; 4) Psychologist **Deborah Martinez**, the Executive Director of NYSPA, the New York State Psychological Association; 5) Educator **Carey Weiss**, an innovator, and Director of Sustainability Initiatives, Gabelli School of Business.

Fig. 1. Participants offer a “thumbs-up” salute to Conference Guests of Honor (l to r): Assistant Dean Mica McKight, diplomat Bruce Knotts, attorney Dora Galacatos, educator Carey Weiss, musician John Dull, and Dean Elaine Congress

Another aim of this annual conference is to encourage excellence in behavioral research, so the conference presented six annual awards to outstanding student researchers (Fig. 2):

1) The Conference’s 2017 Scarpetta Award for outstanding undergraduate research was presented to **Rosaura Dominguez** of John Jay College; “*Are moms special: Perceptions of lie acceptability*”.

2) **Sowmya Kshtriya** of Teachers College, Columbia University, received the 2017 Guzewicz Award for outstanding cross-cultural research; “*Adverse childhood experiences and suicide-related outcomes*”.

3) **Sara Matsuzaka** of Fordham Graduate School of Social Service received the 2017 Hanson Award for outstanding research on social justice; “*Trans and in Alcoholics Anonymous: A qualitative study*”.

4) **Flora Markaj** of Fordham University received the 2017 Wexler Award for outstanding research in Industrial-Organizational Psychology; “*Lack of civics knowledge connected to the well-being of citizens*”.

5) **Sydney Y. Wood** of John Jay College of Criminal Justice received the Witmer Award for outstanding forensic research; “*Effects of phenotypic bias and lineup construction method on lineup fairness*”.

6) **Madeleine Lee** of Fordham Graduate School of Social Service received the 2017 Parker Award for outstanding neuropsychology research; “*Methadone treatment during hurricanes: A social justice framework*”.

Fig. 2. Student research awardees: Dean Congress with (l to r): Rosaura Dominguez (Scarpetta Award), Sowmya Kshtriya (Guzewicz Award), Sydney Y. Wood (Witmer Award), Flora Markaj (Wexler Award), Madeleine Lee (Parker Award), Dean Mica McKight, Sara Matsuzaka (Hanson Award)

All student awards were determined by ratings by an independent Awards Committee of 12 faculty from 11 institutions.

These seven awards are named for seven revered behavioral scientists:

1) Professor **Olga M. Scarpetta, PhD** (1938–1992), a gifted teacher at John Jay College, co-founded this Greater New York Conference in 1989;

2) **Tony D. Guzewicz, MA** (1954–2002), a prolific cross-cultural researcher and U.S. Fulbright Scholar to Japan;

3) **Meredith Hanson, DSW** (1936–2016), the beloved Director of the Doctoral Program of the Fordham Graduate School of Social Service;

4) **Richard H. Wexler, PhD** (1944–2014), a visionary leader who inspired www.Psychology21c.org;

5) **Lightner Witmer, PhD** (1867–1956), a founder of forensic psychology in the USA;

6) **Rolland S. Parker, PhD** (1928–2010) was an esteemed author and President of the NY Academy of Traumatic Brain Injury;

7) **A. Vincent Toth, MS** (1948–1995), a revered researcher at Cornell Medical College.

Fordham Provost Stephen Freedman noted: “*The 29th Greater New York Conference on Behavioral Research brought a distinguished group of scholars to Fordham University-Lincoln Center on November 19, 2017 to highlight outstanding student research in the field. The conference effectively promoted interdisciplinary and inter-school collaboration among our faculty and students, including undergraduates, and advanced critical themes of global social justice. I commend the fine work of conference committee members who organized this forum and wish them success in future endeavors*”.

The location of the 30th Conference in November of 2018 will be announced in spring of 2018.

© Takooshian, H., Congress, E.P., McKnight, M.J., 2017

For citation:

Takooshian, H., Congress, E.P., & McKnight, M.J. (2018). 29th Greater New York Conference on Behavioral Research. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 15 (1), 117—120. doi: 10.22363/2313-1683-2018-15-1-117-120

Bio Note:

Harold Takooshian — PhD, Professor of Psychology, Urban Studies, and Organizational Leadership at Fordham University (New York, USA). E-mail: takoosh@aol.com

Elaine P. Congress — DSW, MA, Professor and Associate Dean, Fordham Graduate School of Social Service. E-mail: congress@fordham.edu

Mica J. McKnight — MA, Assistant Dean, Fordham College at Lincoln Center. E-mail: mmcknight4@fordham.edu

Для цитирования:

Такушьян Г., Конгресс Э.П., МакНайт М. XXIX Большая Нью-Йоркская конференция по поведенческим исследованиям // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2018. Т. 15. № 1. С. 117—120. doi: 10.22363/2313-1683-2018-15-1-117-120

Сведения об авторах:

Такушьян Гарольд — PhD, профессор психологии и организационного лидерства в Университете Фордхэм (Нью-Йорк, США). E-mail: takoosh@aol.com.

Конгресс Элейн — магистр искусств, профессор и декан Фордхэмского Института социальной службы (Нью-Йорк, США). E-mail: congress@fordham.edu

МакНайт Мика — магистр искусств, помощник декана Фордхэмского колледжа в Линкольн-центре (Нью-Йорк, США). E-mail: mmcknight4@fordham.edu

ПРАВИЛА НАПРАВЛЕНИЯ, РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ И ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ В НАУЧНОМ ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ. СЕРИЯ: ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА»

ПРИЕМ И ПОДГОТОВКА РУКОПИСЕЙ К ПЕЧАТИ

1. Автор представляет в редколлегию серии электронный вариант статьи и сведений об авторе, оформленные согласно приведенным ниже требованиям, по электронному адресу psyj@rudn.university.

2. После поступления статьи в редколлегию Главный редактор или ответственный секретарь серии оценивают соответствие содержания статьи научному уровню и профилю журнала, а также проверяют на наличие заимствований в системе «Антиплагиат». Если статья не соответствует научному уровню и профилю журнала и/или процент оригинальности при автоматической проверке составляет менее 80%, то статья возвращается автору.

3. Статьи, успешно прошедшие предварительную проверку (см. п.2) направляются на рецензирование специалистам, докторам или кандидатам наук, имеющим публикации по проблематике, близкой к теме статьи (не менее 2—3 публикаций за последние 3 года). Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяются в зависимости от занятости рецензента, с учетом создания условий для оперативной публикации статьи.

В рецензии освещаются следующие вопросы: 1) соответствие статьи профилю журнала; 2) соответствие содержания статьи названию; 3) актуальность, новизна, теоретическая и/или практическая значимость проблемы; 4) полнота и научная грамотность описания основных положений теоретического и/или эмпирического исследования; 5) структура, стиль, язык статьи; наглядность иллюстративного материала (при наличии); 5) недостатки статьи с указанием рекомендаций по их исправлению; дополнениям или сокращениям, которые должны быть внесены автором (при наличии); 6) заключение рецензента (статья рекомендуется к публикации; рекомендуется с учетом исправления указанных недостатков; не рекомендуется к публикации в данном журнале).

4. Если в рецензии содержатся рекомендации по исправлению и доработке статьи, ответственный секретарь серии направляет их автору с предложением учесть их при подготовке нового варианта статьи или аргументировано (частично или полностью) их опровергнуть. Доработанная (переработанная) автором статья повторно направляется на рецензирование. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается редколлегией серии.

5. После принятия редколлегией серии решения о публикации статьи ответственный секретарь серии информирует автора о том, в содержание какого номера включена статья и указывает планируемые сроки публикации.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

Компьютерный набор: формат MS Word с расширением *.doc или *.docx; шрифт Times New Roman; кегль 12; межстрочный интервал 1,5; нумерация страниц внизу по центру; поля все 3,5 см; абзацный отступ 1 см.

Структура текста на русском языке:

– в левом верхнем углу УДК (определить с помощью сайта: <http://teacode.com/online/udc/>);

– название (полностью набрано заглавными буквами, форматирование по центру);

– инициалы и фамилия автора / авторов (строчные буквы, полужирный шрифт);

– место работы автора (для каждого автора: полное название вуза, организации и др.);

– рабочий адрес автора (последовательность: название улицы, номер дома, название населенного пункта, страна, почтовый индекс, курсив);

– аннотация содержания статьи (150—250 слов);

– список ключевых слов (5—10);

– текст статьи (рекомендуемый объем 15000—25000 знаков с пробелами); текст должен быть структурирован и иметь подзаголовки (например, для эмпирической статьи: *Введение, Материалы и методы, Результаты, Обсуждение результатов, Заключение/Выводы*); названия рубрик должны соответствовать содержанию статьи;

– таблицы и рисунки должны быть подписаны (все подписи и надписи должны быть продублированы на английском языке) и включены непосредственно в текст статьи; рисунки должны быть четкими, контрастными и только черно-белыми;

– при необходимости примечания или комментарии к тексту относятся в конец рукописи в раздел «**Примечания**». При этом в самом тексте номер примечания указывается цифрой в круглых скобках, например (1), (2) и т.д.;

– раздел «**Библиографический список**», в котором **по алфавиту** указываются выходные данные источников (обязательно указание **doi**, для тех источников, которые его имеют, наличие проверяется на сайте: <http://search.crossref.org/>), на которые есть ссылки в тексте статьи (сначала на русском, затем — на иностранных языках). В самом тексте в круглых скобках указываются фамилия автора и год издания, подробнее см.: http://journals.rudn.ru/index.php/index/pages/view/References_guidelines_APA;

– сведения об авторе / авторах: ФИО (полностью), ученая степень, ученое звание, должность (+ полное название кафедры, вуза / организации), e-mail (будет опубликован).

После всех указанных материалов на русском языке помещаются:

– перевод на английский язык названия статьи;

– транслитерация фамилии, имени, отчества автора (авторов);

– официальный перевод наименования организации;

- транслитерация адреса организации;
- перевод на английский язык аннотации и ключевых слов;
- раздел **“References”**, в котором содержится список литературы в романском алфавите (транслитерация + перевод), оформленный по правилам Американской психологической ассоциации (APA): http://journals.rudn.ru/index.php/index/pages/view/References_guidelines_APA. Порядок источников в этом списке может отличаться от «Библиографического списка», т.к. он составляется согласно английскому алфавиту. Обратите внимание, что оформление источников в этом списке (даже источников на иностранных языках) отличается от оформления в библиографическом списке (см.: http://journals.rudn.ru/index.php/index/pages/view/References_guidelines_APA);
- перевод на английский язык сведений об авторах.

В случае публикации статьи на английском языке после списка литературы (**“References”**) помещается название; фамилия, имя, отчество автора (авторов); наименование и адрес организации; краткая аннотация; ключевые слова и сведения об авторах на русском языке. Если в списке есть источники на русском языке, то в разделе **“References”** они помещаются в романском алфавите (транслитерация + перевод).

Вопросы, связанные с требованиями к оформлению и сдаче рукописей, принимаются по адресу psyj@rudn.university.

ф. СП-1

ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»

АБОНЕМЕНТ на журнал

36432

(индекс издания)

ВЕСТНИК РУДН
**Серия «Психология
и педагогика»**

Количество
комплектов:

на 2018 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

на журнал

36432

(индекс издания)

ПВ	место	литер

ВЕСТНИК РУДН

Серия «Психология и педагогика»

Стои- мость	подписки	_____ руб. ____ коп.	Количество комплектов:	
	переадресовки	_____ руб. ____ коп.		

на 2018 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)